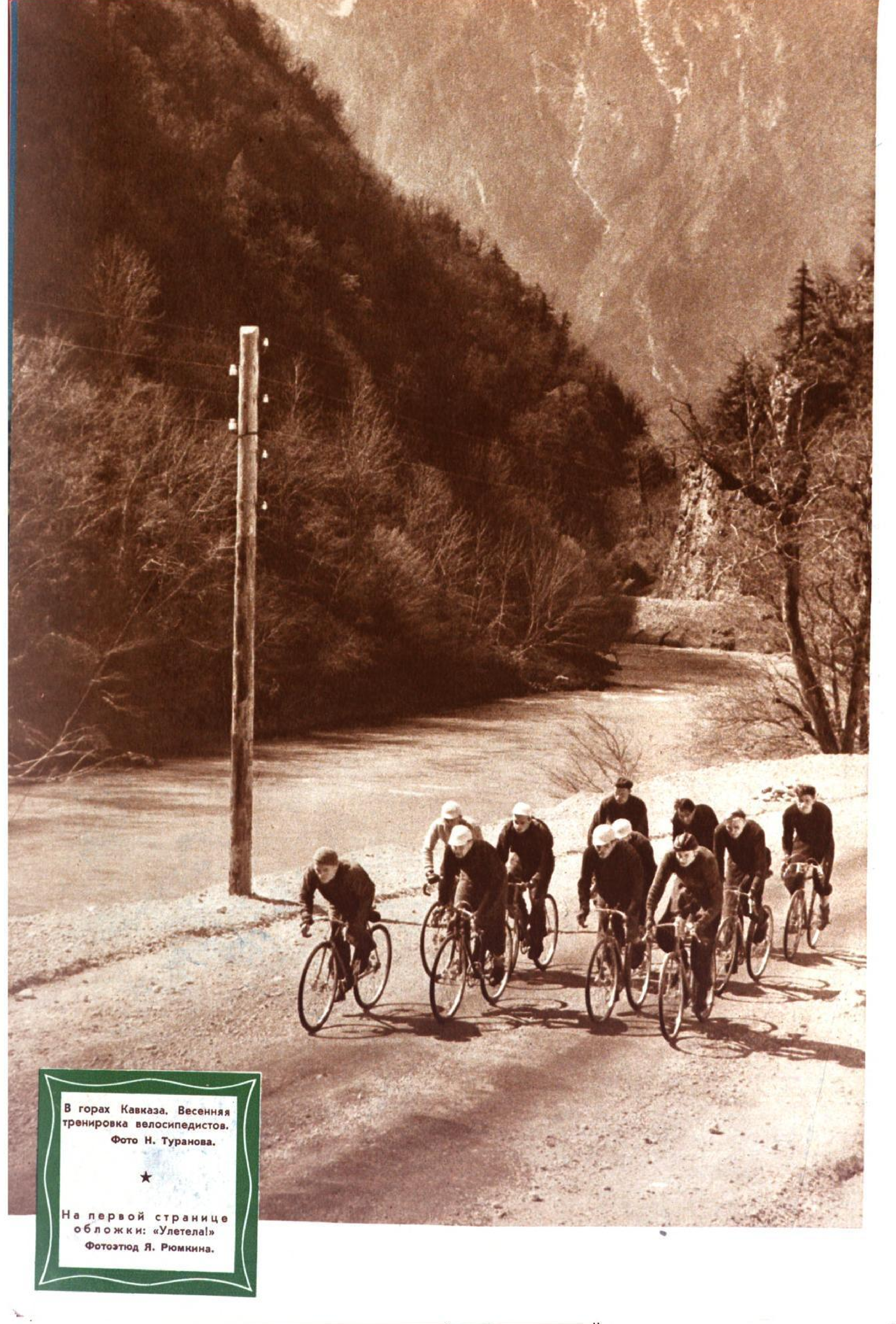

Copyrighted material

В горах Кавказа. Весенняя тренировка велосипедистов.
Фото Н. Туранова.

★

На первой странице обложки: «Улетела!»
Фотоэтюд Я. Рюмкина.

Copyrighted material

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 15 (1504) 8 АПРЕЛЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КУЗЬМА-УКРЕПИТЕЛЬ

Рассказ

Г. РАДОВ

— Располагайтесь, не стесняйтесь, товарищи гости. Притомились? Ноги гудят? Загудят! Колхоз у нас большой, не шутейная вещь его осмотреть. Все видали? И фермы, и сады, и огороды? И теплицы смотрели? И безлесные постройки? И ток с полной автоматикой? Все, значит, видели... Ну, то добре, если видели, а вот слышали, наверно, не все. С кем говорили-то? С Кузьмой Никифоровичем? Э, тот всего не расскажет...

Особенный он у нас, председатель. Оно, по правде сказать, и до него был орел. Виднейший! Степан Горобец. Слыхали про такого? Всем взял — и осанкой, и фигурой, и голосом. И на все руки: механик завзятейший, в постройках знает толк, по хлеборобству понимает, честный, трезвый, оборотистый. Насчет купли-продажи первейший мастер. Словом, что и говорить — орел! А вот жили мы при нем так себе: серединка наполовинку. И по урожаям задних пасли, и по удоям, и по привесам. Начнем доходы подсчитывать, раскинем свои миллионы по гектарам земли — пустяки получаются, безделица. Одной пшеничкой и выручались. Пошлет Горобец гонцов по стране, разведает, где уродило, а где не уродило, и — р-раз вагоны с мукой в недородный край! Расторгуемся, озолотимся, тем только и закроем прорехи. На чужих невзгодах наживались! Совестно про это вспоминать, но из песни слова не выкинешь. Было...

Почему при сильном председателе у нас дело не шло? Сами не могли докопаться. Аж при Кузьме поняли, какой у нас с Горобцом был просчет.

А принимали Кузьму без охоты. Вышли они — Горобец рослый, крупный, приметный, в синем парадном кителе, при орденах, при звезде, а Кузьма Никифорович невысокий, плечи вислые, без наград, в пиджачке ношеном, в сатиновой рубахе. Задвигались, зашептали люди: как проживем с такой невидной фигурой? Горобец, тот, бывало, сядет в «Победу», подкатит к сельхозснабу в полной парадной форме — все двери перед ним сами собой открываются. А перед Кузьмой откроются? Не наживем с ним беды? Было сомнение. И Горобца — его посылали на учение — было жаль отпускать. Думалось: на одном нем держится наше дело...

Глубочайшую разведку провели перед выборами, разузнали, что Кузьма за человек. Слава про него ходила редкая. Укрепитель! Понимаете, особая выпала ему судьба. Иного двадцать лет держат на одном месте, не перекидывают, а этого что ни год, то на новое место. Только он, бывало, наладит один колхоз, подтянет его к первой строке районной сводки и сам расправит плечи, как, глядь, где-то на дальнем хуторе оплошало руководство, нужна мастерская рука. И, смотришь, Кузьму уже посылают туда.

«Товарищи! — просил Кузьма. — Да оставьте же еще хоть на годок! Дайте пожить в хорошем колхозе, а то я безработным останусь при полном коммунизме: переведутся отстающие, а я к передовым не привык».

«Не горюй, — смеялись в районе, — хватит на твой век отстающих».

А он и не горевал! Привезет его секретарь райкома в захудалую артель, сам совестится, что вручает Кузьме одни прорехи, а Кузьма, хоть у него тоже на душе кошки скребут, не подает виду. Еще и утешит секретаря:

«Ну что ж, Иван Васильевич, в общем-то и тут перспективное дело...»

Перспективное! Кормов нет, дохода нет, счета закрыты, одно есть — перспектива.

Но Кузьма не ошибался! Годок минет, другой начнется, глядь, а дело-то и впрямь повеселело, выравнялось. Удивлялись люди: чем он берет, Кузьма? Сам он как будто ничем не выдавался. И администратор не знаменитый — далеко ему до властного Горобца, — и по строительству не первый мастер, и по машинам не особый знаток, и в смысле купить-продать не было у него таланта. А поднимал колхозы. Да как! Он уйдет, возьмется за новое «перспективное», а тот колхоз, откуда он ушел, знай себе набирает скорость. И председателя туда после Кузьмы поставят послабей, помоложе, а дело не валится. «Что за причина?» — доискивались люди. — Какую пружину с долгим заводом вставляет Кузьма в «перспективные» дела?»

Понимаете, все видели, что талант у человека, а что это за талант, какая у него методика, какими он снадобьями врачует отстающих, сразу не могли разобрать...

И мы его не сразу раскусили... Думали так: явится новый председатель, в первый же день возьмет вожжи в руки, покажет власть. Нет, не показал власти. Сойдемся на правление. Он сидит, молчит, ни да, ни нет не говорит, только спрашивает: «Как ваше мнение? А как ваше?» Ох, донимал! Взмокнем, головы чугуном нальются, а он все свое: как мнение да как мнение? Мы-то не приучены к такому порядку. Мнение! При Горобце, когда правление заседало, один его голос и слышался. Он командует, а мы только руки вверх — вниз, вот и все наше мнение. А Кузьма, этот в стороночку отойдет, смотрит, слушает, наблюдает, как мы развернемся своими головами. И... дайте мнение!

Не от всех он добился мнения, на третьем месяце заходился нас шерстить. С кого начал — вот что всех озадачило. С Фомича! Не знаете такого? Илья Фомич Скупенченко — первая горобцова опора — району известен, краю известен, а Кузьма Никифорович дает ему от службы поворот! Всполошились все: «Этак он и до нас достанет!» Не даем своего согласия. Будь он, Фомич, пьянюга или на руку нечист, а то ж трезвейший человек, двадцать два года, как шуруп, в ферму ввинчен. За что же его скидать?

Раздумались, начали вспоминать фомичову двадцатидвухлетнюю службу — вроде бы и не находим изъяну. Фигура крепкая. Как при первом гиганте поставили его над фермами, так с той поры был там бессменно и безотлучно. Человек хлопотливый. Трясся над каждой копейкой, себя не жалел, ее сохранял. Не было падежа. Правда, и доходности не было. Двадцать два года так дело вел: ни два, ни полтора. От роду такой: доверьте ему тысячу хвостов и не заглядывайте: всех сохранит, ни одного не загубит. А что они беспородные, яловые, что от них молока не добьешься, это ему не беда. Доярка ходит за ним: «Фомич, миленький, к чему же эту рябую корову сохранять, она же доится на один сосок, соображайте насчет породы». А он ей: «Отчепись, Одарка, моя главная задача — сохранение поголовья». И с кормами у него всегда так: бескормицы нет, но и не разъедятся коровы, скупец. Начнут выдавать бураки, а он стоит над фуражиром, доярок пилит: «И что у нас за прожорливая скотина, кормов не напасешься».

Бедовали доярки. Загадают: «Да хотя бы на него, на нашего милого Фомича, хвороба какая напала неопасная... Паралик бы ему разбил те три пальца, какими он ордера подписывает». Вот до чего довел девчат! Они ему про хорошее толкуют, про новое, а он: «Что ж, вполне допустимо. Три тысячи удой? Четыре? Допустимо!» А возьмут лишний грамм на раздой — ногами топочет. Да, доярки бедовали, но для Горобца Фомич был надежнейший. Хранитель! Можно и не заглядывать на ферму, когда там Фомич. И в районе все за него: падежом сводки не портит.

Припомнили мы все это, подступаем к Кузьме:

«Охолоньте, Кузьма Никифорович! Плохо ли вам с Фомичом? Ну, допустим, миллионов

Рисунок П. Пинкисевича.

вы от него не дождетесь, но и выговора за падеж не схлопочете. Удобный человек!»

«Нет,— говорит Кузьма,— давайте скинем! Хранитель он? Вот и поставим его в кладовую. Всяк человек должен занимать свое место: смелый — живое, несмелый — такое, где смелость не требуется. Марусю Донченкову поставим на фермы. Как мнение?»

Ахнули все. Марусю! Да от этой же Маруси Горобец трижды на курорт уезжал! Не дай ей для коров полного рациона — край на ноги поставит, до министра дойдет... Ни почтения, ни уважения. Высокая, сухая, глаза огневые, голос пронзительный. Горобец спасался от нее, спасался, пока не нашел методу — по командировкам пускал. То на курсы отправит трехмесячные, передохнет, а когда она с курсов возвернется, он ее за телками в Кострому. Пошлет и держит, держит там, бьет телеграммы: задержись на неделю, еще на неделю... Такая Маруся! Грамотная, в скоте знает толк, но характер! Два мужа от нее отштатнулись... А Кузьма ее на фомичово место. Мы остерегаем:

«Смотрите, Кузьма Никифорович, хлебнете вы с ней лиха. Начнет на вас жаловаться, не отвяжетесь».

«Ничего,— говорит Кузьма,— жалобы переживем как-нибудь, зато удои будут!»

Мы стояли на своем, и представитель района вступился за Фомича. «Учите,— говорит,— его, пускайте над ним пропаганду, подкидывайте опыт».

Опыт! Фомича этим опытом уже двадцать лет кормили: и на выставки его посылали, и на экскурсии, и плакаты перед глазами вешали — ничто его не брало. Бронированный! Плакатики развесит, а сам и ухом не ведет...

«Нет,— говорит Кузьма,— хватит кормить Фомича опытом, не в коня корм!»

Скинул Фомича, двинул Марусю. Развернулась дивчина. Доярок подвеселила, за книжки взялись. К Кузьме подступает, не дает ему проходу, а он не отбивается, а еще и раззадоривает:

«Что ж ты такая смирная, Маруся, а ну-ка поддай огонька!»

И началось! Только с Фомичом управились, глядь, Кузьма уже подбирается к Онуфрию Теремку. А Теремок — особенная фигура. Здоровеннейший казачина! Он рыбоводом служил. Но больше голосом отличался. Такой был у казака голосяка — лампы тушил. Отойдет от «молнии» на три шага, как рявкнет: «В огороде верба...» Ни праздник, ни гулянка — ничто без него не обходилось. Если к началу не позовут, так в разгар спохватятся: «И что это жизни нет, давайте Теремка»! Пошлют гонца, еще и на руках донесут. Такой талант! А к рыбе нет способности. То она у него подо льдом задохнется, то через греблю переплеснет с полой водой — уйдет к соседям. Но поговорить любил.

Приедет районный представитель, явится на реку, спросит: «Ну, дед Онуфрий, вам резервы этого водоема известны?» А Теремок — охотник язык почесать. «Нет,—говорит,— не известны, товарищ начальник, вразумляйте!» «Так вот, — скажет представитель, — тут, дед, в резерве по этому зеркалу две тысячи пудов рыбы». «Ну-у? — удивится Теремок. — Вот это наука!» «А как же? — скажет представитель. — Вот тебе книжка, плакат, изучай, применяй». Теремок тоже не против книжек. Пожалуйста. Возьмет, прочтет, да еще и дружкам расскажет. А потом к жинке за божницу положит, а сам на свадьбу зальется. Спектакль, а не работник. Но Горобец его держал. Почему? Вот именно — почему?

Это я уже не первый раз примечаю: человек сильный, смелый, замашистый, а помощников подбирает не по себе, а, как бы сказать, под себя, чтоб не рядом с ними стоять, а возвышаться, как соняшник над овсом. Так и наш Горобец действовал: выбирал людей не по головам, а по нраву. Считалось, что на колхоз хватит и одной его, горобцовой, головы, других не потребуется. Подбирал людей безотказнейших, безответных, смирных, малограмотных, таких, что и команду не нарушат и от себя ничего не прибавят. И не выдадут! Если случится, что Горобец запамятует, сорвет какое-то дело, помощники всю вину на себя возьмут. Комедии разыгрывались. Явится строгий уполномоченный, зашумит на Горобца: «Ты почему сорвал, не выполнил?»

А Горобец и не собирался выполнять, но не признается, зовет помощника, криком на него кричит: «Я тебе не говорил, Пантелей, что надо выполнять, не приказывал? Ах ты, чертов сын! Срывщик!» Пантелей в курсе дела, кивает: «Ваша правда, Степан Иванович, говорили, я виноватый, наказывайте».

Обманут уполномоченного, наобещают ему с три короба, проводят, рассмеются, на том и дело кончится.

Потому и держал Горобец таких помощников, а людей посмелее — на выдвижение пускал, в МТС, в другие колхозы. А в районе про горобцовых помощников говорили так: «Стабильные кадры». Не говорилось, что смелые, умные, дельные, а «стабильные».

А Кузьма все перевернул, испортил сводку стабильности. Фомича — долой, Теремка — долой. Ставит на теремково место хлопца-десятиклассника. Пошла пертурбация! За Теремком меня попросили с должности. За что? А за гибриды, будь они семьдесят семь раз неладны. Зовет меня Кузьма, приказывает:

«Разводи, Спиридон, кукурузный гибрид».

«Еще новости! — говорю.— Да у меня же он шесть лет, как заведен».

«Кто заведен?»

«Гибрид!»

«Шесть лет? — Кузьма прищуривается. — И что за толк?»

«Та нема толку, Кузьма Никифорович! Рассуждаю, что одни балачки про эту гибридизацию. Нема урожая...»

«Д-да,— говорит Кузьма,— плохо твое, Спиридон, дело».

И свергли! Кто же мог знать, что этот клятый гибрид один год дает прибавку, а на другой год снижение? Опять надо разводить семена, скрещивать кукурузного батька с матерью, на матери метелки ломать. Премудрость! А до книжек я не охотник, не знал, истинно признаюсь, и еще б двадцать лет тот гибрид сеял, если бы не остановили. Полетел с поста! Сдал дела девчушке одной, из техникума явилась. Шустрая! Поля обошла, закапризничала: то не так, другое не по науке! Кузьма к ней и привалился, подержал полгода у меня в помощниках, да и двинул на мое место.

Всех перешерстил! И все смотрит, смотрит на людей, приценивается, кто на что гож. А то пожалуется:

«Ох, плохо еще знаю людей! Вот они в списке, две тысячи к труду способных. Четыре тысячи рук. Ну, допустим, руки я взял на учет, уложил в график. А головы?! К чему они способны? Может, в этих двух тысячах и Марки Озерные ходят, а может, и Мальцевы... Должны ходить! А кто же у нас Марк Озерный? Глянешь на какого-нибудь Панька: кто ты такой, Панько? К чему способен? А он и сам себя не знает. Надо его открывать...»

Открывал! Как раз Панька-то и открыл. Был у нас такой правленческий конюх — Панько Голубь. Грамотный, дельный хлопец, но с чудинкой. Горобец его окрестил так: «Мичуринец до горы ногами». Верно, до горы. Служил Панько на винограднике, пробовал не прикапывать виноград: чи померзнет, чи не померзнет. Вымерзло-таки восемь кустов. Горобец расшумелся: «Куда ты со своим носом! Наука не достигла, а ты замахиваешься? Иди лучше в кучера». Осрамил, ославил хлопца. А Кузьма подобрал. «Ничего,— говорит,— испыток не убыток, езжай на учение, Панько. Будет из тебя виноградарь».

Вот так и выбирал помощников Кузьма Никифорович — с чудинкой, с огоньком, с беспокойным характером.

«Перспективное дело» и «испыток не убыток» — такие были у него поговорки. И ведь наладилось! Хотя, конечно, на чей вкус наладилось. Горобец, тот бы на край света забежал от такого лада. Как обступят Кузьму новые помощники, как начнут трясти: и то им подай, и это преподнеси, и пятое, и десятое... Жалуются в район, в край, в Москву... У всякого тыща затей. А Кузьма доволен, нравится ему такая обстановка.

«Вот оно где,— говорит,— перспективное дело!»

Шагаем! Думаю, если теперь и Кузьму от нас возьмут, бросят куда-нибудь на укрепление — не хитнется наш колхоз, есть опора. Одного опасаюсь: как бы к нам Горобца после учения не подкинули. Как думаете, товарищи гости? Не подкинут? Ох, может случиться!..

СОВЕТСКО-

С 29 марта по 4 апреля в Москве по приглашению Советского Правительства находился Премьер-Министр Швеции г-н Таге Эрландер.

Премьер-Министр Т. Эрландер и прибывший вместе с ним Министр внутренних дел Г. Хедлунд имели в Москве переговоры с Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным, Членом Президиума Верховного Совета СССР, Первым Секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым, Первым Заместителем Председателя Совета Министров СССР и Министром иностранных дел В. М. Молотовым и другими руководящими деятелями Советского Союза.

Переговоры происходили в духе дружбы и добрососедства, характеризующих отношения между Швецией и Советским Союзом.

В результате этих переговоров 3 апреля в Кремле было подписано советско-шведское коммюнике.

После пребывания в Москве шведские гости отправились в поездку по Советскому Союзу.

НА СНИМКЕ ВВЕРХУ: Подписание советско-шведского коммюнике Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным и Премьер-Министром Швеции Т. Эрландером.

Фото А. Новикова.

НА СНИМКАХ СПРАВА:

Посетив рабочий кабинет и квартиру В. И. Ленина в Кремле, г-н Эрландер сделал запись в книге впечатлений.

Премьер-Министр Швеции Т. Эрландер и сопровождающие его лица знакомятся с историческими и архитектурными памятниками Московского Кремля

МОСКВА—ГОРОД,

Copyrighted material

ШВЕДСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

В КОТОРОМ ПРИЯТНО ЖИТЬ

Улоф **Т Р У Л И Н**, шведский журналист

Вместе с группой шведских журналистов, гостящих в столице вашей страны, я имел недавно возможность посетить атомную электростанцию.

Об этом сооружении, являющемся вдохновляющим примером русского инженерного искусства, сейчас очень много говорят в мире. Атомные техники, инженеры, ученые вашей страны заложили основы, которые, несомненно, означают начало новой эпохи в экономическом развитии прежде всего Советского Союза, а также и других стран, где производят подобные эксперименты, чтобы получить энергию из нового волшебного источника.

Когда мы возвращались в Москву, перед нашими глазами предстал прекрасный профиль нового Московского университета; его впечатляющая архитектура и высота являются символом нового времени. Это огромное учебное заведение — плод зрелой технической мысли, которая, как мы надеемся, явится ключом к дальнейшему улучшению жизненных условий людей. Для туриста, для каждого, кто приезжает в Москву, в глаза бросается тот факт, что советская столица находится в процессе роста, в процессе бурного развития. Воздвигаются новые жилые дома, строятся новые фабрики с применением самых передовых методов строительства. Благодаря озеленению и новым паркам Москва оставляет сильное впечатление широты и свободы.

Я был в Москве двадцать лет назад в качестве туриста. И на меня рост Москвы производит большое впечатление. Тот факт, что при расширении улиц сохраняются старые, очень ценные здания, что сохраняются традиции и хороший стиль, характерный для архитектуры столицы, вызывает чувство большого уважения.

Когда иностранные туристы (мы надеемся, что это произойдет в ближайшее время) будут во все большем числе приезжать в Москву, быть может, на автомобилях или автобусах по автостраде из Минска, то перед их глазами развернется чарующий внешний вид города...

Москва — это хорошо распланированный город. Его широкие магистрали открывают перспективы для еще большего развития автомобильного транспорта. Я понимаю: у строителей Москвы есть еще большие нерешенные проблемы, и им предстоит еще немало сделать, чтобы обновить старые жилые кварталы, построить новые. Но уже сейчас можно сказать, что Москва является городом, в котором приятно жить.

← Г-н Эрландер среди москвичей.

НОВЫЙ ПОСОЛ ФНРЮ

29 марта в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Федеративной Народной Республики Югославии в СССР Велько Мичуновича, вручившего свои верительные грамоты. На снимке: К. Е. Ворошилов и Велько Мичунович после вручения верительных грамот.

Фото А. Новикова.

ГОСПОДИН ДЕЖАН В СТУДИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Вечером 1 апреля Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в СССР г-н Морис Дежан выступил по московскому радио и телевидению.

Фото В. Дубова.

Copyrighted material

Дневник ОГОНЬКА

Двигатели реактивного самолета «ТУ-104»

Наш корреспондент обратился к главному конструктору П. Ф. Зубец с просьбой рассказать читателям «Огонька» о том, как создавались двигатели для скоростного пассажирского самолета.

— Самолет «ТУ-104» имеет, — сказал П. Ф. Зубец, — два реактивных двигателя, о мощности которых достаточно убедительно свидетельствует следующее сравнение: газовые турбины двигателей по своей расчетной мощности превосходят мощность гидротурбин Волховской электростанции и значительно отличаются от последних меньшими габаритами и весом. Продолжив сравнение с электростанциями, скажем, что мощность всех газовых турбин «ТУ-104» превосходит мощность каждой отдельной гидротурбины Куйбышевской ГЭС. Оба реактивных двигателя расходуют в час более одного миллиона кубометров воздуха. А их турбины вращаются с окружной скоростью более 1 100 километров в час.

Какова в общих чертах история создания этих двигателей?

Принципиальная схема и размерность их горячо обсуждались. Разгорелась острая и длительная борьба вокруг вопроса, создавать ли двигатели с большой мощностью в одном агрегате или следовать зарубежным традициям, по которым мотоустановки собираются из нескольких двигателей меньшей размерности.

Для решения этого вопроса понадобилось несколько лет. Жизнь подтвердила, что правы оказались те, которые были за двигатель большой мощности в одном агрегате. Первые образцы были выполнены опытным заводом, которым руководит главный конструктор С. К. Туманский, и конструкторскими бюро, возглавляемыми Ф. А. Коротковым, Ф. И. Голгофским и П. Н. Тарасовым. Не менее важный по значению и объему труд по освоению реактивных двигателей в серийном производстве был выполнен коллективами, которыми руководили И. Т. Борисов и А. Д. Смирнов.

Таким образом, в результате большого плодотворного труда созданы современный реактивный двигатель и на базе этого двигателя реактивный самолет «ТУ-104». Само собой разумеется, что построить такой мощный и сложный двигатель возможно только при условии самого высокого уровня развития многих отраслей промышленности и в том числе авиационной.

В заключение беседы П. Ф. Зубец сказал:

— По мере увеличения скорости и грузоподъемности самолетов, естественно, появляется необходимость в создании все более и более мощных и экономичных двигателей. Советские конструкторы продолжают настойчиво работать над дальнейшим развитием их и созданием новых двигателей этого класса. Мощность газовых турбин современных авиадвигателей исчисляется десятками тысяч лошадиных сил. Недалеко то время, когда она будет равна сотням тысяч лошадиных сил. Таково ближайшее будущее реактивных двигателей больших высокоскоростных самолетов.

Перед ледоходом

Близится ледоход на Москве-реке. Часто бывает, что льдины скопляются в труднопроходимых местах, образуя заторы. Это задерживает движение вешних вод, они могут выйти из русла и разлиться по прилегающей территории.

Чтобы избежать заторов, еще до начала ледохода на отдельных участках реки лед взламывается.

На снимке: ледокол «Вьюга» взламывает лед на Москве-реке.

Фото А. Фрадкина.

На полях Ферганы

В Ферганскую долину пришла весна. Используя благоприятную погоду, колхозы Наманганской области начали полевые работы. Они ведут боронование зяби, вспашку, борьбу с сельскохозяйственными вредителями.

На снимке: боронование зяби под посев хлопчатника в колхозе имени Сталина, Уйчинского района.

Фото Е. Корниенко (ТАСС).

Новая модель швейной машины

Упаковщица сборочного цеха М. Гарагатая готовит к отправке машины «М-4».

Фото А. Коптюхина.

Завод швейных машин в Харькове выпустил свою первую продукцию в мае 1955 года. Это была электрическая швейная машина «М-1». Но модель «М-1» имела много недостатков. На смену ей пришли другие, более совершенные. Сейчас конструкторы завода разработали новую модель швейной машины — «М-4», которая имеет два привода: электрический и ручной. Завод приступил к серийному изготовлению этой машины.

Три дрейфующие станции

А. Г. Дралкин.

Прощаясь с друзьями-москвичами перед отъездом в Арктику, океанолог Александр Гаврилович Дралкин шутил:

— Лечу я вроде как домой, к обжитым местам.

— Счастливого дрейфа! Шутяеву там кланяйтесь, — напутствовали Дралкина товарищи.

«Обжитое место», о котором шла речь, расположено в тысячах километров от твердой земли, в центре Ледовитого океана. Это — ледяное поле дрейфующей станции «Северный полюс-4». Два года назад океанолог А. Г. Дралкин и механик А. И. Шутяев высадились на этой льдине вместе с другими полярниками, провели год в дрейфе, а прошлой весной возвратились благополучно на Большую землю.

Зимой, в разгар полярной ночи, когда на «СП-4» зимовала вторая смена научных сотрудников во главе с П. А. Гордиенко, туда вновь прибыл на самолете старожил высоких широт Александр Иванович Шутяев. Теперь на эту же дрейфующую станцию отправляется уже третья смена полярников. Руководство новым коллективом поручено кандидату географических наук А. Г. Дралкину. Механик А. И. Шутяев изъявил желание остаться на третью зимовку на льдине.

Ломаной, зигзагообразной линией обозначен на карте двухлетний путь «СП-4». Общая протяженность двухгодичного дрейфа «СП-4» от 75-го до 87-го градуса северной широты составляет около пяти тысяч километров. Сейчас «СП-4» находится в районе, где два года назад начинала свой дрейф научная станция «Северный полюс-3».

В середине апреля исполняется первая годовщина дрейфа научной станции «Северный полюс-5» во главе с Н. А. Волковым. Высадившись на лед к северу от Новосибирских островов, полярники «СП-5» проплыли в общем потоке ледового дрейфа свыше двух тысяч трехсот километров и сейчас находятся за 86-й параллелью, много севернее Северной Земли.

С нынешней весны в Центральной Арктике будут работать одновременно три дрейфующие станции. Наряду с «СП-4», которая продолжит свой дрейф дальше, вероятно, в направлении района географического Северного полюса, и «СП-5», которая будет продолжать дрейф, по-видимому, на северо-запад, создается новая полярная станция, «СП-6». Сотрудники ее высадятся на дрейфующий лед океана к северу от Берингова пролива, между 79-й и 81-й параллелями, примерно в том районе, где пять лет назад завершила работу станция «СП-2».

А. И. Шутяев.

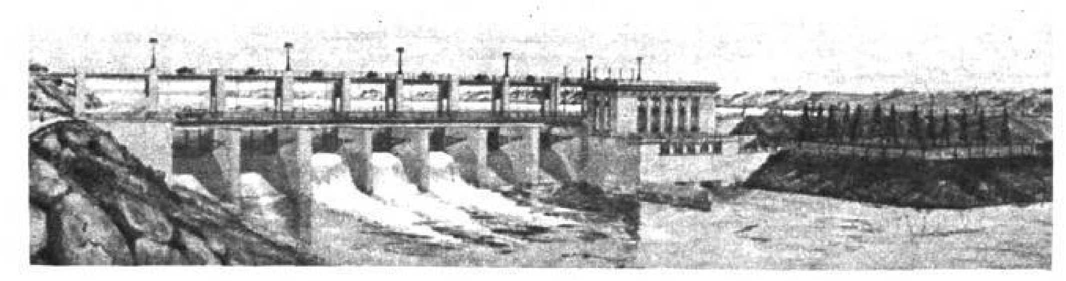
Знакомой воздушной дорогой поведут свои летные отряды испытанные полярные авиаторы Герои Советского Союза И. С. Котов и М. А. Титлов. Летчики доставят новые домики и палатки для ученых, новую научную аппаратуру, запасы продовольствия и снаряжения.

С. МОРОЗОВ

Фото Я. Рюмкина.

Copyrighted material

Каскад на Южном Буге

Так будет выглядеть Глубочекская ГЭС.

Фото С. Пучкова.

Директивами XX съезда КПСС предусматривается расширить строительство районных и межрайонных гидроэлектростанций для электрификации сельского хозяйства.

Среди малых рек на Украине особенно богат водными ресурсами Южный Буг. Его протяженность — около 860 километров, общее падение — 290 метров.

Рождаясь в болотах Хмельницкой области, река, то спокойная, то бурлящая, пересекает несколько областей.

Гранитные берега, прочное дно, большое падение русла позволяют построить на Южном Буге гидроэлектростанции, энергией которых воспользуются свыше 900 колхозов, несколько десятков МТС, совхозов и ряд городов.

На реке уже построены гидроэлектростанции мощностью около 10 тысяч киловатт.

В шестой пятилетке предполагается шире использовать водную энергию Южного Буга. Проектировщики и изыскатели украинского филиала «Гипросельэлектро» ведут исследование оснований для Константиновской ГЭС в Николаевской области.

Начато строительство Гайворонской ГЭС мощностью в 4 500 киловатт, возводится Глубочекская ГЭС мощностью 6 130 киловатт, которую строят 70 колхозов Винницкой области.

В ближайшие годы на Южном Буге будут строиться 15 гидроэлектростанций общей мощностью около 70 тысяч киловатт

Л. ХИЛОБОЧЕНКО

Для английских шахт

У причала второй лесобиржи Архангельского порта стоит лесовоз «Правда». Далеко вокруг разносится терпкий запах древесины. Одна за другой подходят к борту судна грузовые автомашины. Связки коротких бревен втаскиваются лебедками наверх, осторожно опускаются на палубу. Это рудничная стойка для шахт, которую «Правда» должна доставить в английский порт Гулль.

Впереди трудное плавание, льды Белого моря, бурные воды Северной Атлантики. Но, как говорит старший помощник капитана Владимир Бугров, легких рейсов вообще не бывает. И все же предстоящий рейс не совсем обычен.

На «Правде» механизирована подача угля в топки котлов, машины заменили тяжелый ручной труд кочегаров первого класса.

Непривычно выглядит котельное отделение судна. Вспыхивают на стене сигнальные лампочки, поблескивают рычажки пульта управления. Целая система механизмов связала между собой угольные бункера и топки котлов.

На судне кочегар первого класса, по существу, превратился в машиниста. Не нужно ему теперь стоять с тяжелой лопатой у раскаленной, пышущей огнем топки, не нужно сдирать ломом шлаковую корку с колосников. За него это делает так называемая шурующая планка.

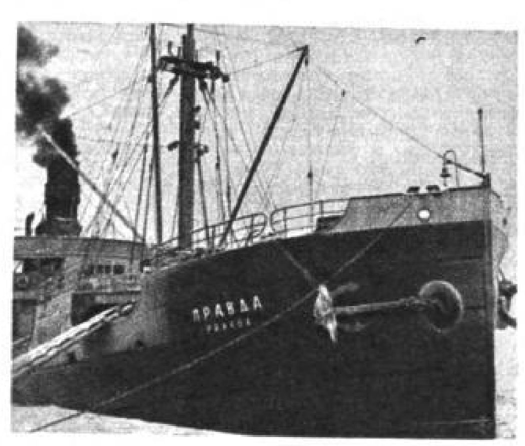
Механизация топки позволяет увеличить мощность машины, ускорить ход судна.

...А в верхней части лесовоза, на палубах, в каютах и трюмах идет своя напряженная жизнь.

О многом нужно подумать старпому Владимиру Бугрову перед рейсом: как лучше разместить груз на судне, чтобы не пропал ни один метр пригодной под погрузку площади; как уложить и скрепить его, чтобы не смыло волной в море, не раскидало ветром. Ведь груз хлопотливый. Легкий и небольшой по размерам, он требует к себе особого внимания. «Правда» впервые идет с таким грузом.

...Вдоль борта вырастает забор из вертикально поставленных бревен; одно к одному плотной массой ложатся внутри этого забора остальные бревна. При такой кладке грузу не страшны никакие штормы.

Н. ГАЛИМОН

Лесовоз «Правда» под погрузкой.

Фото В. Леонова.

Игла извлечена из сердца

Жизнь 20-летней колхозницы Дуси Леоненко из села Ново-Конданово, Снигиревского района, оказалась в опасности.

Дуся сидела у окна и зашивала валенок. Окончилась нить, втянутая в иглу, и девушка нагнулась, чтобы поднять упавшую на пол катушку. Игла — в зубах. Дуся вздохнула и... проглотила иглу.

Борьба за жизнь девушки началась в Снигиревской районной больнице. Затем санитарным самолетом Леоненко доставили в Николаевскую областную больницу.

Тревожные симптомы нарастали. Дуся жаловалась на боль в сердце, которая отдавала в левое плечо. Необходимо было срочное оперативное вмешательство.

— В таких случаях оперировать без рентгена, — рассказывает заслуженный врач Украинской ССР Иван Федосеевич Лизко,— значит искать иглу в стоге сена. Поэтому вывод был единодушен: провести операцию под контролем рентгена.

Рентгеновский кабинет больницы был срочно преобразован в операционную.

Операцию вели хирург Лизко, его ассистент Мельникова, рентгенолог Новаковская. Уверенным движением хирург вскрыл грудную клетку. Разрезана сердечная сорочка, и только теперь обнаружено слегка выступающее из мышцы сердца острие. Игла! Рентгеновское исследование подтверждает: игла находится между правым и левым предсердиями.

Еще одно усилие хирурга, еще одно осторожное движение — и игла удалена из сердца! Жизнь Дуси Леоненко спасена.

В. ПОДОЛЬСКИЙ,
В. ГЕФТ

Хирург И. Ф. Лизко и Дуся Леоненко.

Фото Г. Бондаренко.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА В СВЕРДЛОВСКЕ

Посетитель входит в один из залов. На мгновение гаснет лампочка, гудит зуммер, и на счетчике прибавилась еще одна единица. Специальное фотореле автоматически подсчитывает количество посетителей. За два месяца на свердловской промышленной выставке побывало более 37 тысяч человек.

В залах выставки сосредоточено свыше 3 тысяч экспонатов, рассказывающих о разнообразной продукции, которая уже выпускается или будет выпускаться на Урале в шестой пятилетке, о новинках техники, об опыте новаторов.

Много интересного на стендах Уралмашзавода. Вот действующая модель 14-кубового шагающего экскаватора. Недавно две такие машины с маркой «УЗТМ» отправлены на строительство Братской ГЭС. А рядом большой стенд, посвященный новому, крупнейшему в мире шагающему экскаватору с ковшом емкостью в 25 кубометров и со стрелой длиною в 100 метров. Гигантский механический землекоп будет весить 2 600 тонн; он снабжен 50 электродвигателями и сможет переработать в течение года около 6 миллионов кубометров породы. Экскаватор заменит 7 тысяч землекопов.

Другой стенд рассказывает о высокопроизводительном пятиклетьевом непрерывном стане холодной прокатки белой жести, предназначенном для «Запорожстали». Толщина листа будет автоматически контролироваться с помощью новейших приборов, действующих на основе использования радиоактивных изотопов. Здесь же макеты мощных горизонтального и вертикального гидравлических прессов. В натуре горизонтальный пресс имеет высоту трехэтажного дома, его длина — 68 метров.

Интересны и другие стенды. Они посвящены новым, уникальным электрическим машинам, гидрогенераторам в 21 тысячу киловатт, выпускаемым для Камской ГЭС. Привлекает внимание проект гигантского гидрогенератора мощностью в 300 тысяч киловатт, предназначенного для новостроек Сибири: Братской и Красноярской электростанций. Вес такого гидрогенератора — 1 960 тонн.

Промышленно-техническая выставка в Свердловске будет постоянной. В ближайшее время она переводится в новое, специально оборудованное помещение.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото И. Тюфякова.

Катера «Стрелка»

Цепочкой вытянулись катера с белоснежными бортами, красными днищами, с палубами вишневого и коричневого цвета. Это прогулочные и туристские катера типа «Стрелка». Серийное изготовление их для продажи в индивидуальное пользование налажено в Ленинграде.

На складе готовых изделий подготовлена к отправке большая партия катеров «Стрелка». Они представляют собой легкие деревянные четырехместные лодки для плавания по рекам, малым озерам и закрытым бухтам. Катер снабжен подвесным мотором мощностью в 5,7 силы, вообще же можно устанавливать моторы до 20 сил.

По суше катер удобно перевозить на прицепе за автомашиной или в кузове грузового автомобиля. Катер весит сравнительно немного — 230 килограммов вместе с мотором и оснасткой. Можно его и переносить вручную, для этого по бортам и на корме сделаны ручки.

Первая сотня катеров уже отправлена в Горький, Петрозаводск, Астрахань, Сталинград... Большая партия отгружена в Братск на Ангаре. В этом году завод выпустит несколько сот таких катеров.

К. ЧЕРЕВКОВ

Цепочкой движутся по поточным линиям катера «Стрелка».

Фото Н. Ананьева.

Copyrighted material

«Мы полны новых надежд», —

говорят представители деловых кругов Англии

На этом снимке вы видите директора английской фирмы «Э-Пи-Ви» Модрей Селигмэна с англо-русским словарем в руках. Он подошел к кинотеатру «Метрополь», в центре Москвы, где сейчас идет фестиваль английских фильмов, и, прежде чем обратиться к кассиру за билетом, готовит с помощью словаря очередную русскую фразу.

Мы совершили в тот день вместе с английским гостем небольшую прогулку по Москве, и я успел сделать несколько фотоснимков — в магазинах и на улицах. Однако Селигмэн просил опубликовать именно это фото, мотивируя свою просьбу тем, что отцу его приятно будет увидеть в московском журнале снимок сына с англо-русским словарем в руках.

— Селигмэн - старший, — объясняет Гарри Мэрфи, сопровождающий директора в этой поездке,— умный и далеко видящий человек. Он всегда стоял за широкую англо-советскую торговлю.

Доктору Ричарду Селигмэну сейчас 77 лет. Он основатель фирмы, которая специализировалась на выпуске оборудования для молочной, пищевой и химической промышленности. Он инженер и изобретатель. На основном предприятии фирмы в Лондоне занято около двух тысяч рабочих, есть дочерние предприятия в США, Бразилии, Индии, Канаде. Давняя мечта Селигмэна-старшего — расширить и укрепить деловые связи с Советским Союзом. Много лет назад он давал совет сыну, нынешнему директору фирмы, изучить русский язык.

Доктор Селигмэн был инициатором поездки представителей фирмы в Москву. Несмотря на свой преклонный возраст, он в курсе всех деталей англо-советских торговых связей. Провожая сына в СССР, старик говорил:

— Согласно шестому пятилетнему плану, Советский Союз совершает новый скачок вперед в молочной и других отраслях пищевой промышленности. Это более чем важно для нашей фирмы. Отправляйся в Москву. Тебе следует встретиться с инженерами молочной промышленности, технологами, техниками, деловыми людьми. Расскажи о том, чего мы достигли, узнай о достижениях русских, узнай, что им нужно для роста пищевой промышленности...

Тогда же было решено, что в СССР поедет и Гарри Мэрфи, начальник отдела по советским заказам; он изучал русский в Кембридже и сносно говорит без словаря. «Это должно понравиться Москве,— говорил основатель фирмы «Э-Пи-Ви».— Это покажет серьезность наших намерений продолжать и укреплять деловые связи».

— Если бы отец был помоложе, он обязательно сам бы приехал сюда,— говорит Селигмэн-младший.

Итак, главная цель делегации фирмы «Э-Пи-Ви» — обменяться технической информацией и выяснить возможность новых заказов.

— Как же завершается ваша миссия? — спросили мы у Селигмэна-младшего.

— Собственно, она уже завершилась, и завтра мы покидаем Москву. Наши советские друзья из Министерства внешней торговли устроили нам все встречи, на которые мы рассчитывали. Мы получили исчерпывающую технологическую информацию и теперь совершенно отчетливо представляем себе перспективы развития вашей пищевой индустрии и ваши нужды. Теперь в большей степени, чем когда-либо раньше, ясно, что будущее нашей фирмы связано с новой советской пятилеткой.

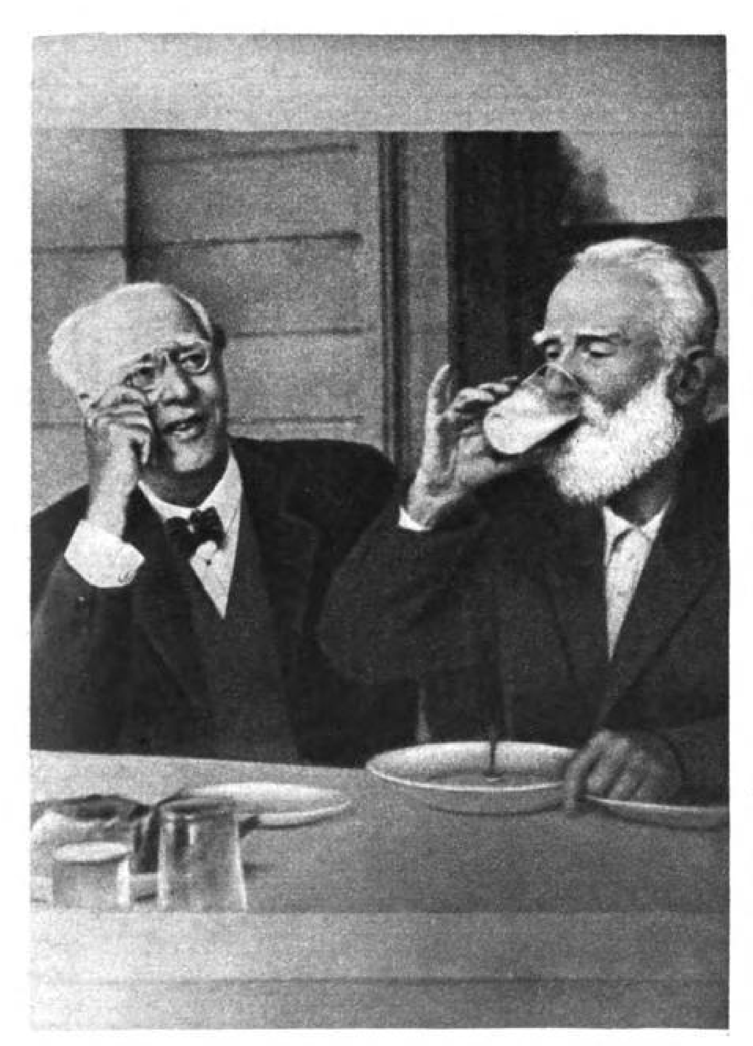
Мы не могли, конечно, не заговорить о перспективах англо-советской торговли. По мнению Селигмэна, в английских деловых кругах растет убеждение, что весна нынешнего года открывает новые, хорошие перспективы для широкой англо-советской торговли.

— Я думаю,— говорил Селигмэн, — что поездка Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Англию улучшит международную обстановку. А поскольку торговля самым непосредственным образом связана с международной обстановкой, есть все основания полагать, что после этого визита улучшатся условия и для взаимовыгодной торговли между нашими странами. Англия зависит от торговли, Англия не может жить без широкой торговли. Помнить об этом — значит понимать, как много хорошего мы ждем от предстоящей поездки советских руководителей в Англию.

Так думают сейчас многие деловые люди Англии.

К. НЕПОМНЯЩИЙ
Фото автора.

БЕРНАРД ШОУ, ДРУГ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Б. Шоу и К. С. Станиславский в доме отдыха «Узкое».

Эти редкие снимки сделаны в дни пребывания в Москве большого друга Советского Союза Бернарда Шоу.

Великий английский писатель Бернард Шоу с большим интересом и сочувствием следил за революционными событиями в России. Он хорошо был знаком с крупнейшим революционером-народником Степняком-Кравчинским, автором известного романа «Андрей Кожухов». Еще в 1914 году Шоу присылает в редакцию большевистской «Правды» приветствие по поводу годовщины русской рабочей партии.

С первых лет советской власти Шоу горячо интересовался героической борьбой нашего народа. «С самого начала я верил, что победа будет за вами,— заявил впоследствии Шоу.— ...в 1918 году, когда о России на капиталистическом западе говорили самые отвратительные вещи, я однажды послал одну из моих книг Ленину с посвящением, полным энтузиазма...»

В последующие годы Шоу активно выступал в защиту Советской России. Он мечтал сам увидеть нашу страну: «Я не могу умереть, не побывав в Советском Союзе».

Собираясь в СССР, Шоу говорил, что он просит ни в коем случае не затруднять его всяческими торжествами, приемами и банкетами. «Я еду для серьезного дела»,— сказал он.

21 июля 1931 года Москва встречала великого драматурга. «Мы понимаем,— писал в «Известиях» А. В. Луначарский,— что Бернард Шоу наш союзник... Естественно, что у нас есть горячее желание договориться немного ближе с этим замечательным стариком».

В день приезда Бернард Шоу посетил мавзолей В. И. Ленина. А несколько дней спустя он прочел для снимавшегося в то время документального фильма о Ленине свою речь о великом вожде: «Вы не должны думать, что значение Ленина — дело прошлого, потому что Ленин умер. Мы должны думать о будущем, о значении Ленина для будущего... Если будущее с Лениным, то мы все можем этому радоваться, если же мир пойдет старой тропой, то мне придется с грустью покинуть эту землю».

26 июля в Колонном зале Дома союзов москвичи торжественно отмечали 75-летний юбилей английского писателя.

— Товарищи! — произнес Шоу по-русски.— К сожалению, это единственное русское слово, которое я знаю. Но это слово стало для меня звучать особым дружеским звуком за время — увы, слишком краткого — пребывания в этой прекрасной стране...

Шоу пробыл в СССР всего 9 дней. Его приезд послужил делу культурного сближения советского и английского народов. Статьи Шоу о поездке в Россию помогли англичанам лучше познакомиться с Советской страной.

Уезжая из Москвы, Шоу сказал: «Я был и буду другом Советского Союза до самой своей смерти». И он действительно оставался им до конца своей большой жизни. Советские люди помнят великого сына английского народа Бернарда Шоу, друга СССР.

Ю. ХОДЖАЕВ,
В. ЗЕМСКОВ

В Кремле.

Copyrighted material

ПОТОК СТАЛИ

И. АГРАНОВСКИЙ

Фото М. Савина.

В этих местах зачиналась отечественная металлургия. Здесь три с лишним века назад были построены первые в России домны. Потом открыли железную руду на Урале, в Криворожье, и центры черной металлургии переместились из-под Тулы и Калуги на восток и юг. Но вот опять Тула зачинает новые дела в металлургии.

Вернее, Новая Тула. Официально населенного пункта с таким названием не существует. Есть поселок Криволучье, выросший на месте деревни того же наименования. Стройный, веселый городок Криволучье с 3—4-этажными домами лежит всего в получасе езды от потемневших стен древнего Тульского кремля. Расстояние небольшое, и Криволучье является частью старого города, центром его Новотульского района. Но поселок этот, отделенный полями от остального города, так своеобразен, что все здесь считают его особым городом и зовут Новая Тула.

Главная магистраль Новой Тулы — улица Металлургов. Поперечные улицы носят имена первого русского ученого-металлурга Аносова, знаменитого советского сталевара Мазая. Живут на этих улицах металлурги: рабочие, инженеры, служащие Новотульского завода.

...Сталеплавильный цех Новотульского завода неожиданно оказывается похожим на океанский корабль. Чтобы познакомиться с цехом, надо и взобраться на поднятую к его потолку небольшую площадку, напоминающую капитанский мостик, и спуститься по железным трапам в широкий колодец-трюм, уходящий на девятнадцать метров под землю.

Совсем как на корабле раздается с верхней площадки команда: «Пустить машину!» Усиленная громкоговорителями, команда гремит на трех этажах «трюма». А несколько минут спустя сюда медленно вползает конец раскаленного бруса. Он опускается все ниже, становится все длиннее. Невидимый нож, образуя фейерверк искр, отрезает от колонны нижнюю часть — около двух метров. Автоматический лифт тут же убирает ее наверх. А огненная полоса продолжает спускаться, словно какой-то гигант просовывает ее в колодец.

Сопровождающий нас заместитель директора завода по новой технике Георгий Васильевич Гурский спрашивает:

— Теперь вы поняли смысл схемы, которую я вам показывал в кабинете?

Да, и в кабинете и здесь все как будто совершенно понятно. Там, на верхней площадке, на «капитанском мостике», сталь из ковша сливается, словно через воронку, в этот подземный колодец. По пути жидкая сталь охлаждается, остывает, превращаясь в огненный слиток. Он имеет такую толщину, что куски его, отделенные газовыми резаками, можно сразу пропускать через прокатные станы. Все и понятно и просто.

Просто? Но почему же долгие годы не удавалось металлургам добиться вот такой непрерывной разливки стали? Почему сталь повсеместно еще разливают в короткие формы — изложницы, где она застывает в виде толстых слитков весом в несколько тонн каждый? При таком способе надо ждать, пока сталь остынет, снять изложницы, потом отправить слиток в печь или нагревательный колодец. Вновь разогретый толстый слиток приходится обжимать, утончать с помощью мощных машин — блумингов или слябингов. И только после этого стальные полосы-заготовки можно пропускать через прокатные станы, изготовлять рельсы, балки, стальные листы.

Почему же раньше не делали заготовок для проката прямо из жидкой стали? Неужели даже не пытались?

— Пытались: и англичанин Бессемер, и наш знаменитый Чернов,— дает справку Семен Губенко, студент Днепродзержинского металлургического вечернего института имени Арсеничева, приехавший в Новую Тулу для подготовки к защите дипломной работы о непрерывной разливке стали.

— Да. Идее этой с сотню лет,— подтверждает Гурский.— Но в технике между идеей и ее удачным практическим осуществлением может пройти немалое время. В обычной изложнице сталь застывает постепенно, медленно. А при непрерывной разливке металл задерживается в своеобразной «изложнице» лишь несколько секунд. Как же за такой короткий срок обеспечить такую быструю кристаллизацию?

Мы поднимаемся наверх. Из обычного разливочного ковша сталь течет в промежуточный, а оттуда в отверстие, которое ведет в колодец трюма.

— В это отверстие вставлена труба длиной в полтора метра,— продолжал объяснять Гурский.— Она имеет две стенки, между которыми циркулирует холодная вода. Это и есть кристаллизатор. Попав в холодную трубу, жидкая сталь начинает быстро кристаллизоваться. По выходе из трубы она уже покрыта тонкой корочкой. Затем на корочку брызжут струйки воды, кристаллизуется еще более толстый слой стали. Теперь ее уже можно прихватить валками и тянуть вниз, пока металл не застынет во всю свою толщу.

Как добиться образования равномерной корочки? С какой быстротой тянуть вниз чуть отвердевший стальной слиток? С какой скоростью вести процесс кристаллизации? Эти «подробности» и решали успех давно выдвинутой идеи. Фотоэлементы, термопары, приборы, улавливающие сигналы меченых радиоактивных атомов, позволяют точно ответить на эти вопросы, помогают оператору «видеть», что происходит в слитке. Благодаря таким приборам, благодаря сотням опытов, во время которых отрабатывалась конструкция будущей машины, и удалось добиться того, что не получалось у наших предшественников.

Преимуществ много: новый способ дешев и прост, не требует мощных обжимных станов, нагревательных колодцев, расхода огнеупоров, которые идут в изложницы. Сталь кристаллизуется все время равномерно, и металл непрерывного слитка имеет меньше дефектов, чем сталь, отлитая в изложнице. Исчезает тяжелый труд возле пышущих жаром изложниц.

На XX съезде партии Н. А. Булганин привел такие цифры: если к 1960 году разливку стали по новому способу довести до 12—15 миллионов тонн, то, по расчетам Гостехники, можно увеличить выход проката примерно на 1 миллион тонн и сэкономить на этом около 2 миллиардов рублей. Стоимость нового оборудования окупится за один год или даже раньше.

Немногим более двух лет работает установка непрерывной

Выплавка стали в конвертере с кислородным дутьем.

Copyrighted material

разливки стали на Новотульском заводе. Методика разливки обычных углеродистых сталей здесь полностью разработана. По этому образцу построена более мощная установка в Горьком, на заводе «Красное Сормово». В шестой пятилетке машины непрерывной разливки появятся на ряде предприятий страны. А в Новой Туле решают новые вопросы: как вести непрерывную разливку легированных сталей, кипящих марок стали, как еще больше ускорить процессы кристаллизации, разливки.

Среди вопросов, что решаются в Новой Туле, есть и такой: ну вот, пропустили через кристаллизатор сталь из одного ковша, а дальше что? Ждать, пока мартен или электропечь выдадут новую порцию металла? Но даже в том случае, если на заводе работает несколько мартенов, трудно рассчитать, чтобы как раз к концу разливки была выдана новая плавка. Прекратить разливку? Вновь тратить значительное время на подготовительные операции, отказаться, по существу, от непрерывности? Нет, на Новотульском заводе решается еще одна проблема, которая попутно обеспечит подлинную непрерывность разливки.

...Выпуск стали — это самый значительный момент для сталевара. Нет рабочего у мартеновской печи, который дважды за вахту испытал бы такие минуты: ведь сталь выпускают обычно только после пяти — восьми часов варки.

В Новой Туле иначе. Здесь бывает, что за один час цех дважды и даже трижды озаряется заревом — выпускают готовую сталь. Но огненный каскад падает в ковш не из мартена, не из электропечи, а из конвертера.

Конвертер — старое изобретение, он старше мартена. В этом году как раз исполняется сто лет, как он был предложен Бессемером. Прошли годы, и конвертер уступил первенство младшему брату — мартену, но сейчас мы свидетели его возрождения.

Кто бывал на сталелитейных заводах, возможно, видел этакие вращающиеся «груши», напоминающие гигантские реторты алхимиков. Это и есть конвертеры. На многих заводах они стоят без дела: считалось, что это устаревшее оборудование. Передел чугуна в сталь происходит в конвертере благодаря тому, что через металл, налитый в его облицованную огнеупорами полость, пропускают сжатый воздух. Освобождая чугун от углерода, он плохо справляется с другой задачей: слабо перегоняет в шлаки вредные примеси чугуна — фосфор, серу,— да к тому же еще сам насыщает металл вредной примесью — азотом. Вот почему в конвертерах переделывались только чугуны, имеющие мало фосфора и серы. И все равно качественную сталь получать не удавалось!

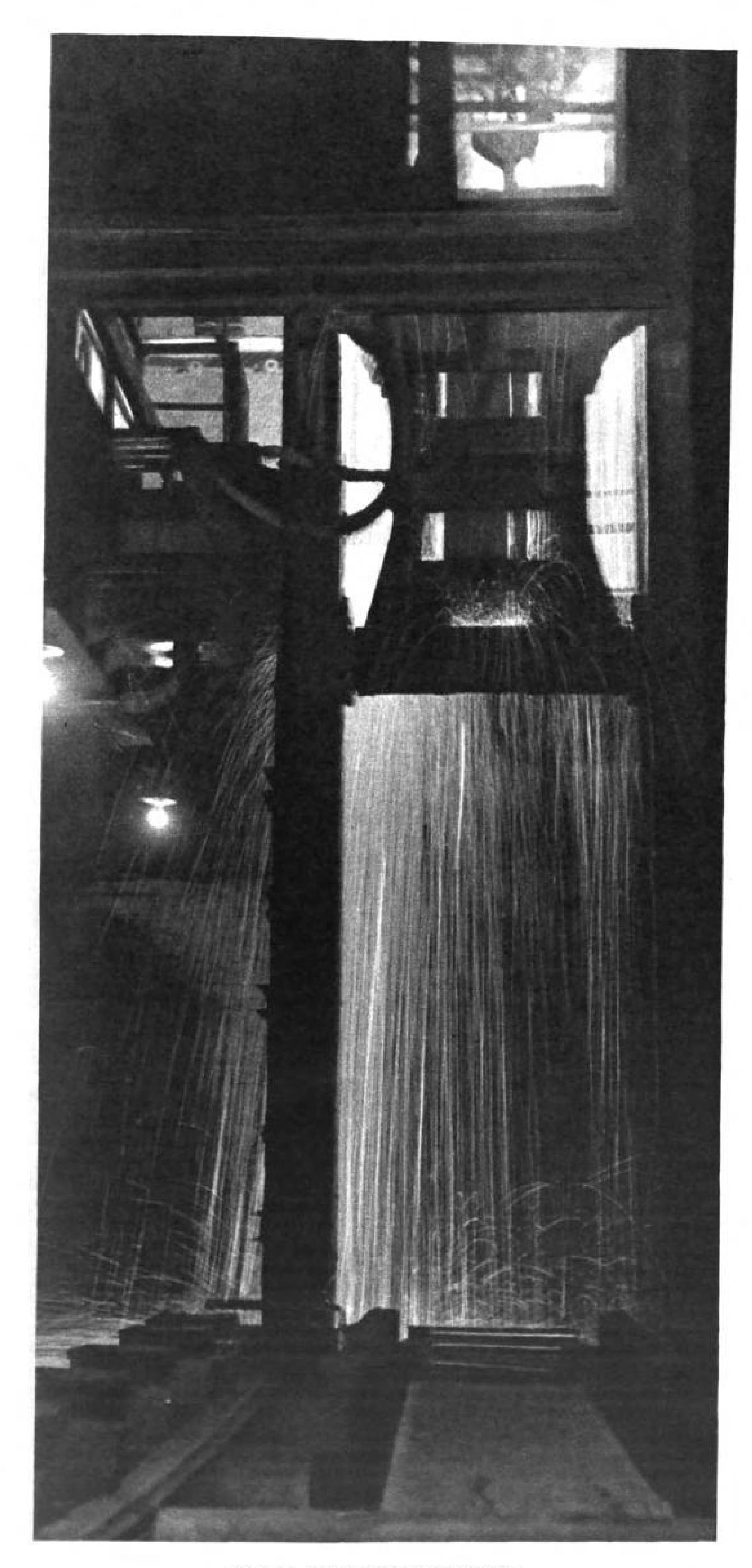
Но вот в последние годы на помощь конвертеру пришел кислород. Сильная струя чистого кислорода заставляет быстро сгорать в конвертере не только углерод, но и фосфор, серу; она не загрязняет металл азотом.

Четыреста опытных плавок на кислороде провели в Новой Туле за последние два года. При кислородном дутье конвертер, кроме своего основного достоинства — быстроты плавки, приобретает и достоинства мартена: из обычных чугунов он выпускает сталь хорошего качества. Опыт Новой Тулы проверен и на Енакиевском металлургическом заводе. Вот почему в Директивах XX съезда партии записано: обеспечить в 1960 году выплавку с применением дутья, обогащенного кислородом, всей конвертерной стали.

Благодаря кислороду конвертер становится универсальным сталеплавильным агрегатом. На нем можно будет переделывать в сталь и содержащие много фосфора чугуны керченских заводов и обычные, так называемые мартеновские.

Есть преимущество, которого у конвертера не оспоришь: быстрота плавки. Процесс переделки чугуна продолжается здесь всего 15—20 минут. Вот это и обеспечит полную непрерывность разливки стали: только пропустят через кристаллизатор сталь из одного ковша, как конвертер выдаст новую порцию.

...В Криволучье, на улице имени академика Чаплыгина, в двухэтажном Доме приезжих всегда много народу. Гости из Днепропетровска и Череповца, из Челябинска и Керчи приезжают сюда знакомиться с той техникой, которую предстоит осваивать в годы шестой пятилетки.

Газовая резка стального бруса.

Весна ожидается бурная...

Прошедшая зима принесла большие бедствия народам Европы. Сильнейшие морозы, снежные бураны нарушали нормальное движение транспорта, прерывалась связь. По сообщению агентства Франс пресс, только за две декады февраля от холодов в Западной Европе погибло 800 человек.

Уже в начале декабря прошлого года дрейфующие станции «Северный полюс-4» и «Северный полюс-5» отмечали необычные даже для этого времени года низкие температуры — до 45—48 градусов мороза. По всему этому было видно, что в Арктике накапливаются массы ледяного воздуха, которые рано или поздно обрушатся на юг. И действительно весь декабрь изобиловал волнами холода. Сильные морозы были отмечены в европейской части Союза и в Сибири. В январе морозы временно уменьшились, но зато резко увеличился снежный покров от частых и обильных снегопадов.

Новая волна холода охватила европейскую часть СССР начиная с 25 января. Температура ниже 40 градусов наблюдалась не только на Севере, но и в центральных областях Прибалтики и местами на Украине. Самым холодным был день 31 января. Морозы достигли 34—36°. В термометрах замерзала ртуть.

К началу февраля волна холода прокатилась далеко на юг и юго-запад, захватив страны Малой Азии, всю Западную Европу и даже Северную Африку. В Греции в это время обычно наступает весна, а тут установилась зима. Снежный покров в ряде мест достигал 3—4 метров. Под тяжестью снега рухнули построенные после землетрясения бараки в городе Волос. В ряде районов было объявлено чрезвычайное положение.

Длительные морозы наблюдались во Франции и Испании. В середине февраля полностью прекратилась навигация между островами в Дании. В Германии сковало льдом Рейн. Арктический воздух добрался до Италии и даже до Ливана. 9 февраля прекратилась телефонная связь между Бейрутом и некоторыми ливанскими городами. Шоссейная дорога Бейрут — Дамаск длительное время была преграждена заносами.

Рекордно низкие — до минус 53 градусов — температуры отмечались в Швеции.

Такие упорные холода с чрезвычайно глубоким проникновением арктического воздуха в южные широты наблюдаются редко. Они связаны с тем, что воздушные массы перемещаются не в широтном, как обычно,— с запада на восток — направлении, а в меридиональном — с севера на юг и с юга на север. Особенно оживленными были эти перемещения между зоной субтропиков и Арктикой. Во время сильных морозов в Европе в восточный сектор Арктики проникли теплые массы воздуха с юга, через Берингово море. Станция «Северный полюс-5» отмечала температуру ноль градусов. И это в самый разгар полярной ночи!

Чем же вызваны все эти явления?

Существует предположение, что первопричину изменения направлений в циркуляции атмосферы следует искать в солнечной активности. Она выражается в процессах, которые происходят на поверхности раскаленного светила и в его недрах,— гигантских взрывах и вихрях. С конца 1955 года началось усиление этих процессов. Можно полагать, что они-то и повлияли на изменения воздушных течений в земной атмосфере. В движение были приведены огромные массы воздуха, обострилась борьба теплых и холодных течений. Контрасты погоды возросли.

Буря в атмосфере, вызвавшая стихийные явления миновавшей зимы, продолжает действовать и сейчас. Большие скопления снега в Западной Европе и бурное его таяние вызвали наводнения во Франции, Германии, Венгрии и Югославии. Наблюдались ливни в Австралии и штормы у побережья Атлантического океана в США.

Дружной и теплой, с бурным таянием снега во многих государствах ожидается весна.

Н. КОЛОБКОВ

Copyrighted material

Стокгольм. Вид на город из ресторана «Гондола».

В ШВЕЦИИ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

На цветочном базаре.

Copyrighted material

Город Борос. Продажа игрушек.

ДВЕ НЕДЕЛИ ВО ФРАНЦИИ

В. КОЧЕТОВ

(По записным книжкам)

Фото А. Новикова.

1. Дорога на запад

Францию мы увидели на рассвете 29 ноября, когда начинались третьи сутки со времени нашего отлета из Москвы.

Долгий путь объяснялся тем, что самолет шел только до Берлина. Дальше надо было ехать поездом: во Франции в те дни, требуя увеличения заработной платы, бастовали работники гражданской авиации, и парижские аэродромы уже давно не принимали и не отправляли ни одного самолета.

На берлинском аэродроме Шенефельд свирепствовал ветер, бетонные плиты хранили следы недавнего дождя, и кое-где на них белели не то клочки бумаги, не то хлопья снега. Встречавший нас представитель Союзэкспортфильма сказал, что это и не бумага и не снег, а лепестки цветов из тех букетов, с которыми немецкие товарищи в этот день несколько раз приезжали встречать нашу делегацию, направлявшуюся на фестиваль советского кино во Франции.

В нашем распоряжении было время до двух или трех часов следующего дня. Мы решили использовать его на то, чтобы пускай бегло, но все же непременно осмотреть Берлин, и, едва втащив чемоданы в гостиницу, тотчас отправились в путь. Шумел толпой рождественский базар на берегу Шпрее. Приближалось рождество, и тут крутились карусели, щелкали ружья в тирах, пищали какие-то свистульки, парни и девушки прогуливались под музыку радиол вдоль веселых балаганов.

Во второй половине следующего дня поезд Берлин — Париж повез нас на запад. С высоких виадуков, по которым он медленно шел через город, мы еще долго видели берлинские улицы, купол рейхстага, шпили церквей и ощущали специфический запах дыма от брикетов, которыми отапливаются все здания Берлина. Потом замелькали аккуратные, чистенькие городки и деревни Германской Демократической Республики. А позже, уже в сумерках, мы оказались в Западной Германии.

Ночью некоторые из нас смотрели в окна. Небо было в заревах, в огне, вспыхивало жаром, багровые отсветы вздрагивали в низких тучах и в клубах дыма, сливавшихся с тучами. Слышался рокот, скрежет, тяжелый стук. Казалось, поезд въехал в огромную кузницу и мчался меж горнами и наковальнями. Горнами и наковальнями были бесчисленные, составившие сплошную вереницу металлургические, машиностроительные заводы.

Да, это была кузница, в которой варили, плавили, ковали...

Мы ехали через Рур.

Под впечатлением увиденного засыпáли трудно, и Бельгию, понятно, проспали. Проспали и ее границу с Францией.

Неторопливо занималось утро. В Западной Европе той ночью морозило. Раннее солнце, с трудом пробиваясь сквозь студеную дымку, скупо освещало заиндевелые сады, обметанные инеем пашни, запудренные черепичные кровли и окрашивало их в удивительный жемчужно-розовый цвет. Над каналами, тянувшимися вдоль железной дороги, искрясь и стреляя в разных направлениях, бежали длинные ледяные иглы: поверхность воды замерзала, превращалась в тончайший лед. Из труб пестро раскрашенных барж, прижавшихся к берегам, курились печные дымки.

Словом, все было так, как бывает ноябрьским морозным утром где-нибудь на Неве или Волхове, на Ладожских или Белозерских каналах. Так и подумалось бы о родных русских северных местах, если бы не домики среди этих заиндевелых садов, совсем иные домики, чем на Неве или Ладоге, — с мансардами, под черепичными крышами, увитые виноградом, листья которого еще по-осеннему багровели, с решетчатыми ставнями, домики, знакомые по французским романам, фильмам, по картинам французских художников; да если бы не одинокие пахари, одноконными плужками прогрызавшие подмерзшую почву.

Мирные, патриархальные картины... До чего же в резком контрасте были они с тем, что мы видели ночью за окнами поезда, с той кузницей металла и военных машин, какую представляет собой сегодня западногерманский Рур!

Нет, было это все не на Неве и не на Волхове, а во Франции, в стране, о которой так много читано и слышано, в стране чудесной литературы, блестящего искусства, в стране замечательного народа, от имени которого Морис Торез заявил, что этот народ никогда-никогда не будет воевать против Советского Союза. Да, это было во Франции, и уже скоро должен был быть Париж. За окнами вагона начинались его промышленные предприятия, глухие, длинные стены заводов, черные, закопченные трубы, стеклянные кровли цехов и еще не погасшие с ночи неоновые рекламы...

2. Первый день в Париже

Ресторанчик на Елисейских полях так и назывался: «Павильон д'Елизе» — Елисейский павильон. За длинными общими столами было довольно тесно и очень шумно. В самой что ни на есть непринужденной обстановке хозяева — французские актеры — давали завтрак в честь советских кинематографистов.

Шел первый день нашего пребывания в Париже. Всего три или четыре часа назад мы покинули на Восточном вокзале вагон, сели в совершенно, по-магазинному, новые, удобные, несколько сходные с нашими «Победами» автомобили, которые фирма Рено, преследуя, надо полагать, рекламные цели, но все же весьма и весьма любезно предоставила в полное распоряжение нашей делегации. Это были красные с желтым, коричневые с бежевым, серые с голубым машины самой последней модели, и назывались они «фрегаты». Они несли на себе изображение многопарусного корабля.

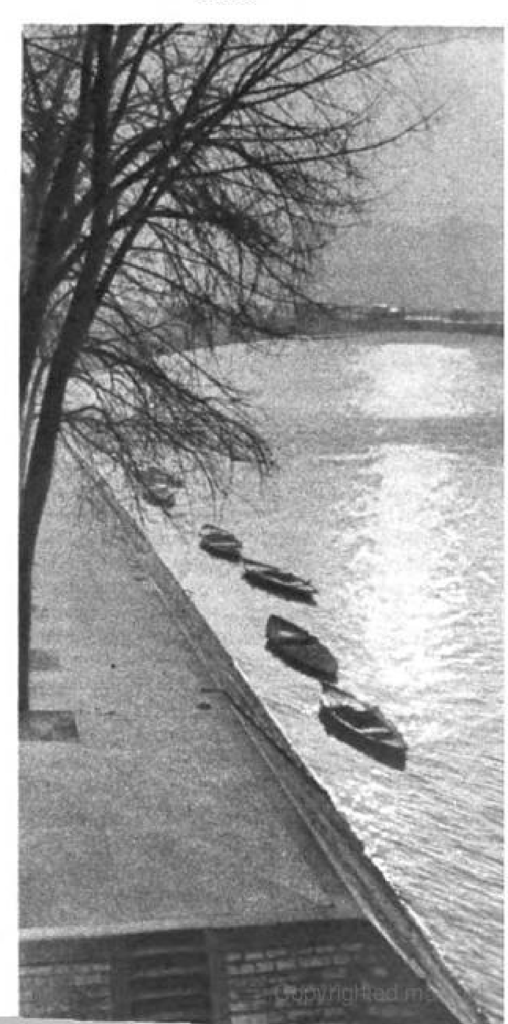
Довольно быстро промчались мы на этих «фрегатах» через город от вокзала до улицы Ош, до отеля Ройяль Монсо. При столь скоростном пробеге Париж разглядеть было невозможно ни в какой мере. Город тонул в непрерывно катящихся волнах океана автомобилей. Автомобили, теснившиеся вокруг нас, были всех марок, всех возрастов и мастей.

На Рю д'Ош автомобили стояли с обеих сторон в три ряда сплошными вереницами. Проезжающие пробирались меж ними не без труда. Причем вид у многих машин, загромоздивших улицу, был такой, будто в них давным-давно никто не садился или они и вовсе брошены их владельцами.

Я спросил, чьи же это машины. Мне ответили, что это собственность жителей из тех домов, против которых машины оставлены. Гаражей у многих парижан нет, вот машины — благо климат мягкий и морозы бывают редко — днюют и ночуют под окнами.

Ну, понятно, далеко не на всех улицах разрешается устраивать себе такие гаражи под солнцем и

Сена.

На Монмартре.

звездами. На авеню Елисейских полей, когда мы однажды вышли из автомобиля прогуляться, шофер предупредил, что дольше часа он стоять на одном месте не может: его заметят и возьмут штраф.

Полицейские регулировщики в традиционных черных крылатках кое-как разгребают дубинками перед пешеходами автомобильные потоки на наиболее бойких углах и скрещениях. На всем остальном протяжении городских магистралей автомобилисты сами следят за тем, чтобы не налететь на своего коллегу или на пешехода. И не безуспешно, хотя за рулями машин большей частью сидят не профессионалы-шоферы, а хозяева машин.

Итак, автомобильное море скрывало от нас Париж всю дорогу от вокзала до отеля. Из окон машины можно было видеть только верхние этажи зданий да еще то, что в Париже не было зимы, а была осень — нечто вроде конца нашего ленинградского сентября, когда слетают желтые листья, когда уже не ходят в костюмах, но еще и не надели пальто.

В отеле тут же, с ходу, состоялась пресс-конференция для французских журналистов, и глава нашей делегации В. Н. Сурин произнес свою первую речь на французской земле. Он сделал заявление о том, с чем и зачем мы приехали во Францию.

Через час — полтора мы оказались в Павильоне д'Елизе. Были тут радушие и истинные дружеские чувства. За нашим столом, где сидели Николай Черкасов и режиссер Сергей Васильев, я увидел много знакомых лиц, знакомых по французским фильмам: Габи Марлей — председательница федерации актеров кино Франции, известная советским зрителям как неподражаемая мама из фильма «Папа, мама, служанка и я», Ив Монтан, Симона Синьоре... Огляделся — кругом тоже знакомые: Жан-Луи Барро, Мадлен Рено...

Вспыхивают лампы фотографов, трещат киноаппараты, играет какая-то веселая музыка.

Габи Марлей, как председательница, держит речь. Она говорит о культурном обмене между странами, о необходимости тесной связи деятелей искусства.

— Этот обмен предполагает мир между государствами, между людьми и, предполагая его, содействует его упрочению. Я поднимаю свой бокал за мир и за его воплощение в культуре и искусстве.

Речей множество, за всеми столами.

Из-за столов мы вышли только часа в три дня. Вышли на улицу, на бульвары Елисейских полей.

Времени в нашем распоряжении было еще много, программа дня далеко не исчерпалась. Надо было где-нибудь то ли поужинать, то ли пообедать и ехать в театр Сары Бернар, куда на спектакль «Салемские колдуньи» нас пригласили Симона Синьоре и Ив Монтан.

Радушные хозяева обо всем позаботились. Оказалось, что ужин где-то уже организуется. До него оставалось около часа. Решили прокатиться по вечернему Парижу.

В рекламах, в огнях витрин и уличных фонарей представали перед нами улицы и площади правобережья Сены. Первой на нашем пути оказалась площадь Звезды с аркой и могилой Неизвестного солдата.

От этой площади расходятся двенадцать улиц — авеню,— больших и красивых. Одна из них ведет в Булонский лес. А самая большая, самая широкая и красивая — это авеню Елисейских полей. По обеим сторонам ее множество магазинов, кафе, много кино, театров, садов, скверов, ресторанов. На Елисейских полях расположен и Елисейский дворец, по традиции предоставляемый президенту Франции.

По авеню Елисейских полей наши машины проехали до знаменитой Place de la Concorde — площади Согласия, обширнейшей и красивейшей в Париже. В центре площади, подсвеченный огнями, между двумя фонтанами высится египетский обелиск из розового гранита. Вокруг площади расположены балюстрады и павильоны с аллегорическими статуями, которые изображают города Франции: Бордо, Нант, Руан, Лилль, Брест, Марсель, Лион... Мальчишкой читал я о том, как статую Страсбурга когда-то закрывали черным флером, что знаменовало траур французов по Эльзасу, захваченному Пруссией.

Из серебристого тумана, наплывавшего в этот вечерний час на Париж, вставала история, многие из путей и дорог которой лежали через эту прекрасную площадь. Эта площадь с ее чудесным ансамблем была создана во времена Людовика XV. В ту пору она так и называлась: площадь Людовика XV. В огне французской революции она переплавилась в площадь Революции. А ныне это площадь Согласия. Немало повидала эта старая площадь. Здесь под ножом гильотины нашли смерть Людовик XVI, Мария-Антуанетта, которую, как известно, к месту казни везли в простой телеге, герцог Орлеанский, убийца Марата — Шарлотта Корде...

От площади Согласия мы ехали мимо сада Тюильри, где когда-то стоял Тюильрийский дворец, сожженный в дни Коммуны. На улице Риволи, на одной из самых в смысле торговли боевых улиц, о которой говорят «смерть мужьям», нам указали церковь святой Жермены. С колокольни этой церкви был подан сигнал к резне, начатой в одну из ночей 1572 года, которую называют Варфоломеевской ночью.

Потом мы двигались по набережной другого берега Сены, мимо запертых на ночь ящикообразных витрин и ларей знаменитых парижских букинистов и, наконец, снова переехав Сену, оказались перед величественным, уходящим в черное небо Собором Парижской Богоматери. Среди нас не было ни одного верившего в господа бога, но не оказалось и таких, кто бы не испытывал волнения, душевного трепета перед этим поистине седым памятником старины и великой, прекрасной культуры человечества. Такие чувства испытываешь перед собором святого Вита в столице Чехословакии — Праге, перед собором святой Софии в Новгороде на Волхове, перед соборами нашего Кремля... Бессмертны эти творения и бессмертны люди, создавшие их.

Нотр Дам де Пари — Собор Парижской Богоматери стоит на том острове, где тысячи лет назад зародилось селенье Лютеция, ставшее со временем Парижем. Под стенами собора неторопливо бежит Сена в гранитных берегах, над Сеной нависли раскидистые деревья, под деревьями, закинув в черную воду удочки, сидят и зябнут рыболовы.

То место, где мы должны были ужинать, оказалось старым ресторанчиком, тут же, неподалеку от собора, на маленькой площади Дофина. Собрались там работники кино, человек 25—30, и уютный, но тесный ресторанчик заполнился. За столом было шумно и весело. В простеньком кабачке мы чувствовали себя свободно, нас окружали — мы в этом нисколько не сомневались — добрые друзья.

В разгар ужина зашли по дороге в театр Симона Синьоре и Ив Монтан. Они беспокоились, не опоздаем ли мы на спектакль.

Мы все же немного опоздали и занимали свои места в темном зале, когда действие уже началось. В первые минуты, при весьма и весьма «фрагментарных» познаниях французского языка, мало что было понятно из происходившего на сцене. Дальше пошло лучше: мы припоминали содержание пьесы «Салемские колдуньи», опубликованной у нас в журнале «Театр» под названием «Салемский процесс». Пересказывать ее не буду, скажу только, что роль крестьянина Джона Проктора исполнял Ив Монтан, а его жены Элизабет — Симона Синьоре. Декорации были простые, но выразительные, точно очерчивающие место действия: в первом акте — пуритански строгий, патриархальный дом сельского священника, во втором акте — дом крестьянина, в третьем — помещение суда, в четвертом — мрачное тюремное подземелье.

Об игре Монтана, Синьоре и многих других актеров можно сказать лишь то, что с какого-то момента ты, не знающий француз-

Улица Риволи.

d material

ского языка, вдруг начинаешь все понимать сам, без пояснений переводчика. Такова сила пластики в игре талантливых актеров. Каждое движение их на сцене закономерно, осмысленно и поэтому понятно до мелочей. Зависит это, видимо, не только от актеров, но и от режиссера. Некоторые наши режиссеры почему-то в последние годы принялись гонять актеров по сцене без всякой надобности. Одно слово человек скажет, сидя за столом, второе он говорит уже возле окна, а для того, чтобы произнести третье, через всю сцену шагает к печке. Зритель недоумевает: а с чего они там размаршировались?

В «Салемских колдуньях» никого попусту не гоняли по сцене. Жесты были скупые, точные, выразительные, говорили актеры без нажима на голос, жили на сцене по-настоящему. Вот, например, последняя сцена. Проктора должны из подземелья увести на казнь, и от одного слова, но отступнического слова, Элизабет зависит, казнят его или не казнят, и Симона Синьоре только едва из стороны в сторону качнула головой. Без воздевания рук к небу, без выкриков и декламации. И этот слабый по динамике жест, но несущий в себе бурю чувств, способен схватить тебя за самое сердце.

После спектакля мы пошли за кулисы, в артистическую уборную Синьоре и Монтана, которая состоит из двух комнат. В первой из них на стене — портрет молодой женщины с большими черными глазами. Только их и видишь на бледном лице и во всей этой комнате. Сара Бернар!.. Здесь все сохраняется в том виде, как было при прежней хозяйке. Низкие потолки, позолоченная лепка, зеркала и пуфики. Далекое прошлое...

Снова «фрегаты» Рено несли нас по улицам Парижа. Луч прожектора с Эйфелевой башни пролетал над городом. Казалось, черный великан шарит белыми руками по мокрым крышам.

В гостиницу мы возвратились часа в два ночи. Тишина, только часы тикают на каминной доске. Сквозь балконную дверь не слышен ни один гудок, хотя свет фар то и дело скользит по шторам.

Площади, улицы, дворцы и соборы. На каждом шагу напоминания о Людовиках и Карлах. Старина... «Салемские колдуньи» — и те из прошлого, XVII век. А чем живет Париж сегодня? Как он живет сегодня, этот чудесный, живой, веселый народ, который рубил головы своим королям и подрывал эшелоны с войсками Гитлера? Может быть, это мы увидим завтра...

Раннее утро на набережной Сены. Букинист открывает ларек.

3. Среди друзей

С утра, едва успев перехватить в отеле чашку кофе, мы поспешили в «Гомон-палас» — один из крупнейших парижских кинотеатров, который хотели показать нам наши радушные хозяева.

«Гомон-палас» — это действительно дворец. В громаднейшем зале, выдержанном в приятных глазу, спокойных тонах, и на балконе размещается шесть тысяч мягких кресел. Экран тут, как заявил представитель дирекции, самый большой в мире: двадцать три метра шириной и тринадцать метров в высоту. Воздух в зале непрерывно освежается и очищается. Для этого в подвале здания устроена специальная камера кондиционирования и очистки воздуха. Есть здесь и своя электростанция на случай, если городская сеть перестанет подавать электроэнергию.

Было утро, до первого сеанса далеко, и мы оказались в зале одни. Черкасов поднялся на сцену перед экраном, окинул взглядом последние ряды партера и балкона, теряющиеся в сумеречной дали.

— Можете себе представить, — сказал он, — что произойдет, если такой зал приснится актеру, которому тут надо петь? Немедленный инфаркт!

Нам показали небольшой хроникальный фильм о жизни на острове в Средиземном море близ Неаполя. Название острова наша переводчица Кристина де Верикур, черноглазая француженка, перевела как «Искья». Курортное местечко, где сохранились термы времен древнего Рима, где чудесная природа, где лечат сердца и ревматизмы.

В час дня мы уже были на улице Франклина Рузвельта, в очень маленьком ресторане. Здесь в честь нашей делегации синдикат продюсеров (то есть производителей) и прокатчиков французской кинопромышленности устраивал завтрак.

Ресторан был, кажется, особо аристократический, он вместил не более 35—40 человек.

Тут я считаю своим долгом оговориться и принести читателям извинения в том, что и еще в моем рассказе будут упоминаться завтраки и обеды. Но я не имею права отступать от правды. А правда заключается в том, что французская общественность оказалась до крайности гостеприимной и радушной, и в итоге добрую половину нашего времени во Франции мы провели за накрытыми столами. Тогда мне это было неизвестно, но позже я прочел, что один из представителей синдиката, господин Рауль Плокэн, возвращаясь из Москвы, с недели французского фильма в СССР, сказал в самолете своим соотечественникам такие слова: «С первого до последнего дня своего пребывания в Москве, Ленинграде и Киеве мы жили в чарующей атмосфере сердечного гостеприимства. Мы должны отплатить за оказанный нам теплый прием».

Итак, в ресторане на улице Франклина Рузвельта стол был уже накрыт, председательское место занимал мсье Рауль Плокэн, седой, сухощавый, подтянутый, изящный и остроумный.

За столом произносилось много речей. Через все речи проходила мысль о том, что французскому и советскому кино надо жить в дружбе, что всякое кино любой страны должно служить делу мира, что французские прокатчики заинтересованы в том, чтобы на экраны Франции шло побольше советских фильмов, а продюсеры в том, чтобы советские зрители шире знакомились с французскими фильмами.

Кто-то из наших соседей за столом сказал, что во Франции, в частности и он лично, делят советские кинокартины на две категории. Первая — фильмы, в высокохудожественной форме повествующие о правде жизни, и вторая — фильмы пропагандистские. Ему, дескать, нравятся высокохудожественные и правдивые и не нравятся пропагандистские.

На эту речь ответил В. Н. Сурин. Он сказал, что работники советского кино, как и деятели советской культуры и вообще все деятели советского искусства, никогда не задавались целью создавать произведения пропагандистские в том смысле этого слова, какое в него вкладывают иные деятели за рубежом. Он сказал, что вообще-то никогда не существовало и не существует произведений искусства и литературы, которые бы ничего не пропагандировали. Одни, раскрывая в человеке богатства его души, пропагандируют высокую мораль, высокие чувства и устремления, другие, напротив, как, например, гангстерские фильмы США, пропагандируют ненависть человека к человеку, аморальность, низменность. И что мы не делим произведений советского кино, литературы и других искусств на так называемые за рубежом пропагандистские или непропагандистские, а делим на хорошие, средние и плохие, в том числе и произведения французского кино и кино любой иной страны.

Его слова были встречены аплодисментами одобрения.

Потом выступил Черкасов. Он сказал:

— Наши фильмы никогда не призывали к убийству, гангстерству и разврату. Я, советский ак-

Многие владельцы автомашин, не имея гаража, оставляют их ночевать прямо на улицах.

Copyrighted material

Триумфальная арка на площади Звезды.

тер, за миллионы рублей не согласился бы играть убийцу, образ которого развращал бы молодежь.

Наш завтрак из-за горячих речей и споров неимоверно затянулся. Мы уже не успевали ни в кинолабораторию в Сен-Клу, ни на киностудию «Булонь», где шли съемки фильма «Мария-Антуанетта». Совсем немного времени оставалось до торжественного вечера.

Акакий Хорава, Сергей Бондарчук и я в сопровождении Кристины де Верикур, которая упросила нас звать ее попросту мадемуазель Кристина, отправились на авеню Елисейских полей.

Магазины в этом районе чертовски дорогие, настолько дорогие, что француженки такого достатка, как, например, Кристина, никогда сюда и не заходят, а если иной раз и зайдут, то возвращаются домой раздосадованные, в скверном настроении.

Мы зашли в магазин знаменитой на весь мир парфюмерной фирмы Герлен, каких в Париже, говорят, только два: так изыскана и ограничена продукция этой фирмы. Нас окружили чудеснейшие запахи. По этикеткам мы установили, что цены на эти запахи несусветные. Я спросил Кристину, имела ли она когда-нибудь хоть самый крошечный флакончик герленовских духов, например, таких, которые носят таинственное название «Мицуко». Она ответила, что что-то о них от кого-то слышала. Кстати, назавтра наша Кристина сообщила, что спрашивала о «Мицуко» у мамы, и та сказала: «О, да, чудесные духи. У моей подруги в молодости был флакончик, и однажды она дала мне подушиться».

Возле входа в кинотеатр «Нормандия», где должно было состояться открытие фестиваля, нас ожидала изрядная толпа парижан. Над кинотеатром развевались флаги Франции и СССР. Нас приветствовали и по-французски и по-русски, встречали и провожали дружелюбными возгласами и взглядами.

Мы шли в зал мимо выстроившихся в почетном карауле солдат национальной гвардии в их нарядных, сверкающих мундирах.

В зале нас попросили на сцену. Представитель французского кинематографа вкратце рассказал собравшейся публике о каждом из нас.

Мы были на сцене, когда раздались звуки знакомой мелодии. Трудно найти слова, чтобы передать то волнение, какое испытывали мы, вслушиваясь в мелодию гимна Советского Союза, которую исполнял оркестр национальной гвардии Франции. Казалось, что в этом большом зале Парижа вместе с нами наша Родина. Мы чувствовали себя ее посланцами, ответственными перед нею в каждом действии, в каждом поступке и слове.

Не менее знакомая мелодия прозвучала следом за нашим гимном. Мелодия Марсельезы гремела в наших ушах так же грозно и радостно, как и в те времена, когда наши отцы у себя, в России, отрекались от старого мира, от царизма и керенщины, и мы, мальчишки и девчонки, слышали их голоса на озаренных кострами революции улицах своих городов и городков.

Так выглядит Париж с холма Монмартр.

ВЕСНА НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

Беседа с депутатом сирийского парламента, генеральным секретарем Компартии Сирии и Ливана
Х. БАГДАШ

Весна нынешнего года для Сирии, Ливана и других арабских стран — это прежде всего бушующие волны ненависти к империализму, к колониализму, необычайное воодушевление народных масс в борьбе за полное национальное освобождение.

Первая мировая война, как известно, привела к оккупации и разделу арабских стран крупнейшими империалистическими державами. С того времени борьба за национальную независимость не прекращалась ни на один день. Благодаря победе Советского Союза над гитлеровской Германией некоторые арабские страны смогли вырваться из клещей колониального рабства. Сирия и Ливан добились эвакуации английских и французских войск и стали независимыми. В последнее время, когда египтяне заставили английские войска покинуть их страну, появилось еще одно независимое государство — Республика Египет. Эти победы Сирии, Ливана и Египта вдохновляют сегодня все арабские страны. Все лучшее, что есть в арабских странах, переживает сейчас большой подъем.

Наступают черные дни для тех, кто хотел бы попрежнему держать арабов в подчинении, попрежнему распоряжаться их национальными богатствами, их экономикой. Английские и американские монополии не хотят, да и не могут, понять все значение происходящих перемен. Им и раньше трудно было отстаивать свои позиции старыми методами. А теперь еще труднее! Они ищут другие пути для закабаления арабского Востока.

Багдадский пакт, который подписали Ирак, Турция, Англия, Пакистан,— это и есть их «новый путь», а на самом деле это старая сказка. Империалисты называют Багдадский пакт оборонительным союзом. Но мы, арабы, с первого дня увидели, что это военный, агрессивный, империалистический блок. Его главная цель — спасти колониальный режим на Востоке, пусть в новой форме, но спасти! Враги мира хотят с помощью этого блока использовать арабские страны как орудие агрессии против СССР и всего лагеря мира и социализма.

Отсюда и отношение арабских народов к этому пакту — мы ведем с ним борьбу. Нам пришлось выдержать натиск Турции, Израиля и господина Нури Саида из Багдада. Угрозы, шантаж, убийства, попытки военных переворотов, лживые обещания — все пустили империалисты в ход, и все это оказалось безуспешным. Вспомним героическую борьбу маленького народа Иордании. Он заставил империалистов отступить! Изгнал английского генерала Глабба. В борьбе с Багдадским пактом народные массы Сирии и политические течения разных направлений составляют одно целое. В Сирии и Иордании создается сейчас широкий национальный фронт. Арабские социалисты, демократы, коммунисты, независимые, лидеры религиозных организаций выступают совместно в защиту свободы и национальной независимости.

В борьбе за эту великую цель арабы пользуются моральной поддержкой миролюбивого Советского Союза и стран народной демократии. Дружеские чувства к СССР характерны сегодня не только для широких народных масс арабских стран, но и для многих руководителей этих стран.

Приведу один пример из политической жизни Сирии. Вы знаете, что через нашу страну проходит нефтепровод из Ирака к морю. Принадлежит он англо-иранской нефтяной компании. С давних пор эта компания платила Сирии всего 14 миллионов лир в год. В последнее время компания дает нам также около 700 тысяч тонн сырой нефти. Но что делать с этой нефтью? Давно обещала компания помочь нам построить нефтезавод для переработки нефти. На словах обещали, а на деле саботаж: 25 лет саботируется постройка нефтезавода в Сирии. Раньше наш народ мирился с этим. А теперь не может примириться с таким саботажем. Во-первых, мы считали, что 14 миллионов лир — это очень мало. Народ заставил компанию платить нам 65 миллионов лир, и она платит. Но так как строить завод компания попрежнему не желает, мы начали думать, как обойтись без их «помощи». И мы, конечно, найдем выход. У нас будет свой нефтезавод!

Халед эль-Азем, бывший министр иностранных дел Сирии, руководитель Демократического блока в парламенте, узнав о том, что Советский Союз готов оказать Сирии помощь в строительстве нефтезавода, выступил с речью, которая была горячо одобрена арабскими народами. Я приведу несколько фраз из этой речи.

— Советский Союз хочет видеть Восток независимым, а западные государства хотят, чтобы арабские страны оставались под их господством. Запад пугает нас коммунизмом. Бороться с коммунизмом — значит служить интересам западных государств. Мы ни в коем случае не должны этого делать.

Это говорит один из самых богатых людей Сирии, влиятельный общественный деятель, и он, конечно, прав!

Не раз пытались реакционные круги поставить коммунистов вне национального движения. Это не удалось и не удастся! Коммунистическая партия Сирии и Ливана патриотическими делами доказала свою верность народу, делу освобождения и сейчас представляет собой такую национальную силу, с которой нельзя не считаться.

Все прогрессивные силы арабских стран стоят за объединение, за дружбу Египта, Сирии, Саудовской Аравии, Йемена и других арабских стран. В единстве наша сила и наше светлое будущее!

Copyrighted material

Стихи разных лет

Иосиф УТКИН

На мемориальной доске Центрального дома литераторов в Москве среди фамилий погибших писателей — участников Великой Отечественной войны — высечено имя поэта Иосифа Павловича Уткина.

Свыше тридцати лет назад приехал Уткин в Москву из Сибири, где он юношей во время гражданской войны сражался в рядах Красной Армии против Колчака.

Уже первые его стихи, посвященные минувшей гражданской войне, живописные и музыкальные, привлекли внимание читателей. Ставшая популярной «Повесть о рыжем Мотеле» и другие его произведения заняли прочное место в советской литературе.

В годы Великой Отечественной войны Иосиф Уткин также находился на фронте, написал много хороших стихов.

На сорок втором году трагически оборвалась жизнь поэта-воина.

В течение ряда лет автор этих строк разыскивал стихотворения Иосифа Уткина, не вошедшие в его сборники. Уже удалось собрать свыше тысячи строк. Новые публикации войдут в сборник избранных произведений Иосифа Уткина, выпускаемый в Гослитиздате. Ниже печатаются некоторые из разысканных стихотворений.

Л. Рубинштейн

О НЕЖНОСТИ

Говорю насмешливо и едко:
— Лучше уходите подобру.
Если вам так хочется, кокетка,
Лирики... извольте, я навру.

Мне, поэту, ничего не стоит.
Только попросите — накручу.
И представьте, с детской простотою
Попросила, говорит: — Хочу...

Стало мне и совестно и жутко.
До чего мы, значит, не нежны,
Если даже, как плохая шутка,
Наши ласки девушкам нужны!..

1940.

* * *

Дни склоняются и меркнут.
Лишь не меркнет боль живая,
Как солдата на поверку,
Юность громко вызывая.

Но в ответ — одно молчанье.
Только сам вздохнешь порою,
Как вздохнет однополчанин
Над могилою героя...

Сентябрь 1943.

Два рассказа

Иван БУНИН

Рисунок О. Верейского.

АЛУПКА

Солнце только что скрылось, еще светло, но в жарком меркнущем воздухе, в синеватой неопределенности неба, над кипарисами Алупки, уже реют и дрожат чуть видные, как паутина, летучие мыши. Закрывая на ходу плоский цветной зонтик, которым все вертела на плече, спускаясь по пыльному переулку к пансиону, быстро вошла в жидкий садик, усыпанный галькой, и взбегает на террасу, где доктор один полулежит в качалке в ожидании обеда: в пансионе еще пусто, кто в парке, кто на берегу под парком, кто встречает вечерний почтовый дилижанс из Ялты.

— Слышал? — возбужденно говорит она, входя. — В Ялту приехали артисты Малого театра! Не играть, конечно, а так... Чуть не вся труппа, Лешковская с Южиным...

— От кого же я мог это слышать? Ты, конечно, как всегда, почему-то бегала встречать дилижанс?

— Да, и встретила доктора Никитина, его вызвали к старухе Крестовниковой, он мне и рассказал это...

— Очень рад, только не понимаю, почему ты объявляешь мне об этом приезде так, словно случилось нивесть что? Вбегаешь вне себя, вся красная, в поту, завитушки на лбу растрепаны...

— Будешь вне себя, когда в этой милой Алупке день и ночь задыхаешься от жары и духоты! Но дело вовсе не в моей наружности, а в том, что я хотела тебе сказать, что ты как хочешь, а я больше не могу сидеть тут!

— А где же ты хочешь сидеть? В Ялте?

— Да, хотя бы в Ялте.

— И все потому, что туда приехали артисты Малого театра? Да ты что — из Чухломы, что ли? И почему ты вдруг стала такой театралкой? В Москве бываешь в этом Малом театре раз в два года, а тут вдруг так поражена этим приездом!

— Ничем я не поражена, но как ты наконец не понимаешь...

— Что не понимаешь?

— То, что мне твоя Алупка и этот «семейный» пансион осточертели! В Ялте...

— В Ялте, разумеется, совсем не то! В Ялте проводники, набережная, а теперь еще хромая Лешковская с Южиным. Какое же сравнение! Но мы, мой друг, приехали в Крым не ради проводников, а ради отдыха.

— Мы, мы! Слышать не могу этого мы! Мы ведь все-таки не сиамские близнецы, Алексей Николаевич!

Доктор приподнимается и садится, удивленно глядя на нее, в первый раз заметив вдруг, до чего она изменилась за последнее время и особенно за эти три недели в Крыму, чуть не с утра до вечера лежа на гальке у моря под парком, по пяти раз в день купаясь: загорелое лицо окрепло и округлилось, глаза налились блеском, плечи, груди, бедра расширились, что особенно явно под легким платьем из сарпинки, вся горячо пахнет этой сарпинкой и загорелым телом, обнаженные коричневые круглые руки точно отполированы... Доктор пожимает плечами, стараясь быть спокойным и строгим:

— При чем тут сиамские близнецы?

— При том, что я прекрасно предвидела всю эту сцену и дорогой твердо решила переехать одна, если ты не переедешь. И перееду, а ты как знаешь.

— Постой. Да ты в своем уме? Что с тобою? Внезапное острое помешательство? «Приехали артисты Малого театра, переезжаю в Ялту, а ты как знаешь...»

— Разумеется, как знаешь, раз ты...

— Что я?

— Раз ты вот настолько не думаешь обо мне! Ты за все пять лет нашего милого супружества, которое все величают «идеальным»...

— Помилуй бог, какая адская ирония!

— Да, для тебя оно, разумеется, «идеальное»! Сиди себе в кабинете да раздевай своих несчастных идиотов:— вздохните — не дышите, вздохните — не дышите, а я... И вот-вот опять Мерзляковский переулок и опять ты будешь месяца два рассказывать всем знакомым, как «чудно» отдохнули «мы» летом! В прошлом году расписывал Волгу, в позапрошлом Евпаторию, в нынешнем будешь расписывать Алупку... Довольно с меня этих отдыхов!

— Да ты что? Сбежать от меня решила?

— Я ничего не решила, только я больше не могу! Не могу и не могу!

— Все это прекрасно, но, во-первых, надо решить, куда именно и с кем и с чем бежать, а во-вторых, все-таки не кричать на весь дом.

— Хочу и кричу! И буду кричать! Нарочно буду!

В их комнате на втором этаже, очень тесной от двух кроватей, двух кресел, гардероба со скрипучими рассохшимися дверками, умывальника и чемоданов под вешалкой, воздух горяч и неподвижен, в окно, открытое на совсем уже померкшее небо, нет ни малейшего дуновения. Вбежав туда, она падает в кресло, на спинку которого брошен купальный халат, еще не высохший, противно пахнущий теплой сыростью, и с бьющимся сердцем, зло и решительно смотрит перед собой, не выпуская из рук зонтика.

21.4.49.

МОЛОДОСТЬ И СТАРОСТЬ

Прекрасные летние дни, спокойное Черное море.

Пароход перегружен людьми и кладью, — палуба загромождена от кормы до бака.

Плавание долгое, круговое — Крым, Кавказ, Анатолийское побережье, Константинополь...

Жаркое солнце, синее небо, море лиловое; бесконечные стоянки в многолюдных портах с оглушающим грохотом лебедок, с бранью, с криками капитанских помощников: — Мáйна! вúра! — и опять успокоение, порядок и неторопливый путь вдоль горных отдалений, знойно тающих в солнечной дымке.

В первом классе прохладный бриз, в кают-компании пусто, чисто, просторно. И грязь, теснота в орде разноплеменных палубных пассажиров возле горячей машины и пахучей

Рассказы взяты из готовящегося к печати собрания сочинений И. А. Бунина (приложение к журналу «Огонек»).

Copyrighted material

кухни, на нарах под навесами и на якорных цепях, на канатах, на баке. Тут всюду густая вонь: то жаркая и приятная, то теплая и противная, но одинаково волнующая, особая, пароходная, мешающаяся с морской свежестью. Тут русские мужики и бабы, афонские монахи, курды, грузины, греки... Курды, — вполне дикий народ, — с утра до вечера спят, грузины то поют, то парами пляшут, ловко подпрыгивая, с кокетливой легкостью откинув широкий рукав и плывя в расступившейся толпе, в лад бьющей в ладоши: таш-таш, таш-таш! У русских паломников в Палестину идет без конца чаепитие, длинный мужик с обвисшими плечами, с узкой желтой бородой и прямыми волосами вслух читает Писание, а с него не спускает острых глаз какая-то вызывающе-независимая женщина в красной кофте и зеленом газовом шарфе на черных сухих волосах, одиноко устроившаяся возле кухни.

Долго стояли на рейде в Трапезунде. Я съездил на берег и, когда воротился, увидал, что по трапу поднимается целая новая ватага оборванных и вооруженных курдов — свита идущего впереди старика, большого и широкого в кости, в белом курпее и в серой черкеске, крепко подпоясанной по тонкой талии ремнем с серебряным набором. Курды, плывшие с нами и лежавшие в одном месте палубы целым стадом, все поднялись и очистили свободное пространство. Свита старика настелила там множество ковров, наклала подушек. Старик царственно возлег на это ложе. Борода его была бела как кипень, сухое лицо черно от загара. И необыкновенным блеском блестели небольшие карие глаза.

Я подошел, присел на корточки, сказал «селям», спросил по-русски:

— С Кавказа?

Он дружелюбно ответил тоже по-русски:

— Дальше, господин. Мы курды.

— Куда же плывешь?

Он ответил скромно, но гордо:

— В Стамбул, господин. К самому падишаху. Самому падишаху везу благодарность, подарок: семь нагаек. Семь сыновей взял у меня на войну падишах, всех, сколько было. И все на войне убиты. Семь раз падишах меня прославил.

— Це, це, це! — с небрежным сожалением сказал стоявший над нами с папиросой в руке молодой полнеющий красавец и франт, керченский грек: вишневая дамасская феска, серый сюртук с белым жилетом, серые модные панталоны и застегнутые на пуговки сбоку лакированные ботинки. — Такой старый и один остался! — сказал он, качая головой.

Старик посмотрел на его феску.

— Какой глупый, — ответил он просто. — Вот ты будешь старый, а я не старый и никогда не буду. Про обезьяну знаешь?

Красавец недоверчиво улыбнулся:

— Какую обезьяну?

— Ну так послушай. Бог сотворил небо и землю, знаешь?

— Ну, знаю.

— Потом бог сотворил человека и сказал человеку: будешь ты, человек, жить тридцать лет на свете, хорошо будешь жить, радоваться будешь, думать будешь, что все на свете только для тебя одного бог сотворил и сделал. Доволен ты этим? А человек подумал: так хорошо, а всего тридцать лет жизни! Ой, мало! Слышишь? — спросил старик с усмешкой.

— Слышу, — ответил красавец.

— Потом бог сотворил ишака и сказал ишаку: будешь ты таскать бурдюки и вьюки, будут на тебе ездить люди и будут тебя бить по голове палкой. Ты таким сроком доволен? И ишак зарыдал, заплакал и сказал богу: зачем мне столько? Дай мне, бог, всего пятнадцать лет жизни. — А мне прибавь пятнадцать, — сказал человек богу, — пожалуйста прибавь от его доли! — И так бог и сделал, согласился. И вышло у человека сорок пять лет жизни. — Правда человеку хорошо вышло? — спросил старик, взглянув на красавца.

— Неплохо вышло, — ответил тот нерешительно, не понимая, очевидно, к чему все это.

— Потом бог сотворил собаку и тоже дал ей тридцать лет жизни. Ты, сказал бог собаке, будешь жить всегда злая, будешь сторожить хозяйское богатство, не верить никому чужому, брехать будешь на прохожих, не спать по ночам от беспокойства. И, знаешь, собака даже завыла: ой, будет с меня и половины такой жизни! И опять стал человек просить бога: прибавь мне и эту половину! И опять бог ему прибавил. — Сколько лет теперь стало у человека?

— Шестьдесят стало, — сказал красавец веселее.

— Ну, а потом сотворил бог обезьяну, дал ей тоже тридцать лет жизни и сказал, что будет она жить без труда и без заботы, только очень не хороша лицом будет, — знаешь, лысая, в морщинах, голые брови на лоб лезут, — и все будет стараться, чтоб на нее не глядели, а все будут на нее смеяться.

Красавец спросил:

— Значит, и она отказалась, попросила себе только половину жизни?

— И она отказалась, — сказал старик, приподнимаясь и беря из рук ближнего курда мундштук кальяна. — И человек выпросил себе и эту половину, — сказал он, снова ложась и затягиваясь.

Он молчал и глядел куда-то перед собою, точно забыв о нас. Потом стал говорить, ни к кому не обращаясь:

— Человек свои собственные тридцать лет прожил по-человечьи — ел, пил, на войне бился, танцевал на свадьбах, любил молодых баб и девок. А пятнадцать лет ослиных работал, наживал богатство. А пятнадцать собачьих берег свое богатство, все брехал и злился, не спал ночи. А потом стал такой гадкий, старый, как та обезьяна. И все головами качали и на его старость смеялись. Вот все это и с тобой будет, — насмешливо сказал старик красавцу, катая в зубах мундштук кальяна.

— А с тобой отчего ж этого нету? — спросил красавец.

— Со мной нету.

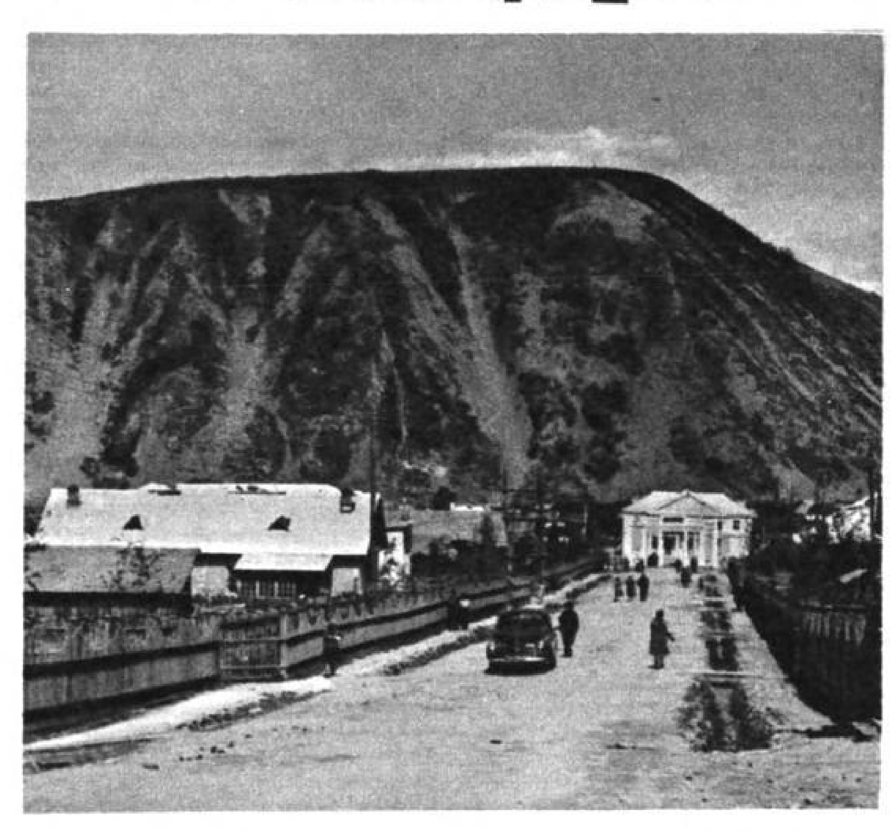
— Почему же такое?

— Таких, как я, мало, — сказал старик твердо. — Не был я ишаком, не был собакой, — за что ж мне быть обезьяной? За что мне быть старым?

1936 г.

Copyrighted material

ГОРОДОК В ТАЙГЕ

Вл. ШУСТИКОВ

Фото Г. Хренова.

1. От Хабаровска до Микояновска

— Дайте билет до Микояновска.

Кассирша долго листала справочник.

— Такой станции, гражданин, на Дальнем Востоке нет.

Оказалось, что Микояновск стоит к северу от железной дороги, где-то в тайге. Билет следует брать до станции Облучье, а оттуда добираться до Микояновска на машинах.

Несколько часов пути — и вот наконец Облучье. Сразу нашлись попутчики, и тут же выяснилось, что сегодня автобусы почему-то не ходят. Лучше всего выйти на окраину, к электростанции: оттуда легче уехать на грузовике. Попутчиков было двое. Невысокий кряжистый мужчина в плаще, с острыми, глубоко посаженными и чуть-чуть хитроватыми глазами; в волосах у него кое-где заметна седина. Это Николай Ерофеевич Дорохов, житель Микояновска. Второй — аккуратный мужичок в короткой, сшитой по росту зеленой фуфайке, коричневых брюках, тщательно проглаженных и заправленных в новые кирзовые сапоги. Звали его Сергей Федорович. Он, безусловно, любил во всем определенность и порядок и, может быть, отчасти поэтому надоедал Дорохову своими расспросами: в Микояновск Сергей Федорович ехал впервые. Есть ли там клуб и можно ли устроиться на работу? Растут ли какие овощи или все приходится покупать на базаре в Облучье?

— Зона вечной мерзлоты. Судите сами, что может там расти,— отвечал Дорохов, и нельзя было понять, всерьез говорит он или просто хочет напугать Сергея Федоровича.

— Не понравится — проеду за Микояновск,— независимо сказал тот, но видно было, что Сергей Федорович все-таки встревожился: — Какие там населенные пункты дальше?

— А никаких!

— Как так? — Сергей Федорович опешил.

— Очень просто. В Микояновске трасса кончается. Дальше вообще никакой дороги нет. Одни тропы. Вы, Сергей Федорович, сколько километров можете пройти за день по хорошо битой таежной тропе?

— Вот так занесло меня! — не отвечая на вопрос, вздохнул Сергей Федорович.— Вот тебе и Дальний Восток!

Когда около нас затормозил самосвал, произошла небольшая заминка. Сергей Федорович сказал, что в кузове очень грязно и что он лучше подождет следующую машину. Но Дорохов предложил ему ехать в кабине. Сергей Федорович нехотя устроился рядом с шофером, а мы забрались в кузов.

— Пусть посмотрит Микояновск,— сказал Дорохов, кивнув на кабину.— А то и не побывают, а худую славу несут: глушь, вечная мерзлота...

2. В зоне вечной мерзлоты

Вечерело, сумерки опускались на землю. Грузовик быстро бежал по шоссе. Слева шумела по камням стремительная неширокая речушка, за нею — крутые склоны отрогов хребта, то подступающие к самому берегу, то уходящие далеко в сторону. Вдоль реки тянулась длинная тонкая стелька редкого белесого тумана. Приглядевшись, сквозь этот туман можно рассмотреть и каменные осыпи, затянутые по краям кустарником, и силуэты деревьев на том берегу. Впереди виднелись сопки, закрытые сиреневой плотной дымкой,— кажется, что сопки далеко-далеко, а на самом деле до них нет и десяти километров — вечером трудно определить расстояние.

По всей долине, куда ни взглянешь, все лес, лес. Какое великолепное сочетание! Вот среди строгих кедров загорелся пунцовым пламенем молодой кленок, вспыхнули листья у раскидистой черемухи, а промелькнувшая осинка, на которую сразу и не обратишь внимания, долго и грустно машет вслед нам нарядным своим полушалком.

Почти отвесно поднимается скала, а по ней все-таки взбираются вверх три березки, подавая друг дружке руки. Острые ребра камней, замшелые растопыренные лапы вывороченных с корнями вековых деревьев — все вокруг сурово, а эти молодые березки знай себе идут да идут в гору. Может быть, именно это сочетание нежных березок с темносерыми камнями и придает неповторимую прелесть дальневосточной природе, может быть, поэтому в здешние места одинаково влюбляются и люди, приехавшие с кавказских гор, и уроженцы средней полосы России.

— Неужели это зона вечной мерзлоты? — спросил я Дорохова.

— Да,— ответил он.— Правда, мерзлый грунт не везде, а пятнами, островками.— Николай Ерофеевич помолчал немного.— Нет, я говорил Сергею Федоровичу истинную правду. И никаких дорог из нашего поселка дальше нет. Но это ничего не значит. Микояновск не глушь и не захолустье. Вот когда мы только приехали сюда, тогда здесь действительно было не особенно уютно.

— Давно вы в Микояновске?

— Десятый год.

— А Микояновску сколько лет?

— Десять. Вся его история на моих глазах...

...В Хабаровском крайкоме партии, куда Дорохова вызвали с прииска на Нижнем Амуре, произошел разговор, который определил, как дальше жить и где работать Николаю Ерофеевичу. В тайге строился новый рудник, и туда направляли Дорохова на работу. Он коммунист и воспринял это как партийное поручение.

Он был похож тогда, этот Микояновск, на те таежные поселки, где приходилось раньше работать Дорохову: такие же наспех сколоченные домики старателей, такой же разношерстный люд. Но здесь особенно чувствовалось, что люди обосновываются надолго: закладывалось двухэтажное здание школы, больничный городок. Не успела войти в строй одна обогатительная фабрика, а на склоне сопки Ответной уже поднимались стены второй.

Люди как будто бы и не заметили, как вырос городок, и давно не удивляются ни Дому культуры, ни школе, ни добротным зданиям, которые построены по ту сторону Буферного ключа.

И сколько таких вот таежных поселков выросло на глазах у Николая Ерофеевича в самых, казалось бы, глухих местах!..

Наконец мы приехали в Микояновск. Грузовик остановился возле дома, где жил Дорохов, и мы попрощались с повеселевшим Сергеем Федоровичем. Дорохов пригласил меня к себе. Христина Григорьевна, жена Дорохова, встретила нас хорошим обедом, а потом мы пили чай. Когда Христина Григорьевна поставила на стол варенье из крыжовника, Николай Ерофеевич улыбнулся.

— Это из собственного сваренo. Вот вам и вечная мерзлота! Нашу хозяйку можно считать мичуринцем. В прошлом году привезла из Облучья крыжовник, посадила, выходила и уже получила первый урожай. А сейчас посадила шесть кустов черной смородины. Даже если по два ведра с куста,— и то, считайте, сколько это будет.— Дорохов смеется.

— Так уж и по два ведра,— сердито сказала Христина Григорьевна, слушавшая наш разговор.— Как приехали, так сразу и нужно было посадить, а то все верили другим, будто здесь ничего не родится.

3. Костевы остаются на Дальнем Востоке

...Поезд идет на запад. Прощай, Тихий океан, прощайте, дальневосточные берега! Старшина второй статьи Костев, уволившись с флота, едет с женой и трехлетним сынишкой на Украину. Билеты взяты до города Черкассы, куда настойчиво приглашала сестра Леонида, Полина Голубь. «Здесь и начнешь свою гражданскую жизнь»,— писала она.

Но не все случается, как задумано.

По дороге Костевы решили дня на три остановиться — билеты еще будут действительны — и погостить у брата Нины, Ивана Никитенко, который жил в небольшом городке, расположенном в стороне от железной дороги. Конечно, Иван будет их оставлять у себя, он и раньше писал об этом, но

Алексей Шалагин и Хуан Хуай-цин.

Copyrighted material

оседать в Микояновске Костевы не намерены.

Оттого ли, что встретили их радушно, оттого ли, что стояли мягкие весенние дни, когда земля только-только просыхает, а над крутыми сопками торопливо бегут белые нежные облака, сквозь которые пробивается теплое яркое солнце, а только Нине и Леониду здесь сразу понравилось.

Был конец апреля, и Микояновск готовился к празднику. Маляры заканчивали побелку домов, женщины мыли окна, а мальчишки ходили далеко в тайгу и возвращались оттуда с первыми весенними цветами. Все здесь было не так, как представлялось раньше Леониду. Думал: заброшенный поселок, где домики слеплены кое-как, а на самом деле настоящий городок!

Первого мая после демонстрации на стадионе состоялся парад мотоциклистов. Машины, украшенные живыми цветами, шли одна за другой минут пятнадцать.

Вдруг проезжавший мимо мотоциклист крикнул:

— Эй, матрос, держи! — и бросил Леониду Костеву букет нежнорозовых цветов.

— Это багульник, — сказал Иван.— А скоро зацветет черемуха, здесь ее по берегам реки полно.

Вечером пошли на концерт художественной самодеятельности. Костевы сидели в четвертом ряду. Хотя Леониду концерт нравился, он не подавал виду: «У нас на флоте еще и не так умеют». Леонид сам не раз выступал в концертах, хорошо пел, плясал. Когда на сцену вышли Федор Петрович Верхотуров и Мария Антоновна Богданович, Иван и его жена переглянулись. Они знали, что Леонид и Нина особенно любили украинские песни. В том месте, где герой оперы «Запорожец за Дунаем» доверчиво сообщал: «Прывезлы, прывезлы мэнэ сюды»,— Иван взглянул на Леонида. Глаза их встретились, и они оба засмеялись...

Сразу же после праздников Иван и Леонид поехали в Облучье и взяли из камеры хранения вещи.

Вот какая история произошла со старшиной второй статьи Леонидом Костевым и его женой, ехавшими в украинский город Черкассы. И теперь родственники Костевых, что живут в других краях, иногда получают письма с приглашением приехать в Микояновск. Письма эти пишет Леонид, который работает дежурным электриком в горном цехе комбината «Хинганолово».

4. На руднике

— Сначала руду — каменные глыбы — пережигали на кострах, потом обливали холодной водой, раскалывали на куски помельче и после этого толкли тяжелыми пестами в больших ступах. Да и это не все. Песок несешь на речку, промываешь его в лотке. Пустота сходит, олово остается.— Алексей Петрович Шалагин говорит медленно, он словно бы не рассказывает, а просто вспоминает вслух былое.

Мы сидим на досках у рудничного склада, где хранится инструмент. Мимо то и дело проходят самосвалы, волоча за собой плотные султаны пыли. В кузовах оловянная руда. Ее везут на обогатительные фабрики. Там машины раздробят руду, разотрут в тонкий песок и, промыв его, отберут темносерый тяжелый минерал — касситерит, из которого потом выплавят олово.

Отсюда, с высоты, хорошо виден рудник. Несколькими громадными уступами он поднимается с середины сопки до ее вершины. Деловито стучат бурильные станки, хлопочут экскаваторы.

Неторопливо рассказывает Шалагин.

Приехал он сюда в 1946 году, не имея никакой специальности. Рудник только-только закладывался. А сейчас Шалагин — машинист электрического экскаватора на одном из передовых рудников Советского Союза. Может быть, он жалеет о вольной старательской жизни?

— Кто же будет жалеть об этом! — Шалагин смеется.— Только и надежды было, что на «фарт». Бывало, правда, зарабатывали хорошо, а бывало, что и на хлеб еле хватало.

— А сейчас?

— Заработки у нас хорошие. Редко когда меньше двух тысяч домой приношу.

— Где же вы учились на экскаваторщика? Машина сложная...

— А-а-а,— протянул Шалагин, он как будто бы только и ждал этого вопроса.— Не один я, почти все механизаторы получили специальность здесь, на курсах, без отрыва от производства. Такие курсы есть и у нас в горном цехе и на обогатительных фабриках. Многие старатели стали электриками, слесарями, шоферами. Взять хотя бы моего товарища Ивана Васильевича Грицана. Вместе «старались», а теперь мастер бурового станка. Выросли люди...

Мы долго еще говорим с Шалагиным о его товарищах, о Тамбовщине, откуда он родом, о китайских специалистах, которые сейчас находятся на руднике; одному из них — технику Хуан Хуай-цину — Шалагин помог освоить управление экскаватором.

— Я из-под Тамбова, товарищ Хуан Хуай-цин из Пекина, а встретиться пришлось в Микояновске,— смеется Алексей Шалагин.

5. В тайгу придут строители

...Еле заметная тропка ведет вас все дальше, дальше от жилья, уже не слышно человеческого голоса, и только изредка донесется протяжный сигнал автомашины. Лес становится как будто бы реже, но стволы толще. Меньше попадается кустарника, вот его не стало совсем.

А тропка все бежит, все куда-то торопится, и вот вы поднялись на щебнистую вершину. Лес поредел, сильный ветер выжимает слезу. Но вы все-таки забираетесь на этот стоящий торчмя каменный выступ.

Пепельно-серые плотные тучи, точно кошмы, закрыли все небо. Только в одном месте солнце пробилось, и столбы света, косо падая на склон далекой сопки, едва задевают вершины деревьев. От этого сопка кажется мягкой — так и хочется протянуть руку и погладить.

Сопки, сопки, сопки... Точно застывшие волны, уходят они за горизонт. А за ними вдали светлолиловые низкие очертания гор.

Сколько богатств скрывается в этой тайге!

Стоит промыть песок, взятый на дне какого-нибудь безымянного ручья, и на деревянном лотке останутся светлые блестки — золото. А поискать хорошенько в районе, можно найти и молибден, и железо, и висмут.

В Директивах XX съезда партии по шестому пятилетнему плану особое внимание уделено освоению природных ресурсов восточных районов страны. Об этом всегда помнят работники комбината «Хинганолово».

Вот в кабинете директора вокруг стола, сплошь закрытого листами карт, собрались инженеры из производственного отдела комбината, геологи, строители. Воодушевленные решениями съезда партии, они намечают, где пройдут по тайге дороги, где будут построены новые рудники: комбинат теперь значительно расширяется. Наступление на тайгу развертывается широким фронтом.

— В этом месте придется делать выемку.— Главный инженер комбината Владимир Михайлович Михневич вопросительно смотрит на собеседников.

— А может, эту сопочку лучше обойти, чем поднимать по ней шоссе серпантином? — Николай Николаевич Чепеленко, директор комбината, показывает карандашом, где могла бы пройти новая дорога.

Михневич не согласен, и они начинают спорить.

Наконец приблизительный маршрут определен, Чепеленко отдает распоряжение, чтобы дорожники делали рекогносцировку.

— Все это так,— сказал Михневич,— но люди, люди...

— Народ найдется,— сказал один из инженеров.

— Смотря какой народ. Другой приедет, испугается первой же трудности и убежит. Только государству расход,— сказал Чепеленко.— Тут нужны романтики...

И сразу сугубо деловые споры о том, где пройдет трасса, и сухие расчеты как будто отодвинулись в сторону и в комнату вошло будущее.

Как будто уже приехали из Саратова или Тамбова молодые парни, и зажглись в тайге костры, и запахло машинным маслом, и уже не в Микояновске кончается дорога, а где-то дальше, у нового рудника, который еще предстоит построить.

Этот рудник будет построен в тайге, как был построен Микояновск, и, так же, как Микояновск, он станет плацдармом, с которого на тайгу начнется новое наступление.

А пока из Микояновска на север в тайгу ведут только таежные тропы...

Из фондов Горьковского музея

Шестьдесят лет назад, в 1896 году, был основан Нижегородский, ныне Горьковский, художественный музей. Картины, пожертвованные любителями, составили маленькую коллекцию, и даже спустя двадцатипятилетие она насчитывала лишь 156 живописных произведений, не дававших еще представления о русском искусстве.

За годы Советской власти прежний маленький провинциальный музей стал одним из лучших в стране. Особенно хорошо представлена в нем русская живопись. «Раннее утро» Шишкина, «Мужичок из робких» Репина, «Гадающая Светлана» Брюллова, «Ковер-самолет» В. Васнецова, полотна Архипова, работы художников арзамасской школы (Н. Алексеев, Н. Рачков) и многое другое сделают честь любому художественному собранию.

На вкладках публикуется несколько произведений из экспозиции Горьковского музея.

Пейзаж «Коса» принадлежит кисти Льва Феликсовича Лагорио. Уроженец Феодосии, Лагорио с детских лет увлекался морским пейзажем; немало создал он и морских батальных сцен. Известен был Лагорио и как отличный рисовальщик. К. А. Савицкий вспоминал, что в юности Лагорио особенно помог ему «в изучении рисования с натуры и упражнениях в композиции».

В Горьковском музее находятся два произведения Алексея Гавриловича Венецианова — «Спящая девушка» и «Девочка с гармошкой», написанные в сороковых годах, то есть в последние годы жизни художника. А. Г. Венецианову, живописцу-реалисту, сказавшему новое слово в развитии русского искусства, жилось нелегко. Борьба с освященными академией традициями за утверждение в искусстве нового героя — мужика — подорвала силы мастера. На его произведениях последних лет лежит печать усталости. В меньшей степени это заметно в «Девочке с гармошкой» — здесь художник создает живой, задорный образ.

Этюд Василия Николаевича Бакшеева «Порубь» поступил в Горьковский музей из Третьяковской галереи. В этой ранней работе Бакшеева видны черты, определившие потом славу его как пейзажиста: радостное восприятие природы, правдивость и поэтичность. И на поруби торжествует жизнь — буйно пробивается зелень, тянутся вверх молодые деревца, пока еще похожие на кусты, славно светит солнце...

«Охотник» Виктора Михайловича Васнецова — чудесный образ крестьянина, человека сильного, знающего цену себе и людям. В этот же период была написана Васнецовым и картина «Иван Царевич на сером Волке». Михаил Васильевич Нестеров вспоминал потом, что Васнецов тогда жил более чем скромно. Если бы Третьяков не приобрел у него «Ивана Царевича на сером Волке», то едва ли удалось бы его семье свести концы с концами.

Аполлинарий Михайлович Васнецов на восемь лет моложе своего брата, который был его учителем. В пейзаже А. Васнецов создал свой, особенный стиль — величавый, эпический. В таких полотнах мастера, как «Кама» или «Тайга на Урале», воспевается могучая красота уральской земли. В небольшой картинке «Пруд» есть ощущение покоя, тишины. Выдающийся педагог, Аполлинарий Васнецов ряд лет возглавлял класс пейзажа в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Ученики его любили, он постоянно помогал нуждающимся, заботился о том, чтобы они вырастали широко образованными людьми.

Иван Павлович Похитонов — член Товарищества передвижников — большую часть жизни прожил во Франции. В выставках передвижников он участвовал редко. Писал Иван Павлович маленькие размером картинки, большей частью пейзажи, исполненные с натуры тщательно, даже виртуозно. В Третьяковской галерее хранится портрет И. С. Тургенева, написанный Похитоновым.

Е. БРАГИН

Copyrighted material

Л. Ф. Лагорио (1827—1905). КОСА. 1875.

Горьковский Государственный Художественный музей.

«Огонек». 1956.

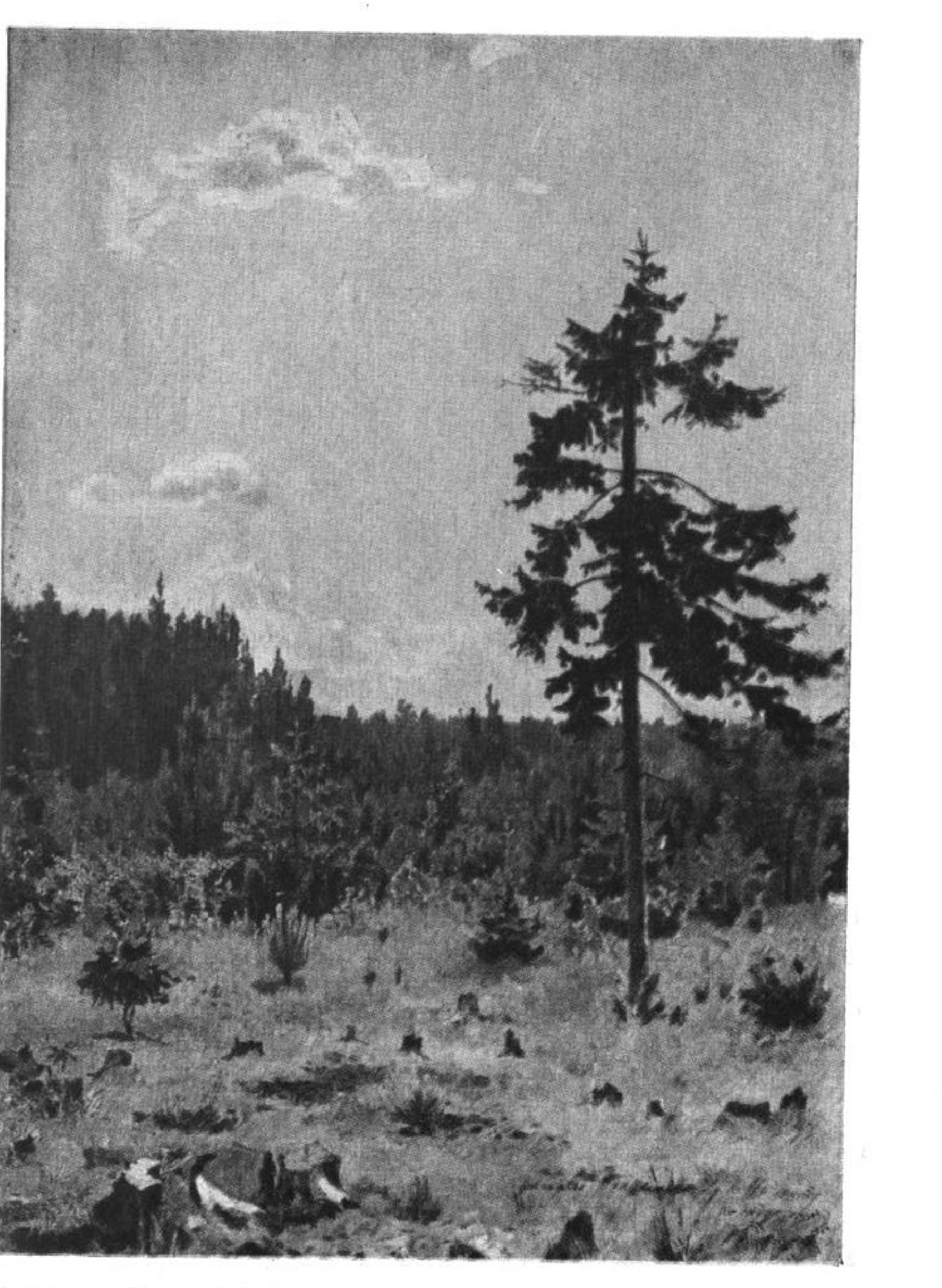
Copyrighted material

А. Г. Венецианов (1780—1847). ДЕВОЧКА С ГАРМОШКОЙ.

Горьковский Государственный Художественный музей.

Copyrighted material

В. Н. Бакшеев (Род. в 1862 г.) ПОРУБЬ. 1886.

В. М. Васнецов (1848—1926). ОХОТНИК. 1889.

Горьковский Государственный Художественный музей.

Copyrighted material

А. М. Васнецов (1856—1933). ПРУД.

И. П. Похитонов (1850—1923). ПАСЕКА. 1882.

Горьковский Государственный Художественный музей.

Copyrighted material

РАДИ НАШИХ ПРЕКРАСНЫХ ГЛАЗ

Рассказ

Петер КАРВАШ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Он остановился на пятом этаже перед дверью квартиры номер одиннадцать. После некоторого колебания, словно набравшись мужества, положил палец на кнопку звонка и нажал ее. Раздался серебряный электрический голосок, затем шаркающие шаги — и дверь открылась. Перед ним стоял невысокий человек в домашней куртке неопределенного цвета, с пенсне на солидном носу, со строгим выражением лица. Голову его прикрывало около пятнадцати волосков, зачесанных от правого уха к левому, его ноги торчали в невообразимо огромных, пестрых шлепанцах, и весь он производил впечатление чернокнижника, который только что покинул средневековье и спешно переоделся в штатское платье. Он недружелюбно посмотрел на посетителя.

— Извините, — сказал молодой человек, стоявший перед дверью квартиры номер одиннадцать. — Моя фамилия Квасничка. Вы преподаватель Ломикар Моцик?

Чернокнижник удивился, притронулся к своим пятнадцати волоскам, проверяя, на месте ли они, недоверчиво взглянул на посетителя, потом на медную табличку на двери, где стояло «Л. Моцик, преподаватель в отставке», и снова на посетителя и спросил неожиданно громким и таким гулким голосом, что казалось, будто он только открывает рот, а вместо него говорит какой-то великан, спрятанный в квартире.

— Что вам угодно?

— Здравствуйте, — ответил молодой человек и виновато улыбнулся. — Я пара агитаторов.

Все остальное было делом одной секунды. Учитель Ломикар Моцик с легкостью молодого атлета отступил на три шага и молниеносным движением закрыл дверь в квартиру номер одиннадцать. Изумленный посетитель поправил очки на носу и снова робко позвонил. Потом осмелел и звонил в течение пяти минут, выбирая различные ритмы, например, три длинных и один короткий или три коротких и один длинный, так как есть люди, открывающие только по определенному знаку. Наконец из-за запертой двери послышалось:

— Господи боже мой! Перестаньте! Что вам угодно?

— Откройте, пожалуйста, — попросил молодой человек, — у меня важное дело.

— Вижу, — упрямо ответил Ломикар Моцик, — знаю я ваши важные дела. Воззвание о мире я подписал, в выборах в Национальный фронт участвовал, «Братиславские новости» получаю, а в «Обществе друзей классической литературы» состою уже пятый год. Что же вам еще нужно?

— Я пара агитаторов, — доверчиво повторил посетитель и дважды тихонько позвонил: один длинный и один короткий, как восклицательный знак. — Может быть, вы откроете?

Время тянулось. Тихо заворчал лифт, и на одном из нижних этажей заплакал ребенок. Затем дверь открылась этак на ширину руки. В щелке появился большой глаз Моцика, защищенный толстым стеклом. Глаз обвел площадку и удивленно уставился на молодого человека.

— То есть как так? — раздался бас Ломикара. — Говорите, пара... а вы здесь один!

Юноша немного растерялся. Но тотчас же преодолел смущение и незаметно просунул ботинок в щель между порогом и дверью.

— Мы пара, — мягко усмехнулся он, — но моя жена агитирует в другом корпусе. Чтобы дело шло быстрее, понимаете?

Учитель сделал попытку закрыть дверь.

— Послушайте, — сказал посетитель, пригнувшись к глазу преподавателя Ломикара Моцика.

— Вы не пара, — мстительно заявил учитель. — Вы просто агитатор-одиночка. Это факт.

— Хорошо, — робко ответил молодой человек. — Согласен. Но вы искалечите мне ногу. Это было бы очень неприятно. Мне нужно обойти еще четыре этажа, — я начал сверху.

Давление на дверь невольно ослабло, и «агитатор-одиночка» очутился в передней. Чернокнижник уже не напоминал великана с басом Шаляпина и снова был маленьким и немного смешным. Он сделал последнюю попытку:

— Я сдал в утиль плиту и шесть бутылок из-под шаратицы[1]. Что вам еще нужно?

Молодой человек огляделся вокруг. Передняя была чистенько подметена, прибрана. В открытую дверь была видна комната, в которой стоял солидный книжный шкаф, старомодный гарнитур — кресла и столик — и старинные башенные часы с маятником. Молодой человек выразительно посмотрел на кресло.

— Пожалуйста, — сдался Ломикар Моцик,— присаживайтесь.

Некоторое время они сидели друг против друга. В комнате чувствовался запах старого плюша и табака. На стене висел портрет мужчины, завернувшегося в простыню, как будто он только что вышел из ванны. У окна зеленел аквариум. Доносились звуки города — дребезжали трамваи, рокотали мотоциклы.

Агитаторы были, по глубокому убеждению Моцика, величайшим злом века. Они приходили в самый неподходящий момент, вторгались в святилище частной жизни, вносили в заслуженный, законный отдых господина учителя уличный шум и суету будничных интересов. Новый дом, в котором преподаватель Моцик получил уютную холостяцкую квартиру, находился в центре города, лифт в нем работал, и потому агитаторы трех районов здесь непрерывно сменяли друг друга. То они хотели, чтобы Моцик принял участие в манифестации, то убеждали его бороться за чистоту в городе, то агитировали в связи с Международным женским днем, то настаивали, чтобы учитель снизил потребление электроэнергии. Ломикар Моцик выполнял их требования, но рассматривал это как грубое нарушение прав собственника и квартиронанимателя. Раньше ходили нищие и коммивояжеры, говорил он, а теперь агитаторы. Но предпочитал все же последних и был готов ко всему.

— Речь идет о вашем здоровье, — деликатно произнес молодой человек.

«Ага, — горько подумал чернокнижник, — начинают с моего здоровья, а кончат предложением стать братом милосердия или вступить в добровольную пожарную дружину. Не выйдет: мне пятьдесят девять лет!»

— Итак, — ледяным тоном повторил он, — о моем здоровье?..

— Ну да, — улыбнулся молодой человек, хотя, казалось, все еще не мог преодолеть смущения. — Вообще, как вы себя чувствуете? Хорошо?

— Прекрасно, — иронически заявил Ломикар. — Благодарю за внимание. Вот только спокойствия мне не хватает.

— У вас ничего не болит? — спросил посетитель, озабоченно моргая.

— Абсолютно ничего, — твердо отвечал учитель.

— И все-таки, — задумался молодой человек, — вам следовало бы пойти на рентген. Человек никогда не может знать...

— На рентген? — изумился чернокнижник и сразу взволновался. Это был совершенно необычный для агитаторов оборот. — Почему на рентген? И почему именно я?

— Не только вы, — ободряюще ответил молодой человек. — Не только вы. Все. Все по порядочку отправятся на рентген. Посмотрим, здоровы ли они, и так далее.

Учитель Ломикар Моцик молчал. Он смотрел на посетителя, как бы проверяя, какой еще подвох кроется в его агитаторской душе. Он бы, пожалуй, предпочел какую-нибудь манифестацию или подписку на общественный неполитический журнал. Но рентген?!

— Видите ли, — продолжал посетитель, — теперь каждый гражданин будет время от времени ходить на рентген. Ведь человек может ничего не подозревать, а у него окажется что-то в легких. В целях предупреждения болезней. Забота о народном здоровье.

Преподаватель Ломикар Моцик схватился за свою узкую грудь, словно хотел под домашней курткой нащупать скрытую болезнь, но тут же опомнился и спросил вполголоса:

— Вы думаете, что я болен?

— Нет, не думаю, — оптимистически заверил молодой человек. — Но не мешало бы убедиться в этом. Областной институт здравоохранения, терапевтическое отделение, первый этаж. Пожалуйста.

Учитель посмотрел на карточку с адресом. Его охватила подозрительность.

— Это просто так... так сказать...

[1] Шаратица — минеральная вода из местечка Шаратице в Моравии.

Copyrighted material

— Бесплатно, — кивнул «агитатор-одиночка». — Совершенно бесплатно.
— И каждый гражданин...
— Каждый гражданин.
Посетитель встал.
У Ломикара Моцика было мучительное чувство, что он должен что-то спросить, пока агитатор еще не ушел, но никакими силами не мог вспомнить, что именно. Он смотрел вслед молодому человеку, закрыл за ним дверь, по рассеянности сказал даже «Праце чест».
Потом вернулся и с адресом в руке остановился посреди комнаты.
«Смотрите-ка, — невольно подумал он, — смотрите-ка, какая забота. Почему они так заботятся? Чего они могут ожидать от старого пенсионера, преподавателя истории и латыни? Рентген... Народное здравоохранение... Чего только не выдумают... И бесплатно? Тут что-то неладно».
И вдруг у него мелькнула мысль:
«Да ведь это набор в армию! Под видом заботы о человеке они смотрят, можно ли напялить на него военную форму... Не успеешь оглянуться — и уже будешь заряжать пушки!»
«Нет, нет!.. — попытался он успокоиться. — Могли мне просто послать повестку — и все...»
Он прошелся от аквариума к книжному шкафу, растерянно провел рукой по верхней полке, посмотрел на посеревший указательный палец и подумал:
«Рентген... А что они за это потребуют?.. Доход у меня, правда, скромный...»
Тут его осенила фантастическая мысль:
«Возможно, что это даже не обычный рентген! Может быть, они будут только делать вид, что проверяют легкие, а на самом деле посмотрят: каково твое мировоззрение? Читал ты «Анти-Дюринга»? Слушаешь «Голос Америки»? Уж не старый ли ты реакционер?»
Он отверг и это предположение. До самого вечера ходил по комнате, советовался с портретом Платона и укреплялся в решении никуда не ходить и не соглашаться на рентген. Но, уже укладываясь, вдруг всполошился:
«А что, если, не дай бог, у меня действительно что-нибудь в легких? Вот недавно я кашлял... Или в желудке? Мне хотят помочь, а я, глупец...»
Он не мог уснуть.
«Рентген, — размышлял он, — умная машина, мудрая, необходимая... Но так, сразу? О моем здоровье никто никогда не заботился. Плевали на него. И вдруг теперь в больнице вспомнили: «Как там Ломикар Моцик — старый, отставной преподаватель гимназии? Здоров ли он? Пригласим-ка его, посмотрим, что у него там, внутри...» Может быть, меня кто-нибудь встретил и заметил, что я побледнел? А может быть, в самом деле собираются рентгенизировать все население? Кто же это оплатит? И вообще, рентабельно ли это при таком количестве здоровых людей?»
До глубокой ночи он ворочался в постели. Наконец заснул, и ему приснилось, что два черта в белых халатах направляют на него рентгеновские лучи и при этом хихикают: «Он не член профсоюза! Тайно увлекается Шопенгауэром! Все знаем, все знаем, все видим — до самой печенки!»
На рассвете он проснулся и потому, что утро вечера мудренее, окончательно решил:
«Ни на какой рентген я не пойду! Им меня не запугать! Не подкупить. Не сбить с толку. У меня тоже есть характер!»
В пятницу перед обедом ему вдруг показалось, что кто-то выходит из лифта. Это, конечно, сотрудники милиции, которые пришли, чтобы насильно повести его на рентген. Но они не появлялись, и учитель Ломикар Моцик попрежнему вел одинокую холостяцкую жизнь, согреваемый уверенностью, что его не поймали, что он не попался.
Раза два или три он, правда, просыпался с ощущением, что в сердце у него опухоль, а в легких дыра, часто замечал какие-то боли под правым ребром, но, что он не пойдет на рентген, было бесспорно.
В понедельник после обеда снова кто-то позвонил. Учитель пошел к двери с плохим предчувствием. Но его тренированный мозг работал несколько быстрее, чем стареющие руки, и дверь оказалась скорее закрытой, чем открытой. Перед ним на площадке стоял «агитатор-одиночка» и смущенно улыбался.
— Откройте, пожалуйста, господин учитель, — сказал он успокаивающе, — неудобно заставлять человека стоять на лестнице. Это не принято.
В передней молодой человек укоризненно прищурился, глядя на Ломикара, и сказал:
— Вы что-то похудели, господин учитель. Не потеете ли вы по ночам?
Учитель Моцик быстро, насколько ему позволяли его шлепанцы-корабли, повернулся к агитатору спиной. Он явно позабыл о гостеприимстве и хорошем воспитании.
Молодой человек постоял, потом приставил указательный палец к кончику носа — некоторые люди так размышляют в решающие моменты — и вдруг сделал нечто совершенно неожиданное: вежливо попрощался и ушел.
Ломикар Моцик, который за все время не открыл рта, вернулся к Платону с ощущением одержанной победы. Он надеялся, что весть о поражении агитатора быстро распространится и остаток жизни он проживет спокойно, без всяких рентгенов. На легкое покалывание в боку он не обращал внимания.
Не прошло и четверти часа, как в передней снова раздался серебряный звон.
— Кто там? — воскликнул учитель.
Стекла дребезжали, но ответа не последовало. Учитель живо представил себе, что на площадке стоит улыбающийся молодой человек, а рядом с ним двое верзил со смирительной рубашкой и еще бог весть с чем. Он покорно открыл дверь: подчиниться грубой силе, отступить перед террором не позорно.
На площадке стояла белокурая, ясноглазая, веснушчатая девушка с круглым лицом и любопытным, остреньким носиком. Она была очень похожа на кустарную куколку, хотя была не в национальном наряде, а в зеленом элегантном, но скромном костюме.
— Это ошибка, — сказал Ломикар, — здесь живу я.
— Но ведь я иду к вам, — певуче произнесла куколка. — Я пара агитаторов.
Учитель даже не успел сделать грамматическую поправку, как она уже сидела в кресле и с нескрываемым любопытством рассматривала странную комнату. Потом уставилась на Ломикара своими фонарями и плутовски засмеялась:
— Ну что, учитель, ведь умирать-то нам не хочется?
— Умирать? — сдавленным голосом переспросил учитель.
Сразу, бог весть почему, он подумал, что стоит здесь в этих проклятых шлепанцах, в потертой домашней куртке с пуговицами четырех сортов, небритый. У него пот выступил. Пенсне упало с носа и нелепо закачалось на черном шнурке.
— Умирать теперь было бы совершенно глупо, — конфиденциально сообщила молодая дама учителю, словно открывая ему тайну. — Слыханное ли дело? Теперь, когда силоновые чулки стоят двадцать три кроны, сбитыми сливками хоть пруд пруди и у нас начались телевизионные передачи! Это все равно, что два часа просидеть у парикмахера в очереди на шестимесячную завивку и вдруг уйти.
Ломикар Моцик опомнился.
— Я не предаюсь плотским и вообще светским наслаждениям, — ответил он и прикрыл рукой свою редкостную коллекцию волос, словно она собралась улететь.
— Предаетесь или не предаетесь, — возразила куколка и надула губы, — айда на рентген! Стыд и позор, такой большой и боится!
— Я не боюсь, — нахмурился учитель и при этом опять стал похож на чернокнижника. — Я не боюсь, но пользуюсь своим правом свободно принимать решения. Я учитель и нахожусь на пенсии.
Только тут Ломикар Моцик, казалось, полностью осознал этот факт, имеющий решающее значение. Он вдруг внимательно посмотрел на свою гостью и, поскольку она была очаровательна, воскликнул:
— И вообще! Как вы со мной разговариваете? Есть у вас аттестат зрелости?
Блондинка смущенно покачала головой. Она хотела что-то сказать, но Ломикар так гремел, что плюш на креслах заколыхался.
— Знаете ли вы, кто был Люций Эмилий Паулус? А когда была битва при Каннах? А при Сиракузах?
Девушка смотрела на Ломикара, точно все больше приходя к убеждению, что учителя нужно направить не на рентген, а к психиатру.
— Более того, — гремел бас Ломикара, — знаете ли вы, кто были Овидий, Вергилий и Гораций? Не знаете? Не знаете, а позволяете себе агитировать.
В критический момент снова позвонили, и появился молодой человек с неуверенной улыбкой — «агитатор-одиночка».
— Ну как? — с надеждой в голосе спросил он с порога. — Все в порядке?
Но молодая девушка бросила на него взгляд, полный горькой печали. Потом перевела глаза на чернокнижника и крепко сжала

Copyrighted material

губы, как бы говоря: «Это не человек, а ледяная сосулька!»

— Гм, — произнес юноша. Он остановился перед учителем и несколько принужденно улыбнулся. — Моя жена, — представил он куколку.

— Очень рад, — сухо ответил Ломикар. — Она не имеет понятия, когда была битва при Каннах.

— В двести шестнадцатом году до нашей эры, — ответил молодой человек. — А вы знаете, кто был Рентген? Знаменитый физик. А знаете, что он изобрел?

— Нет, — упрямо возразил Ломикар Моцик, — об этом не может быть и речи.

Прошло несколько долгих секунд.

— Жаль, — вздохнула пара агитаторов. — Вы портите нам процент.

— Что я вам порчу? — спросил Ломикар и заморгал близорукими глазами.

— Процент, — стыдливо прошептал молодой человек. — Видите ли, мы лучшая пара агитаторов в районе. Обычно достигаем стопроцентного охвата.

Ломикар Моцик пристально посмотрел на Платона. Он был сам себе господином, не позволял вмешиваться в свою частную жизнь, но, сколько себя помнил, никогда мухи не обидел, никогда людям не причинял неприятностей, в этом его не обвинишь.

— Вы хотите сказать, что все остальные уже были на рентгене?

— Триста десять тысяч человек, — быстро ответил юноша.

Ломикар снова посмотрел на Платона, как бы говоря: «Тебе было хорошо, в твое время не было...»

— Хорошо, — неожиданно сказал он, и лица молодых людей прояснились, — хорошо, я все обдумаю. Но с одним условием: если вы мне скажете, что у меня за это потребуют.

Супруги переглянулись.

— Это делается в порядке заботы о человеке, — проговорил молодой муж.

— Я знаю, — нетерпеливо перебил учитель, — платить-то за это не платят, в этом главный фокус, но что это не станут делать просто ради моих прекрасных глаз, ясно как день!

— Нет, — ответила молодая жена, — это делают ради... легких.

Учитель страшно рассердился.

— Вы хотите сказать, что я ничего не должен буду подписать, никуда не вынужден буду вступить, что тратят электроэнергию на триста тысяч человек только потому, что интересуются их внутренностями?

Пара агитаторов вздохнула.

Дискуссия длилась до вечера. Принесли статистические данные, дали учителю честное слово, привели с улицы двух людей, которые уже были на рентгене и живыми вернулись к домашнему очагу. В половине одиннадцатого учитель капитулировал. Отдался на волю провидения и на следующий день пошел в терапевтическое отделение.

Там все было подготовлено очень тонко: отделение во всех мелочах походило на настоящую больницу, а не на широко задуманную западню, в которую должны были попасть Ломикар Моцик и ему подобные. Сестричка заботливо записала фамилию, чин и звание учителя, очевидно, для какой-то тайной картотеки,— ах, как прозрачно все это делается! — и предложила ему подождать в приемной. Там он просидел девятнадцать минут; бесспорно, его в это время ставили на учет. Потом сестричка снова пришла и отвела его в маленькое темное помещение, в котором едва можно было повернуться. Кто-то ледяным голосом произнес: «Разденьтесь, пожалуйста»,— и Ломикар Моцик подумал: «Я погиб».

Потом дверь открылась, и в ней появился человек в белом халате и темном резиновом переднике. Учитель сразу понял, что это детектив, переодевшийся врачом.

— Пожалуйста,— сказал он с притворной любезностью.

Учитель вошел в помещение, освещенное только темнокрасной лампочкой. Перед ним стоял рентгеновский аппарат, хотя, может быть, это был новый тип гильотины.

— Заходите, заходите, господин учитель,— весело говорил переодетый детектив и подтолкнул Ломикара Моцика к аппарату. Красная лампочка погасла, что-то зловеще загудело, и штатный преподаватель в отставке поручил свою душу богу.

Вдруг он услышал голос замаскированного детектива:

— Сердце у вас, как мотор, господин учитель, как у восемнадцатилетнего юноши. Проживете до ста лет.

«Заряжать пушки»,— подумал Ломикар.

— В правом боку у вас какое-то обизвествление, — продолжал детектив. — Вы болели легкими, господин Моцик?

«Все знают обо мне»,— отметил Ломикар Моцик.

Его снова отвели в прежнюю каморку. С другой стороны появился ласково улыбающийся переодетый детектив. Учителя ослепил яркий свет, но он успел заметить, что детектив снимает передник, такой же, какие в свое время носили палачи.

— Пойдемте,— сказал он,— я еще вас выстукаю.

Что с ним потом происходило, Ломикар Моцик не помнит. Он уже распростился с жизнью и не был способен на сопротивление. Даже к переодетому детективу не чувствовал ненависти, хотя мог дать голову на отсечение, что тот не знает, когда была битва при Каннах. Кончилось это тем, что детектив, все время великолепно игравший роль врача, сказал:

— Вам нужен свежий воздух, господин учитель! Поедете на три недели в Татры, и все будет в порядке! Хорошо?

Ломикар Моцик даже тогда не смог оказать сопротивления. Он ушел домой, бессознательно накормил рыбок, потом сидел в плюшевом кресле и пытался разрешить два вопроса. В какую историю он, во имя всех святых, влип? А если не влип, если они искренни — а от них всего можно было ожидать,— если переодетый детектив был не детективом, а врачом, то разве возможно, разве мыслимо, можно ли себе представить, что они делают это просто так, из одной любви к людям, ради наших прекрасных глаз?.. Нет, учитель Моцик выпустил в свет тридцать поколений восьмиклассников не для того, чтобы на старости поверить в такую чепуху!

То, что сердце у него, как у юноши, доставило ему удовольствие. И покалывание в боку у него более или менее прекратилось. Он лучше спал и чаще вступал в дискуссию с Платоном. Но все время ожидал продолжения этой истории.

И вот продолжение началось. Однажды почтальон принес вместе с пенсией зеленый конверт из Старого Смоковца. Это была путевка в дом отдыха.

Ломикар Моцик несколько часов маршировал между аквариумом и книжным шкафом и рассуждал приблизительно так: «Возможно, что это великолепная атака на мое мировоззрение. Они хотят меня нравственно скомпрометировать, морально связать по рукам и ногам. Но им это не удастся! Ломикара Моцика нельзя подкупить. Возможно также, что они в конце концов придут и предъявят мне астрономический счет за все свои услуги, чтобы разорить меня. Это им тоже не удастся».

Ломикар Моцик был вооружен мудрой философией компромиссов и оглядок. «Наконец, возможно, что я им нужен для статистики, что они хотят использовать меня как доказательство того, что жизнь у нас действительно улучшилась: они швырнут мне какие-нибудь блага, чтобы превратить меня в беззащитное, анонимное доказательство каких-то достижений, о которых собираются раструбить по всему свету. Но и это им не удастся. Ломикар Моцик был всю жизнь личностью, индивидуальностью».

А что, если он не поедет? Ведь они будут рассматривать это как демонстрацию — теперь ко всему подходят с политической точки зрения! А что, если они просто проверяют, каково его отношение к правительственной политике социального обеспечения? Может ли человек в настоящее время позволить себе иметь собственные взгляды на вещи?

В назначенный день учитель Моцик сжал зубы и поехал в Татры. В Татрах он был впервые в жизни. От красоты у него там кружилась голова. Утром он сидел на залитой солнцем террасе, грыз рогалики со свежим маслом и повидлом, пил сладкий кофе, вдыхал изумительный, кристально-чистый воздух Татр и думал: «Не могут они предоставлять все это человеку без задней мысли! Это было бы что-то фантастическое!»

Он совершил прогулку в Ломницу, по канатной дороге поднялся на вершину, вид на огромные горы и широко раскинувшийся край совершенно опьянил его... И все же у него шевелилась мысль: «И за такое счастье от тебя ничего не потребуют? Пусть говорят об этом кому-нибудь другому...» Он прибавил два килограмма, загорел — стал совершенно шоколадным, обыграл в шахматы горняка из Подбрезовой, провел удачную беседу о древней демократии... И при всем этом его грыз червь сомнения: «Что за это потребуют? Чем я буду за все это расплачиваться, какой ценой?»

Домой — к рыбкам, к Платону, к креслам, к часам с маятником — он вернулся, как во сне. И там продолжал вести свою жизнь, которой никто не интересовался, в которой никто, никогда и ничего не сделал для него даром. С помощью некоего мыслителя эпохи Гнея Помпея ему удалось добиться такого душевного состояния, при котором его уже ничто не могло поразить, но его все время мучила мысль: что будет дальше?

Однако в самых глубоких тайниках его души жила надежда, что снова задребезжит звонок, пара агитаторов-молодоженов робко войдет в комнату, и он, Ломикар Моцик, возьмет их за руки и скажет:

«Дорогие мои, вы сагитировали меня, я вам верю, но разрешите задать один вопрос.— Они кивнут, и Ломикар Моцик взволнованно попросит: — Будьте откровенны, друзья. От сердца к сердцу! Я признаю, рентген хорошая штука! Татры тоже замечательны. Допускаю, те, что в правительстве, стараются, дают людям все, что могут. Изо всех сил стремятся к тому, чтобы все были счастливы. Допускаю! Но одно только скажите мне, друзья, положив руку на сердце, дайте честное слово, поклянитесь: неужели же, скажите, неужели же все это делается ради наших прекрасных глаз?»

Преподаватель в отставке Ломикар Моцик горячо надеется, что они ответят:

«Да, ради наших прекрасных глаз!»

Возможно, что тогда он наконец успокоится.

Перевела со словацкого

Р. РАЗУМОВА.

Copyrighted material

— Ну, зачем же плакать?

— Пи-ши. Понимаешь? Пи-ши!..

— Да я же вернусь

НА ПЕРРОНЕ И

Г. БОРОВИК

Вокзал... Радостные и трогательные встречи, грустные, а подчас забавные расставания. Минуты перед приходом или уходом поезда знакомы всем: и тем, кто, волнуясь, стоит на перроне, и тем, кто весело или печально смотрит из окна вагона. Об этих минутах и рассказывается в фоторепортаже, сделанном на Курском вокзале Москвы.

— Банку с вареньем поставь к окну! Слышишь?

На привокзальной площади:
— Мне вон тот букетик... Внучка приезжает.

Напутствие.

— Дочка, ты меня видишь?

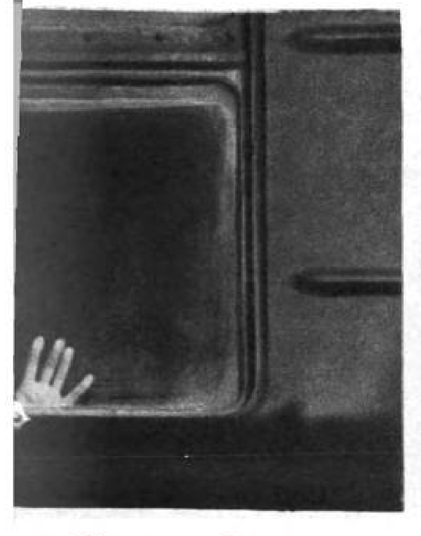

Мы с папой приехали в командировку...

Вернулись из альпинистского лаге

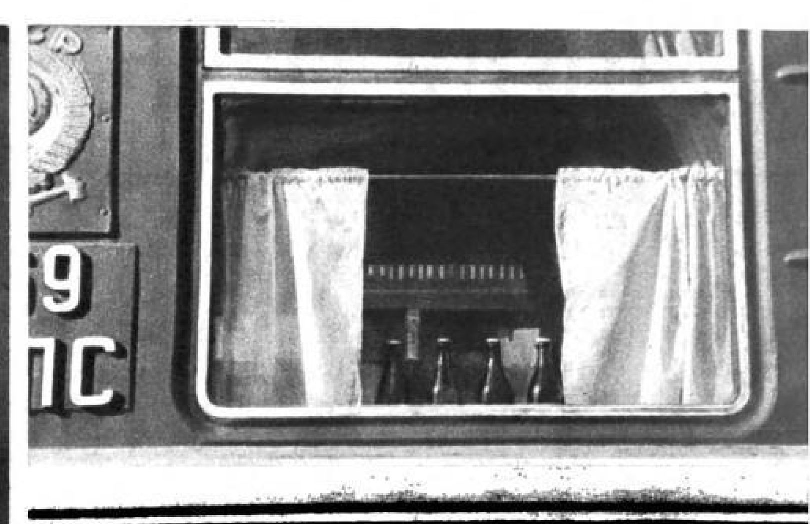
Copyrighted material

коро! Туда — и обратно.

— Что-что? Говори громче!..

ОКОЛО

Поезд из Днепропетровска опаздывает...

28-й прибывает на пятую платформу.

Кавказе. «Ну, девочки, друг друга не забывать! Записывайте адреса!».

За три минуты до прихода поезда.

Успеет?

Ситуация, знакомая, к сожалению, многим...

Copyrighted material

ГИБЕЛЬ ЧИСТОЙ ДУШИ

К инсценировке «Фомы Гордеева» М. Горького

В. СУХАРЕВИЧ

Фото В. Малышева.

В последнем году прошлого века была опубликована повесть М. Горького «Фома Гордеев». Еще только собирались грозовые тучи — предвестье первой русской революции, — еще сильна была царская власть и казался незыблемым старый жизненный уклад. А. М. Горький увидел в среде купечества особенного, на своих собратьев непохожего человека — бунтаря. «Фома,— писал Горький, излагая свой замысел, — не типичен как купец, **как представитель класса**, он только здоровый человек, который хочет свободной жизни, которому тесно в рамках современности».

В повествовании о «нетипичном» молодом купце прошлого века старая российская действительность предстает перед нами.

Игнат Гордеев — народный артист РСФСР А. Л. Абрикосов.

Фома Гордеев — Г. А. Абрикосов.

читателями, в таких ярких образах зла, кривды, душевной опустошенности, что в этом окружении здоровому человеку не только жить — дышать трудно. Правдивость, честность, совестливость Фомы делают его отщепенцем в среде толстосумов, в растленном, грабительском мире. Так в бунте одного — Фомы Гордеева — вынесен приговор волчьим нравам купечества.

Повесть Горького полна глубочайшего социального смысла и внутреннего жизненного драматизма. Эти особенности повести нашли живое отражение в спектакле «Фома Гордеев», поставленном в Театре имени Вахтангова автором инсценировки Р. Симоновым. И то, что мастер сцены — актер и режиссер — отбирал самое важное и существенное в повести, превращая ее в драму, а затем в спектакль, очень благотворно сказалось на этом ярком и оригинальном произведении театра.

В центре действия — история характера, судьба человека на самых крутых ее поворотах. Причем на долю молодого актера Г. Абрикосова, исполнителя заглавной роли, выпала сложнейшая задача: показать не только действия, буйные поступки Фомы, но и духовный рост этого человека, пробуждение его сознания, процесс его размышлений о жизни, людях и событиях. Фома у Абрикосова немногословен, с трудом произносит он каждую фразу и даже как бы стыдится многословия. Он больше молчит и слушает. А ведь актеры хорошо знают: молчать на сцене всего труднее, здесь внимание зрителя может приковать только предельная внутренняя сосредоточенность и глубина чувства. В эти заповедные глубины и стремится проникнуть Абрикосов. Он чудесно слушает и зорко наблюдает сам. Порой кажется, что и лишний жест он сдерживает, чтоб не пропустить ни одного примечательного слова, ни одного характерного поступка окружающих. Вот почему все интересно зрителю в этом спектакле.

Другие роли исполняют лучшие актеры Театра имени Вахтангова, и исполняют в большинстве хорошо. Отец Фомы Игнат Гордеев (которого играет отец молодого актера А. Л. Абрикосов) в своей короткой роли сумел передать самые главные черты этого главы купеческой династии: хищную силу, тяжелый, непреклонный и своенравный характер, свой, гордеевский, символ веры: «На людей — не надейся... многого от них не жди... Мы все для того живем, чтобы взять, а не дать...» Отец умирает, но слова эти говорит твердо и уверенно, как вывод всей своей жизни. Фома остается один — наследником отцовских миллионов, продолжателем его дела, для которого нужен верный последователь злой и жестокой житейской мудрости.

Но у Фомы доброе сердце, он верит в людей, ждет от них хорошего, желает им добра. И театр, используя все средства своего зрелого мастерства, показывает от сцены к сцене, как гибнет душа человека при столкновениях с корыстью, жестокостью, хищничеством, лицемерием, как задыхается Фома от фальши и лжи.

Злые силы принимают самые разные обличья. Фома влюблен. Медынская, светская красавица, кажется ему добрым ангелом. И нам тоже. Л. Целиковская не вносит в этот образ никаких, даже легких штрихов для разоблачения темных дел и черных поступков светлого ангела. Она полна добрых намерений, хоть о ней и говорят дурное. И в сцене, когда Медынская говорит Фоме о том, что недостойна его любви, в ее голосе даже искренняя печаль. Она и хищница и жертва, и порочна и по-своему честна. Так образ приобретает многогранность.

Этот же плодотворный принцип — стремление заставить нас вместе с Фомой изучать людей, угадывать их внутреннюю суть, а для этого актерам создавать не маски, а многосложные образы — одухотворяет сцены спектакля. Добрым, умным и заботливым наставником Фомы кажется поначалу крестный отец Фомы, Маякин, в исполнении И. Толчанова, цепкий, ловкий и живой старичок с бородкой клином. Но как только открываются один за другим проступки Фомы, как только становится ясным его пренебрежение к наживе и капиталу, в Маякине закипает лютая злость. И кажется, заостряются все его черты, огнем горят глазки, дрожат руки, все благолепие как рукой сняло: еще бы, гибнет состояние! Еще яснее и беспощаднее, чем родной отец, проповедует Фоме Маякин катехизис купеческой жизни: «Или всех грызи, иль лежи в грязи...» И первый советчик и друг становится первым врагом Фомы. В созданном Толчановым образе наиболее ярко отразился облик хозяина былой жизни с его характером, философией, моралью.

Следуя хорошей традиции вахтанговцев, режиссура спектакля стремится любую, даже эпизодическую роль дать иногда хоть одной, но самой яркой краской. Вот почему, несмотря на краткость сценической жизни, надолго остаются в памяти многие законченные, живописные сценические портреты. В них прошлый век, его люди, главнейшие и типичные представления, думы и чувства, как бы персонифицированные в каждом облике. Человек в элегантном смокинге, с сигарой в зубах, полный самоуверенности — таков Тарас Маякин в исполнении Н. Плотникова. Это купец нового типа, «европеизированный» грабитель с принципами. Методичность в изложении своих воззрений, пренебрежение к наивному

Яков Маякин — народный артист РСФСР И. М. Толчанов.

Саша — Е. Б. Добронравова.

Медынская — заслуженная артистка РСФСР Л. В. Целиковская.

Фото М. Чернова.

правдоискательству Фомы, умение создавать тончайшие комбинации для обогащения — все это проявилось в образе Тараса, человека холодного и бессердечного.

Губернатор и архиерей, купцы и приказчики, французские певички и кутилы — все они в гримах, костюмах, в любом движении, в каждой житейской подробности: идет ли панихида с заупокойным пением или гремит пьяный раз-

гул — сделаны с удивительным ощущением времени.

Краткой была беседа Фомы с мужиками, во все глаза смотрел он на рабочих, пригласивших его на свой скромный пикник, но и с ними, так же как и в пышном купеческом особняке, чувствует Фома свою отчужденность.

Фома Гордеев не одинок в своих метаниях. Ближайшие к нему люди — его любовница Саша, его друг Ежов — несут в себе ту же страшную червоточину. Е. Добронравова в роли Саши — один из самых пленительных образов спектакля. Гордый, строгий и красивый человек, смелый и уверенный в себе,— и... полное отсутствие идеалов в этой душе, ненависть к людям. Есть в спектакле одна короткая сценка поистине горьковской силы. Почти ни одного слова не произносит Саша, когда идет вслед за пьяной, подгулявшей компанией. Преклоняя колени, поет романс в ее честь куплетист в живописном одеянии, с манерами Несчастливцева (Н. Тимофеев), а она глядит куда-то вдаль — мертвые глаза.

Исполнитель роли Ежова А. Граве показал нам интеллигента, фельетониста — обличителя купечества, уверенного в силе печатного слова и в своей высокой миссии. Но одна за другой гибнут иллюзии, все меньше остается у Ежова веры в себя, в свое предназначение, он мельчает, опускается. И когда смелые, чуткие ценители правды — рабочие-печатники — отвернулись от пышных речей Ежова, он бьется в злой истерике. И этот остался в одиночестве, и он не знает верного пути — вот мысль, которую донес до нашего сознания Граве.

Так в напряженном, полном внутреннего смысла действии, на фоне чудесных поэтических декораций художника К. Юона прошел перед нами пестрый калейдоскоп людей. Мы увидели хозяев былой жизни и их лакеев, увидели угнетенный и приниженный рабочий люд и многочисленные жертвы того общественного уклада, где хищный и бесчестный полноправен и богат, а совестливый и трудолюбивый — жертва.

И в монологе, завершающем спектакль, злым и яростным проклятьям предает Фома именитое купечество, возмутясь хвастливым тостом своего крестного, величающего богатеев. В этом монологе Фома-Абрикосов достигает огромной силы. Он копил эту силу, вглядываясь в звериные облики, скрытые под масками кротости и благочестия, элегантности и коммерческой предприимчивости. И все, что открыл этот честный, совестливый человек о преступлениях, грабительстве, мерзостях купечества, он с яростью бросил им в лицо.

Самое важное для идейного звучания и художественной цельности спектакля то, что, сломленный в неравной борьбе, Фома не расстается со своей верой в будущее. «Правду не свяжешь, врешь!» — кричит он купцам. И пусть они все-таки связали ему руки,— судьба горьковского героя зовет к победе правды и труда над ложью и насилием.

И горячие рукоплескания зрителей, которые завершают спектакль «Фома Гордеев» в Театре имени Вахтангова,— доказательство живой силы горьковских образов и больших творческих возможностей театра.

КНИГИ ИЗ ДЕСЯТИ СТРАН

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. Тиханова.

За каждым прилавком говорят на другом языке. Но нам не придется прибегать к помощи переводчика: русский знают и покупатели и продавцы. Да и магазин этот находится не где-нибудь, а на самом бойком месте Москвы, на улице Горького.

Зайдем в него. Видите, как разукрашен он флагами, словно в праздничный день.

Флаги принадлежат разным странам. Над прилавками — надписи: Китай, Германская Демократическая Республика, Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария, Румыния, Албания, Корейская Народно-Демократическая Республика, Монгольская Народная Республика.

В этом магазине продают книги, репродукции с картин, альбомы, издаваемые в странах народной демократии. И хотя открыт он совсем недавно, его уже успели узнать москвичи. Ежедневно здесь продается от пяти до восьми тысяч книг. Вы можете тут встретить врача и инженера, студента и бухгалтера, спортсмена и каменщика, художника и артиста.

Специальный зал отведен Германской Демократической Республике. Более восьмидесяти издательств республики присылают в Москву выпускаемые ими книги.

Надежда Васильевна Оболенская, владеющая несколькими иностранными языками, едва успевает отвечать на вопросы обступивших ее покупателей. За этим прилавком продают техническую, медицинскую, биологическую и другую научную литературу на немецком языке.

— Покажите, пожалуйста, книгу по электротехнике, — просит молодой человек.

— Что есть по текстильной промышленности? — слышится женский голос.

— У вас, говорят, получены пособия по фотографии? — Это спрашивает седой мужчина, в котором трудно угадать дотошного фотолюбителя.

— Есть, пожалуйста.

И Надежда Васильевна протягивает прекрасно изданную книгу с множеством красивых снимков.

Кто же рассматривает с таким интересом новинки, изданные в Германской Демократической Республике? Крайний слева, увлекшийся книгой по электротехнике, — Владимир Нащекин, студент-дипломник Московского энергетического института имени Молотова. Рядом с ним заведующий кафедрой Среднеазиатского политехнического института Гафур Рахимович Рахимов. Он очень рад, что попал в этот необычный магазин. Можно не сомневаться, что он увезет с собой в Ташкент солидную связку книг, и не только на немецком языке. У следующего покупателя — Николая Бунина — свои интересы: он переводчик, владеет четырьмя языками, и такой магазин — просто находка для его специальности.

...Неудача постигла доктора химических наук Андрея Андреевича Бумделя.

— Мне нужен труд о бабочках Средней Германии.

— К сожалению, все продано.

— Не может быть!

Бабочки — увлечение Андрея Андреевича. У него богатая коллекция, одна из лучших в стране. В ней собраны бабочки, которые водятся в пределах Советского Союза. Андрей Андреевич восемь раз побывал на Памире и каждый раз привозил оттуда от двух до пяти тысяч экземпляров бабочек. Теперь легко себе представить его огорчение: труд о бабочках

Средней Германии не достался ему!

Но беде можно помочь: магазин закажет эту книгу, и, когда она прибудет, Валя Александрова позвонит Бумделю по телефону. Не он один в таком положении. Заказов много.

Старая женщина просила выписать ей книгу, которая называется «Радость в кактусах». Она пояснила, что это сборник советов — как ухаживать, разводить и опознавать красивые кактусы. Что ж, заказана и эта книга, каждый волен познавать радость по-своему...

А вот и Валя Александрова за телефоном. Прибыли новые книги, о них нужно известить заказчиков. Первый звонок к инженеру Владимиру Чиркову в Институт прикладной геофизики Академии наук СССР.

— Получен справочник по радиолампам. Он вас интересует?

— Конечно! Сейчас выезжаю!

Теперь Валя набирает номер телефона народного артиста СССР Юрия Александровича Завадского. Он любитель книг по искусству, альбомов, репродукций.

— Зайдите, Юрий Александрович, есть новинки...

— Спасибо...

...Не менее людно и в отделе, где продается немецкая художественная классическая и современная литература. Полки заполнены множеством прекрасно изданных книг.

— Можно «Гойю» Фейхтвангера?

— Есть ли произведения Анны Зегерс?

Здесь же, у прилавка, застали мы и маленькую Кристу, самую юную покупательницу. Она завсегдатай этого магазина с тех пор, как живет в Москве,— отец ее работает в посольстве Германской Демократической Республики.

Немало советских школьников наведываются в магазин.

— Что-нибудь для пятого класса можно купить?

Потом они обязательно обойдут все отделы и, даже не зная языка, внимательно осмотрят новинки.

Вот продают польские книги. Пожилой мужчина перелистывает томик Юлиана Тувима.

— Когда-то мы с ним вместе учились в Лодзи, — говорит он доверительно продавцу.

Студент из Львова уносит с собой собрание сочинений Болеслава Пруса. Преподавательница польского языка купила юбилейное собрание сочинений Адама Мицкевича.

Чешский и словацкий языки советские люди знают меньше. Но и здесь в покупателях нет недостатка. Раскупаются книги Готвальда и Фучика, Пуймановой и Запотоцкого. Всеобщий интерес вызывает труд Ярослава Вавра «Пять тысяч лет стекольного дела», богато изданный и иллюстрированный замечательными фотографиями.

Мы у прилавка, где продают венгерские книги. Большим спросом пользуется пятиязычный спортивный словарь: на венгерском, русском, английском, французском и немецком. Его покупают главным образом юноши и девушки. Пожилой полный мужчина долго рассматривал понравившийся ему словарь, но в конце концов пришел к выводу:

— Даже выучив его наизусть, я все равно не стану спортсменом. — Он отложил книгу в сторону и взял сборник стихов венгерских поэтов.

БЫЛ ЛИ ПРАВ АИСТ?

Письмо из Бонна

Мариан ПОДКОВИНСКИЙ,
польский журналист

Эти фотографии иллюстрируют статью, помещенную в западногерманском журнале «Дейче иллюстрирте» под заголовком «Так ли хорошо быть солдатом?»

Мюнхенский сатирический журнал «Симплициссимус» поместил недавно басню, политический смысл которой особенно ярко выступает в атмосфере усиленной ремилитаризации, какую сейчас переживает Западная Германия.

«Мы хотим быть снова сильными!» — закричали хором птицы. «Очень хорошо! — сказал старый ворон.— Если вы хотите быть сильными, то непременно должны иметь мундиры». «Несомненно!» — подтвердили птицы. После долгих тайных приготовлений птицам были показаны новые мундиры. «Новый мундир мало эффектен»,— заметил попугай. «И потом где же традиция?» — спросил дятел. «Слишком мало серебра!» — разочарованно сказала сорока. «О, этот мундир великолепен!» — воскликнул с американским акцентом фламинго. И только один аист воздержался от высказываний. «Почему ты молчишь?» — подозрительно спросил старый ворон, и взгляд его принял недоброжелательное выражение. «А чем я должен восторгаться? — вопросом на вопрос ответил аист.— Умирать можно в любом мундире».

...Уже много недель в Бонне тянется дискуссия на тему о мундирах, оружии, снаряжении для нового вермахта.

Нетрудно понять, что все эти споры имеют одну цель: создать впечатление, что боннская армия — это армия сугубо «новая», и тем приохотить молодежь к военной службе. Видимо, такую же роль должно сыграть обсуждение названия новой армии: вермахт или бундесвер? Дискуссия идет и вокруг «важнейшей» проблемы: должны ли носить генералы на погонах звездочки или ромбы?

Давно уже прошло время, когда в прежнем ведомстве Бланка с пафосом толковали о «гражданине в мундире», о «новом способе воспитания» солдат в казармах и т. п. Такое «изменение облика армии» должно было, по неоднократным декларациям Бланка, дать немецкому обществу гарантии, что новый вермахт, или бундесвер, будет лишен прежних милитаристских черт. Теперь, когда ремилитаризация осуществляется уже практически, все «новые концепции» лопнули, как мыльный пузырь. Были уволены из военного министерства те офицеры, которые слишком рьяно их проповедовали. Сперва подал в отставку полковник фон Бонин. Собираются покинуть министерство Бланка полковник Баудиссин, подполковник де Майзере, майор Остер (сын генерала Остера, одного из инициаторов путча против Гитлера 20 июля). Все они более не пользуются милостями военного министра. В Бонне оживленно говорят о том, что Бланк твердо решил «сделать переливание крови в своем министерстве...»

Как будет выглядеть это «переливание»? Достаточно упомянуть, что под начало Бланка в его министерство переходит генерал Матцки, шеф так называемого «гренцшютца», бывший генерал полиции при Гитлере. Там же появляется майор фон Штюльпнагель, происходящий из известной семьи прусских милитаристов, давшей гитлеровского фельдмаршала Штюльпнагеля, палача французских патриотов. Однако охотников добровольно записываться в новую западногерманскую армию оказалось немного. Боннским руководителям пришлось решиться на весьма непопулярный в народе шаг и протащить — буквально протащить — в бундестаге закон о воинской повинности. Это понятно: американцы нажимают, проявляя все более откровенное нетерпение. Выражением такого нетерпения явилось интервью, данное главнокомандующим армией США в Европе генералом Маколиффом корреспонденту газеты «Франкфуртер Альгемейне Цейтунг». Американский генерал заявил, что если «ему не дадут германских контингентов», то его армия будет «вынуждена в случае войны воспользоваться атомным оружием», а это может, как известно, принести много неприятностей и Германской Федеральной Республике.

Удивительно ли, что молодые немцы Западной Германии с такой тревогой ожидают дня, когда к ним в дом постучатся с приказом о призыве в армию. И какое им дело до того, в каком мундире они будут дефилировать в казармах, если они знают, что будущая боннская армия явится только орудием защиты чуждых немецкому народу интересов!

Умный аист из мюнхенского журнала «Симплициссимус» оказался прав.

Copyrighted material

Город Запорожье. Коксохимический завод. Лучший люковой коксовых печей Петр Алексеевич Саенко.

Фото Н. Козловского.

Copyrighted material

В плавательном бассейне. Москва. Мастер спорта Л. Баландин на дистанции.
Фото А. Бочинина.

Copyrighted material

ДО-РЕ-МИ-ФА-СОЛЬ...

С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов...

прибыли на именины Татьяны ее гости. Но на сцене, в скромном зале усадьбы Лариных, этих малолетних гостей мы не обнаружили. Зато в зрительном зале их было много; даже в темноте белели крахмальные фартучки девочек. А в антракте в глазах рябило от мелькающих то тут, то там темных, светлых, русых, рыжих тугих косиц, бантов всевозможных расцветок. Алели красные галстуки; их обладатели вели себя более степенно, к этому обязывали и галстук и... возраст. Пионеры, делясь впечатлениями в кулуарах, не забывали приглядывать за малышами. Но те захвачены были происходящим не менее, чем старшие, и так же горячо обсуждали спектакль «Евгений Онегин».

— А этот композитор написал «Марш деревянных солдатиков», «Песню жаворонка» и еще что-то, только то мы еще не проходили, — торопливо спешила рассказать маленькая девочка.

— Что то! — перебил ее мальчик. — А «Неаполитанскую песенку» кто написал?

В другом конце зала — состав здесь был более смешанный — судили уже о самой опере. Большинству понравился хор девушек.

— Мы непременно разучим его на уроке пения.

Некоторые «эрудиты» спорили о ладе — в мажорном или минорном написан хор и в каком размере.

И всюду слышалось: «А мы на уроке пения...», «У нас на пении...», «Наша учительница пения...» Звонок прервал рассуждения. Затаив дыхание, ребята слушали арию Ленского.

Нам вспомнилось тут письмо педагога Э. Воронина из Петрозаводска. Он рассказывал, что на вечере выпускников в городском театре, где шла опера «Евгений Онегин», он видел в антракте множество скучающих лиц, слышал, как юноша заявил: «Скучища!» Было явно: зал не подготовлен к слушанию оперы.

Любовь к музыке надо воспитывать.

Первоклассник Миша Эрденко, слушая радио, заявил однажды матери:

— А ты заметила, что с тех пор, как я пошел в школу, музыкальные передачи стали интереснее?

Да, теперь уже для него было небезразлично, что́ передают, какого композитора. У него появились свои любимые и нелюбимые произведения. В звуках, льющихся из радиоприемника, он узнавал зачастую спетое и прослушанное на уроках, что-то напевал, теребил мать бесконечными расспросами.

Таня Петрова услышала по радио: начинается передача «Четвертой симфонии» Чайковского — именно в тот момент, когда мать посылала ее в булочную! Вот досадно! Только вчера на уроке учительница играла народную песню «Во поле береза стояла» и показывала, как ее ввел в «Четвертую симфонию» Чайковский. Тане очень хотелось услышать ее сейчас по радио. Но она вспомнила, что, как сказала учительница, тема проходит в четвертой части симфонии. Вмиг девочка оделась, сбегала за покупкой и, возвратясь обратно, рванулась к приемнику. Медленно начинали флейты выводить знакомую мелодию.

Узнавать не раз слышанные мотивы — любимое занятие ребят и на уроках. Как торопятся они поднять руку, когда учитель задает вопрос!

— Какая это мелодия? — спрашивает, играя на пианино, Антонина Васильевна Бандина, учительница музыки московской 110-й школы.

Лес рук поднимается в ответ. Все подпевают, глаза блестят.

— Вы сыграли французскую народную песню «Пастушка».

— А это?

— «Наша армия родная», музыка Зары Левиной.

— Ну, а теперь споем песню.

Ребята поют дружно, с увлечением, старательно артикулируя, тщательно произнося каждую букву, вместе с тем очень осмысленно. Это приучает их не только петь, но и говорить хорошо — чисто, ясно, выразительно, негромко. Мораль следует сама собой: никогда и нигде не надо кричать. Так усваиваются и нормы поведения.

— Иванова, настрой класс! — обращается Антонина Васильевна к девочке в первом ряду.

Иванова, еле возвышаясь над клавиатурой пианино, тоненьким и очень высоким голоском начинает песню. Ребята дружно подхватывают ее...

Урок окончен.

— Как дальше строятся ваши занятия? — спрашиваем мы А. В. Бандину.

Антонина Васильевна заглядывает в свою тетрадь.

— Сейчас второй класс, потом специальные занятия с гудошниками.

— С гудошниками? Это на народных инструментах?

— Нет, это ребята, которые гудят, то есть все песни поют одинаково, на одной ноте. В общем, о которых принято говорить, что у них нет слуха или им «медведь на ухо наступил». Ну, а на самом деле людей с полным отсутствием музыкального слуха трудно найти. Раньше у нас считали, что если ребенок «гудит», бесполезно на него тратить время. Мы же убеждены в возможности музыкального развития всех детей. Вот послушайте моих гудошников. Во втором классе, который сейчас здесь соберется, таких тридцать.

Вместе с звонком в класс вошли ребята. Они пели хором и поодиночке, дирижировали, беседовали о Моцарте. И как мы ни пытались среди поющих отличить гудошников, это было уже невозможно.

Так запомнить мелодию значительно легче.

Мы рассказали о занятиях в 110-й школе, но эта школа не исключение. Насыщенный, интересный и разнообразный был урок и в 182-й, где пение ведет Наталья Владимировна Калмановская. Ребята там изучают нотную грамоту, слушают музыку, осваивают многоголосое хоровое пение. Наталья Владимировна стремится к тому, чтобы музыка, искусство вошли в жизнь учеников, стали их потребностью. Но на пути этих и других педагогов стоит множество преград.

В 182-й школе уроки пения проходят... в читальне. Это еще неплохо. Бывает, что и в гимнастических залах, коридорах. Специальные музыкальные комнаты, соответственно оформленные и оборудованные, есть лишь в нескольких московских школах. Недостает и комплектов граммпластинок, нужных по программе. Рассказывая о музыке Чайковского, Глинки, Бетховена, Моцарта, педагог вынужден их произведения исполнять сам, даже если он не является профессионалом-пианистом, к тому же зачастую на плохом инструменте.

Мы не случайно вспомнили здесь о письме педагога из Петрозаводска. К сожалению, в очень многих школах на музыкальное воспитание детей не обращают еще серьезного внимания. И нам думается, не только потому, что предмет этот, как принято говорить, непереводной. Беда в том, что директора школ, заведующие учебной частью, классные руководители, а также и многие родители подчас забывают, что должны воспитывать всесторонне образованных людей, а без эстетического воспитания это невозможно.

И. ВЕРШИНИНА
Фото Р. Лихач.

Занятие ведет педагог А. В. Бандина.

Copyrighted material

ЗАЧЕМ Э. Л. ВОЙНИЧ ПРИЕЗЖАЛА ВО ЛЬВОВ

Е. ТАРАТУТА

На страницах «Огонька» уже публиковались материалы о жизни и творчестве замечательной английской писательницы Этель Лилиан Войнич, о ее тесных связях с русскими революционерами, с русскими литераторами.

Но до сих пор многое в жизни и деятельности автора «Овода» еще остается неизвестным.

Публикуемая статья научного сотрудника Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР Е. А. Таратута рассказывает о связи Э. Л. Войнич с деятелями украинской революционной демократии.

Среди множества документов, находящихся в филиале Центрального государственного исторического архива УССР в городе Львове, бережно хранятся два письма Э. Л. Войнич к М. И. Павлику.

Писатель и публицист Михаил Иванович Павлик (1853—1915) в течение долгих лет принимал активное участие в освободительном движении Западной Украины, страдавшей под гнетом австро-венгерской монархии. Вместе с известным писателем Иваном Франко М. И. Павлик боролся с реакционерами всех мастей и был создателем демократической печати Галиции.

С самого начала своей деятельности М. И. Павлик подвергался жестоким полицейским репрессиям. Его повести и рассказы запрещались, издания, которые он редактировал, конфисковывались полицией, а сам он неоднократно подвергался арестам. Спасаясь от жандармского террора, он в 1879 году уехал в Швейцарию, где сблизился с известным украинским либеральным общественным деятелем профессором М. Драгомановым и познакомился с русскими революционерами-эмигрантами — Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, С. М. Степняком-Кравчинским и другими.

Вернувшись через три года на родину, М. И. Павлик продолжал свою деятельность. В 1890 году И. Франко и М. Павлик организуют радикальную партию, издают газеты «Народ» и «Хлебороб». Эти издания одобряли и поддерживали создатели первой марксистской русской организации — группы «Освобождение труда» — Г. В. Плеханов и В. И. Засулич.

М. И. Павлик высоко ценил и пропагандировал русскую литературу. Он переводил на украинский язык произведения Л. Толстого, М. Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, А. Островского и др.

Мировоззрение М. Павлика складывалось под влиянием русских революционных демократов; он знал и изучал произведения Маркса и Энгельса, однако не стал марксистом, остановившись в своем развитии на позициях утопического социализма.

Трагически сложилась судьба литературного наследия М. И. Павлика. Его рассказы и повести, реалистически изображавшие тяжелую жизнь украинцев, находившихся под игом австрийской монархии, за боевое демократическое и антирелигиозное направление не раз запрещались. Лишь однажды, в 1909 году, М. И. Павлику удалось издать некоторые свои произведения. В 1955 году во Львове изданы «Избранные произведения» М. И. Павлика на украинском языке.

Оба письма Э. Л. Войнич к М. И. Павлику относятся к 1895 году. Они написаны четким красивым почерком на русском языке, только адрес в начале второго письма дан по-английски.

Вот что писала Э. Л. Войнич Михаилу Ивановичу Павлику из Лондона во Львов.

«Лондон, 25.3.95

Дорогой товарищ

Вот и не сдержала слово; обещала написать Вам из Вены и до сих пор не словечка не писала. Что же делать! Там очень нездорова была, а как только сюда доехала, так сейчас свалилась, — инфлуэнца. Весь город переболел. Теперь мне лучше и через две недели я поеду в Италию, для окончания своей книжки.

Ну, что Вы поделываете? Все скучаете? Непременно надо Вам приехать к нам летом, когда я вернусь из Италии. Совсем на Вас рассчитываем.

Читали ли Вы «Записки рядового» Гаршина? Я недавно на английский язык перевела, и имела довольно большой успех. Теперь, к несчастью, мне некогда переводами заниматься, — так много разных дел.

Посылаю Вам Листок, из той серии, к которой принадлежит та брошюрка, которую Вы после моего отъезда мужу послали. Пожалуйста, читайте его внимательно, и напишите Ваше мнение.

Знаете, я очень нетерпеливо жду ответ от Вас по поводу того подарка, который Вы мне обещали достать для меня. Неужели нельзя достать? Постарайтесь, голубчик; очень мне хочется поскорее получить! Если б Вы только знали, как это для меня важно; — просто жду — не дождусь. Я уверена, что Вы для меня достанете; положусь на Вас, как на каменную стену. Но поторопитесь; а то ждать тяжело.

Передайте, пожалуйста, большой поклон Буберам да г-же Лилиен, да этим двум барышням, учительницам. Если г-жа Лилиен увидится со своим приятелем, к которому она меня вела, то пусть она ему передаст, что я, из-за болезни, еще не могла справиться для него об английских университетах, но что это сделаю непременно.

О Вашем золотом пере не забыли, и при первой возможности пошлют.

Заметку в Kurjer Lwowski видели; — это, вероятно, через Вас помещено? Если так, то спасибо.

Ну, а теперь мне надо спешить. Муж Вам пишет тоже. Поклон Франко и Г-же Вислоуховой.

Как поживает Ваша мать? — Смотрите, приезжайте летом, а пока, не хворайте, а главное, не тоскуйте!

Скоро опять напишу

Ваша

Лилия Войнич».

Второе письмо написано после довольно долгого перерыва 3 сентября 1895 года.

«149 The Grove Hammersmith, W. London

3.9.95

Дорогой Друг

Правда, уж очень долго я молчала! Ну, для этого есть особая причина: я сидела целые 4 месяца в Италии, совершенно углубляясь в литературной работе, которая теперь уже приближается к концу. Я была до того занята и поглощена своей работой (это и есть тот самый роман; о котором с Вами говорила), что совершенно газет не читала, и не знала ничего, что в мире творится. Только возвращаясь домой я узнала о смерти Драгоманова. Я слишком хорошо понимаю, какое это для Вас горе, чтобы говорить Вам о моем сочувствии: — ведь Вы в нем не сомневаетесь.

Как бы я хотела, чтобы Вы могли несколько времени с нами провести теперь! Я думаю, и Вам было бы легче хоть на месяц вырваться из своей «дыры» и на Божий свет посмотреть. А что до нас касается, то на свете так мало настоящих товарищей, а жизнь иногда бывает так тяжела между врагами да завистниками, что кажется, год жизни мы бы отдали, чтобы хоть изредко увидеть лицо искреннего друга. Ах, не сладко иногда живется на белом свете.

Не знаю, услышали ли Вы о крахе, который с нами произошел. В денежном отношении нам очень и очень плохо, и мы теперь не только из личного заработка ничего на дело уделить не можем, но сами оглядываемся, как бы с голоду не помирать.

Конечно, все это — временное затруднение, из которого мы скоро вылезем. Слава те Господи, — не первый раз голодаем, и все-таки до сих пор не погибли; — не страшно. Меня гораздо больше беспокоит плохое здоровье моего мужа; он до того малокровен и страдает таким нервным расстройством, что я за него очень тревожна. Я все-таки думаю, что эта болезнь происходит от целого ряда самых тяжелых неприятностей, которые с нами случились в течении последнего года, и что она излечится, когда те впечатления с временем потеряют свою яркость.

Что касается до делов, то я совершенно не беспокоюсь о них; очень скоро поправятся, без всякого сомнения; приходится только переждать немножко, пока выбьемся из кризиса. А там пойдет все хорошо.

Пожалуй, в следующем году Вы к нам приедете? Было бы так хорошо! Душой отдохнёте, а мы тоже.

В Италии я положительно ничего видать не успела; целый Божий день сидела в разных Архивах и Библиотеках, или же в своей комнате за писанием.

Однообразность жизни прерывалась только землетрясениями, которые доводили население до такого состояния панического ужаса, что прямо странно было смотреть на людей. Устала я порядочно, а между тем значительно поправилась; а книга, кажется, недурно выходит. Она относится к Италиянскому движению сороковых годов.

Ну, будьте здоровы, и боль-

149 The Grove, Hammersmith, W.
London
3.9.95.

Дорогой Другъ
Правда, ужъ очень долго я молчала! Ну, для этого есть особая
причина: я сидела целые 4 месяца
въ Италии, совершенно углубляясь въ
литературной работе, которая
теперь уже приближается къ концу.
Я была до того занята и поглощена
своей работой (это и есть тотъ
самый романъ, о которомъ съ Вами
говорила), что совершенно газетъ
не читала, и не знала ничего что
въ мiре творится. Только возвраща-

Начало письма Э. Л. Войнич к М. И. Павлику от 3 сентября 1895 года.

См. «Огонек» № 14 и № 50, 1955 год.

Copyrighted material

М. И. Павлик.

шое, большое Вам спасибо за все, что сделали.

Поклонитесь, пожалуйста, этим двум барышням учительницам и всем моим другим львовским знакомым. Напишите мне, когда у Вас время будет.

Поклон Вашей матери, а Вам самому самый дружеский привет от нас обоих, а в особенности от меня.

Ваша Лилия».

Эти письма, несомненно, свидетельствуют о дружеских чувствах английской писательницы к украинскому писателю. Э. Л. Войнич делится с ним своими сокровенными мыслями, рассказывает о работе над книгой (это и был «Овод»), приглашает к себе, благодарит за какие-то услуги.

Из писем можно сделать вывод, что незадолго до написания первого письма — 25 марта 1895 года — Э. Л. Войнич встречалась с М. И. Павликом. Нам известно, что в это время М. И. Павлик никуда из Львова, где он жил постоянно, не выезжал, кроме городка Коломыи, расположенного неподалеку. Остается предположить, что Э. Л. Войнич сама приезжала из Лондона во Львов. Это подтверждается и текстами самих писем.

Зачем, с какой целью, поглощенная работой над своим первым романом, вынужденная из-за недостатка времени отказаться даже от переводов произведений русских писателей на английский язык, Э. Л. Войнич предприняла столь длительное и утомительное путешествие из Англии в Галицию? Очевидно, были очень важные причины, но какие?

Тексты писем не дают ответа на этот вопрос. Наоборот, многое в них неясно. О каком «подарке» говорит Э. Л. Войнич с такой настойчивостью? Вряд ли здесь идет речь о какой-либо дамской вещице, которую ей захотелось иметь. Непонятно, о каком золотом пере она говорит. Почему она такими общими словами говорит о каком-то листке, о брошюре?

Мы попытались найти ответ на эти вопросы среди рукописей М. И. Павлика. И тут обнаружилось, что в силу нелепых и непонятных причин (еще одна загадка для исследователя!) весь рукописный фонд архива М. И. Павлика разбросан по разным местам. Часть находится в филиале Центрального государственного исторического архива УССР во Львове, часть — в рукописном отделе Института литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук УССР в Киеве, а указатели к этим рукописям находятся в Музее украинского искусства во Львове. Кроме того, некоторые материалы архива Павлика находятся в Библиотеке Академии наук УССР во Львове.

Разбросанность архива не имеет никакого оправдания, если учесть к тому же, что некоторые материалы просто разорваны пополам. Например, в письмо Э. Л. Войнич к Павлику от 3 сентября 1895 года было вложено письмо ее мужа М. Войнича к Павлику, но если письмо жены хранится во Львове, то письмо мужа хранится в Киеве! Там же хранятся и другие письма М. Войнича к Павлику, всего 12 писем.

Эти письма Михаила Вильфрида Войнича (в эмиграции он был известен под именем Ивана Кельчевского) кое-что объясняют в отношениях между Э. Л. Войнич и М. И. Павликом и позволяют прочитать любопытную страницу международных связей русских революционеров в конце XIX века. Напомним, что М. В. Войнич (1865—1930) был польским революционером, членом польской революционной партии «Пролетариат». В 1885 году он был арестован и сослан в Восточную Сибирь, откуда в 1890 году бежал в Лондон, где примкнул к деятельности русских эмигрантов, возглавлявшейся С. М. Степняком-Кравчинским.

Очевидно, сохранились далеко не все письма М. Войнича к М. Павлику, но сохранившееся письмо от 27 июля 1891 года было первым. В нем М. Войнич писал М. Павлику об организации в Лондоне «Русского литературного фонда» и сообщал о его целях:

«издавать брошюры, книги, перепечатывать статьи и ценные вещи, печатать произведения выдающихся русских писателей, которые по цензурным условиям не могут появиться в России. И, наконец, когда приток литературных и материальных средств усилится, приступить к изданию серьезного журнала. Само собой разумеется, что перевозка изданий в Россию на первом плане... Есть основания предполагать, что в Галиции малороссы и приезжие русские будут покупать, если хорошо поставить дело... У нас есть всюду агенты и книжные магазины, за исключением Чехии и Галиции... Не могли ли бы Вы поэтому помочь нам в этом деле. Степняк сильно на вас рассчитывает».

Дальше М. Войнич сообщает о предстоящем первом выпуске изданий Фонда, предлагает различные деловые мероприятия, сообщает, что они в Лондоне регулярно получают издания Павлика.

Очевидно, М. Павлик согласился на предложение, деловые отношения были установлены, и между Львовом и Лондоном началась регулярная переписка.

Следующее из имеющихся писем М. Войнича датировано 7 февраля 1892 года. М. Войнич сообщает, что первый выпуск Фонда, в котором была напечатана статья Степняка «Чего нам нужно?», уже распродан, имел большой успех, и благодарит М. Павлика за содействие его распространению. Он пишет: «Мы очень рады, что Вам программа Фонда и брошюра понравились». Связь между лондонскими эмигрантами и М. Павликом становится все теснее. Они начинают обмениваться не только вышедшими изданиями, но и материалами для этих изданий. Как видно из писем М. Войнича, И. Франко обещал поместить в «Курьере Львовском» (газета, издававшаяся во Львове на польском языке, в которой в то время принимали близкое участие И. Франко и М. Павлик) статью о брошюре Степняка.

13 февраля 1892 года М. Войнич запрашивает М. Павлика о том, сколько экземпляров второго выпуска Фонда — брошюры Степняка «Заграничная агитация» — выслать во Львов для продажи.

Надо напомнить, что обе эти статьи Степняка в 1894 году вышли в Лондоне на английском языке в переводе Э. Л. Войнич.

10 марта 1892 года М. Войнич посылает М. Павлику почтовую открытку. (Как видим, переписка шла довольно интенсивно.) Однако написана она совсем другим почерком, совершенно не похожим на почерк М. Войнича. На архивной папке значится: «рукой неизвестного лица». Но мы узнаем хорошо знакомый, красивый, характерный почерк Э. Л. Войнич.

Под диктовку М. Войнича она писала М. Павлику:

«10.3.92.

Дорогой товарищ!

Операция на руке помешала мне сейчас Вам ответить, и теперь заставляет просить товарища. 5 fr. получил. 3-го марта послал 1-й выпуск: 30 экз. Сегодня 50 экз. 2-го вып. 15 фев. был послан бланк. Материалы для газеты будут посланы как только выздоровею. Крепко жму руку

И. Кельчевский

Цена 2-го вып. также 25 сентимов».

В этом факте мы видим еще одно свидетельство непосредственного участия Э. Л. Войнич в работе русских политических эмигрантов в Лондоне.

В следующих письмах 1892, 1893 и 1894 годов М. Войнич продолжает извещать М. Павлика о новых изданиях Фонда, их распространении, о посылке М. Павлику разных книг, в том числе «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. Обращение вместо «многоуважаемый соотечественник» всюду сменилось на «дорогой товарищ».

К сожалению, от письма М. Войнича к М. Павлику, датированного 13 марта 1895 года, сохранился только один листочек (может быть, остальные его части находятся где-нибудь в других архивохранилищах?), но и он дает многое для ответа на наш вопрос.

М. Войнич пишет:

«London. 13.III.95.

Дорогой товарищ. Лили обещала Вам черкнуть из Вены, но по приезде свалилась в гостинице. — 3-го вернулась в Лондон и вот уже десять дней как лежит в инфлуэнции. Сегодня впервые поднялась, но еще слишком слаба, чтобы писать. Поэтому же и в Италию она поедет лишь в начале апреля. Спасибо Друже за [все, что] Вы для нее сделали и что делаете для нас. Я очень рад, что Лили так с Вами подружилась. Вот и толкуйте после этого, что нужны годы, чтобы сойтись с добрыми людьми. Нет, чуткие люди могут скоро сойтись, если только друг друга разгадают. Я очень рад, что Лили уговорила Вас приехать к нам летом. И помните, что она Вас держит за слово. Отнекиваться Вам из-за денежных расходов не придется, так как жизнь в Лондоне Вам не может ничего стоить, а билет до Лондона и обратно мы Вам вышлем. Итак значит летом и мы с Вами познакомимся. — Я не допускаю ни малейшей возможности не увидаться с Вами летом. Теперь о делах. Очень жаль, что Лили не все записала и поэтому приходится Вас опять тревожить. Дайте, голубчик, как можно скорее ответ, сколько стоит напечатать.»

На этом рукопись обрывается, к ней приложен еще кусочек письма, но непонятно, часть ли это того же самого письма или часть другого, во всяком случае, по содержанию установить невозможно.

Если припомнить, что первое из известных нам писем Э. Л. Войнич к М. Павлику датировано 25 марта 1895 года, то теперь, после ознакомления с письмом М. Войнича от 13 марта 1895 года, события представляются в следующем виде: очевидно, в начале 1895 года (вероятно, в феврале) Э. Л. Войнич поехала по какому-то важному делу из Лондона во Львов. Там она познакомилась уже лично со знакомым ей раньше по письмам Михаилом Ивановичем Павликом. М. Павлик оказал ей (то есть, вероятно, лондонским эмигрантам) какие-то важные услуги. Уезжая из Львова, она обещала М. Павлику написать ему с дороги, из Вены, но из-за болезни не выполнила обещания. 3 марта она вернулась в Лондон тяжело больная. Желая объяснить М. Павлику причину своего молчания, она попросила мужа написать во Львов. Выздоровев, она написала 25 марта своему новому другу сама.

Через пять дней, 30 марта 1895 года, М. Войнич опять пишет М. Павлику, сетует, что письма доходят нерегулярно, просит напечатать 100 экземпляров какого-то бланка (вероятно, для сбора пожертвований) и заканчивает:

«Спасибо за все, что Вы для нас делаете. Не может ли Франко перевести на польский язык этот же бланк. Лили шлет привет. Потом подробности?? Спешу. Крепко жму руку.»

3 сентября 1895 года М. Войнич пишет карандашом коротенькую записочку М. Павлику и вкладывает ее в письмо жены. Он сообщает:

«Как я Вам уже писал в прошлом месяце (этого письма нам не удалось найти. — **Е. Т.**) у нас произошел денежный полный крах, потеряли большие деньги, кот[орые] предназначались на Союз книгоношей и теперь можем вести дело лишь в крохотных размерах, как все остальные группы.

Спасибо, Братское Вам спасибо за все, что Вы нам сделали. Бедный Вы, еще одного друга потеряли. Крепко, крепко Вас обнимаю. Ваш Войнич».

Союз книгоношей, о котором упоминает М. Войнич, был организован им для распространения нелегальной литературы. Что касается «денежного краха», о котором пишут они оба, нам не удалось установить, о чем идет речь.

Последнее письмо М. Войнича, из находящихся в Институте литературы имени Т. Г. Шевченко, датировано 2 декабря 1895 года. В этом письме М. Войнич выражает сочувствие М. Павлику по поводу прекращения издания «Народа» (издание «Народа» было прекращено из-за отсутствия средств), рассказывает о своих трудностях:

«Приходилось напрягать все свои силы, чтобы и с голоду не умереть и что б Книгоноши только временно приостановили свою деятельность, а не совсем погибли» и пишет дальше: «Тяжелое положение, тяжелое везде, потому что везде реакция, реакция даже в Англии. Но важнее всего здоровье и бодрость. Ведь если живы будем, доживем до лучших времен. Реакция не может вечно продолжаться, она уже доканывает сама себя. Будут и лучшие дни, приложим свои силы с большей пользой и большими результатами... Братское Вам спасибо за все, что делали для нас».

М. Войнич уже не зовет М. Павлика к себе, а, наоборот, обещает сам приехать во Львов весной или к началу лета.

В высшей степени интересно, что он снова пишет о дружеских чувствах Э. Л. Войнич к М. Павлику:

«Лили очень Вам кланяется. Чем Вы, батенька, ее заколдовали, что она так скоро так Вас полюбила. Я редко знаю человека, к которому она бы так дружески относилась. Я очень рад, что Вы так сошлись. Я рад всегда, когда добрые и умные люди дружатся, это так редко бывает. Она кончила книжку и ждет выхода. Но так устала и так измучилась, что положительно не в состоянии ничего делать. Через недельку она Вам напишет длинное письмо. Сегодня ограничивается лишь приветом».

Вряд ли переписка на этом оборвалась, но больше никаких материалов обнаружить пока не удалось.

Итак, мы можем считать установленной тесную и дружескую связь между автором «Овода» и видным общественным деятелем Западной Украины М. Павликом. Интересно подчеркнуть, что и Э. Л. и М. Войничи постоянно горячо благодарят М. Павлика за какую-то важную услугу.

Мы не знаем, за какую. Мы не знаем еще, зачем писательница приезжала во Львов.

Тщательно вновь и вновь перечитываем ее письма к М. Павлику.

Copyrighted material

Она сообщает ему о своем переводе на английский язык «Записок рядового» Гаршина. Надо сказать, что, кроме рассказа «Из воспоминаний рядового Иванова», Э. Л. Войнич перевела еще три рассказа В. М. Гаршина: «Трус», «Происшествие» и «Красный цветок». Все эти четыре рассказа были изданы в Лондоне в 1893 году с предисловием Степняка.

Она передает приветы своим львовским знакомым. Это все друзья и сотрудники М. Павлика. Кроме известного писателя И. Франко, мы встречаем имя Рафала Бубера (1866—1931). Это был прогрессивный адвокат (он вел дела М. Павлика) и социалистический деятель. Госпожа Лилиен — сотрудница газеты «Курьер Львовский», редактором которой был одно время Болеслав Вислоух (1855—1937), личный друг И. Франко, один из крупных прогрессивных общественных деятелей Галиции. Его жена Мария Вислоухова (1858—1905) — известная общественная деятельница и польская писательница, автор брошюр о Мицкевиче и рассказов из эпохи польского восстания 60-х годов.

Говоря о заметке в «Курьере Львовском», Э. Л. Войнич, очевидно, имеет в виду коротенькое сообщение, опубликованное в этой газете 5 марта 1895 года, о том, что в Лондоне под редакцией известного русского революционера Степняка готовится сборник материалов о русском революционном движении. Организаторы сборника обращаются с просьбой ко всем, имеющим сведения о крупных политических процессах в России и жизни революционеров, сообщить эти сведения в Лондон. Заметка в «Курьере Львовском» обнаружена с помощью научных сотрудников филиала ЦГИА УССР в городе Львове — Л. Ф. Левицкой и В. А. Несен.

Очевидно, работая в Италии над созданием «Овода», Э. Л. Войнич действительно была довольно долго оторвана от текущих событий, так как М. П. Драгоманов умер 20 июня 1895 года в Софии, а Э. Л. Войнич пишет об этом только в сентябре.

Эти письма важны для нас и тем, что рисуют обстановку, в которой создавался «Овод». Жизнь его создательницы была полна нужды и лишений, нередко, как она сама пишет, ей приходилось даже голодать. Время создания романа «Овод» было временем, когда его автор принимал активное участие в русском революционном движении. В это же время Э. Л. Войнич интенсивно работала над переводами произведений русских писателей на английский язык. Кроме рассказов Гаршина, Э. Л. Войнич в это время переводила произведения Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Г. Успенского и других русских писателей, которые вошли в сборник «Русский юмор», вышедший под редакцией и с предисловием Степняка.

По собственному свидетельству писательницы, она была всецело поглощена работой над романом. В ее письмах мы находим и первую оценку своей работы.

Из этих же писем мы узнаем, что в конце 1895 года «Овод» был уже закончен. Однако роман вышел в свет лишь летом 1897 года в Нью-Йорке и осенью 1897 года в Лондоне.

Таким образом, эти письма являются важными историко-литературными документами, раскрывающими творческую историю романа «Овод».

Но все же зачем Э. Л. Войнич ездила во Львов? Научный сотрудник Института литературы имени Т. Г. Шевченко Мария Демьяновна Деркач посоветовала нам просмотреть изданную М. Павликом «Переписку М. Драгоманова с М. Павликом (1876—1895)». Семь томов (с II по VIII) этой переписки вышли в 1910—1911 годах. М. Павлик снабдил публикуемые письма подробными комментариями. В примечаниях он раскрывает много имен и событий, которые в свое время были зашифрованы им в переписке из конспиративных соображений.

В VIII томе, охватывающем переписку 1894—1895 годов, мы нашли письмо М. Павлика к М. Драгоманову от 23 февраля 1895 года из Львова. В этом письме М. Павлик писал[1] своему другу о бесконечных бедах и трудностях, которые ему приходится преодолевать:

«...самое тяжелое горе я переживаю именно сейчас и единая отрада мне была думка о Вас да одна Англичанка из Лондона, что была у меня по делу (говорит по-русски и принимает участие в русском революционном движении: человек необыкновенно образованный и человечный). Про дело, для которого она приезжала, расскажу Лесе (ибо писать нельзя) и для этого и для другого дела мне непременно нужно поговорить с Лесей, когда она будет возвращаться в Россию.

Для этих дел я желал бы поговорить хоть сейчас и, снова для Вас и для Леси, особенно рад был, чтобы она была в Софии как можно дольше, если не навсегда.

Будьте здоровы.

Вашим кланяюсь. М. Павлик.

Мне непременно надо отдохнуть; Англичанка зовет на лето к себе — да этого не может быть. Я мог бы жить с ее мужем над морем».

[1] На украинском языке.

тоже. Поклонъ Франко и Гжѣ Вислоуховой.
Какъ поживаетъ Ваша мать? — Смотрите, пріѣзжайте лѣтомъ, а пока, не хворайте, а главное, не тоскуйте!
Скоро опять напишу
Ваша
Лиля Войничъ.

Из письма Э. Л. Войнич к М. И. Павлику от 25 марта 1895 года.

Несомненно, что «Англичанка», о которой пишет М. Павлик,— это и есть Э. Л. Войнич. Совпадает даже такая деталь, как приглашение на лето.

Но дело? Какое это было дело, если М. Павлик собирался говорить о нем с Лесей Украинкой лично, если о нем даже «писать нельзя»?

В примечании к письму, составленном при подготовке его к печати, М. Павлик пишет:

«Не говорил я про это дело с Л. Косач (Ларисса Косач — настоящее имя знаменитой украинской писательницы Леси Украинки, племянницы М. Драгоманова.— Е. Т.), которую увидел уже после смерти Драгоманова, в Софии — ибо она для такого дела неспособна. **Это была перевозка в Россию всякой запрещенной литературы** — предпринятая на широкую ногу, которая провалилась с отходом от этой цели Фонда в самом Лондоне». (Подчеркнуто мной.— Е. Т.)

Вот для чего приезжала Э. Л. Войнич во Львов, оторвавшись от работы над «Оводом»!

Это было так законспирировано, что даже в 1911 году М. Павлик, раскрывая при публикации своей переписки в примечаниях множество других имен, не счел возможным раскрыть имя Э. Л. Войнич. Лишь в рукописном именном указателе, который М. Павлик сам составил к этой переписке, он указал ее имя: «Мадам Войнич — т. VIII, стр. 204, 205». Это как раз те страницы, где в письме от 23 февраля 1895 года упоминается «Англичанка».

Таким образом, создавая «Овод», Э. Л. Войнич принимала непосредственное участие в конспиративной революционной деятельности в Галиции, используя близость русской границы для переправки в Россию нелегальной литературы. Примечание М. Павлика раскрывает нам подлинную обстановку, в которой создавался «Овод»; оно чрезвычайно важно для понимания творческой истории этого замечательного произведения.

Работа в итальянских архивах и библиотеках помогла Э. Л. Войнич воссоздать историческую атмосферу итальянского освободительного движения в 30—40-е годы XIX века, но активное участие в революционном движении, личная заинтересованность в судьбах русской революции, риск и опасности, связанные с подпольной деятельностью,— все это помогло в создании прекрасного образа героя-революционера, который вот уже более полувека волнует сердца читателей «Овода».

Важно отметить, что Э. Л. Войнич глубоко интересовалась литературой украинского народа и хорошо знала украинский язык. Однако эта сторона ее деятельности еще мало известна. (Предполагают, что Э. Л. Войнич была лично знакома с Лесей Украинкой, что стихотворение Л. Украинки «К леди Л. В.», написанное в 1902 году, посвящено Э. Л. Войнич.) Можно указать, что еще в 1891 году Э. Л. Войнич переводила на английский язык украинские народные песни.

В 1911 году, к 50-летней годовщине со дня смерти Т. Шевченко, Э. Л. Войнич выпустила в Лондоне книжку «Шесть стихотворений с украинского Тараса Шевченко», в которой, кроме переводов шести стихотворений Т. Шевченко, она поместила еще биографический очерк о великом украинском поэте. Э. Л. Войнич высоко оценивала творчество Т. Шевченко, называя его лирику бессмертной. Анализируя особенности его поэзии, она сравнивает Шевченко с шотландским поэтом Р. Бернсом.

Украинские ученые с благодарностью отметили труд английской писательницы. В XIV зале Государственного музея Т. Г. Шевченко Академии наук УССР в Киеве выставлена маленькая книжечка стихов Шевченко на английском языке. Рядом помещен портрет женщины с прекрасным и умным лицом. Под портретом подпись: «Э. Л. Войнич — английская писательница. Переводчица произведений Т. Г. Шевченко». Надо сказать, что, насколько нам известно, это единственная музейная экспозиция, где посетитель может видеть портрет создательницы «Овода».

ПОЭТ ОСЕТИИ

Литературная общественность отметила пятидесятилетие со дня смерти основоположника осетинской литературы и литературного языка Константина Левановича Хетагурова, которого народ любовно и просто зовет Коста.

Вдохновенный певец и неутомимый просветитель осетинского народа, прозаик и публицист, драматург и этнограф, талантливый художник-живописец, Хетагуров стоит в ряду крупнейших деятелей революционной демократии. Всю свою недолгую жизнь отдал он борьбе за освобождение трудящихся.

Я счастия не знал, но я готов свободу,
Которой я привык, как счастьем, дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить.

Родился Коста 15 октября 1859 года в глухом ауле Нар Северной Осетии. Более полутора десятков лет провел он в стенах русских учебных заведений, из них около четырех лет — в петербургской Академии художеств.

Коста познакомился с лучшими образцами передового русского искусства. Писать он начал на русском и осетинском языках. В стихотворениях, посвященных деятелям русского искусства, он благодарит их за то, что дали они ему, сыну осетинского народа. Особенно дорогим для него было творчество Некрасова. Коста восхищался «чарующей лирой» Чайковского и Глинки, взор поэта привлекали полотна Репина, В. Маковского, Сурикова.

Коста изучал материалистическую эстетику Чернышевского, освоил принципы критического реализма и положил их в основу развития молодой осетинской литературы.

Вернувшись в 1885 году к горам родной Осетии, Коста создает знаменитый сборник «Ирон фандыр» («Осетинская лира», 1899), ряд поэм на русском языке — «Фатима», «Кому живется весело», «Плачущая скала», «Перед судом».

В последние годы советские литературоведы провели большую работу по изучению жизни и творчества Коста. В частности, установлено, что Коста начал писать одновременно на осетинском и русском языках в конце 70-х — начале 80-х годов, в период учебы в ставропольской гимназии. Доказано, что в гимназию Коста поступил не в 1873 году, как считалось раньше, а в 1871. Документально подтверждено, что подлинной причиной второй высылки Коста за пределы Северной Осетии была активная агитационная деятельность поэта против реакционных мероприятий царских властей и гнета осетинских помещиков. Как сказано в полицейском донесении, эта деятельность могла «повлечь за собой нежелательные волнения и беспорядки среди населения».

Исторические судьбы осетинского народа, его прошлая жизнь в «крае беспросветной нужды» нашли яркое воплощение в творчестве Коста Хетагурова.

В. КОРЗУН

Copyrighted material

Первые мячи футбольного чемпионата

Розыгрыш первенства страны по футболу начался 31 марта — на день раньше установленного срока. Дело в том, что снег на стадионах Киева и Харькова заставил изменить календарь и перенести некоторые матчи в Закавказье.

Но снег «догнал» футболистов и на юге. Команды «Торпедо» и «Шахтер» вышли на поле, покрытое снегом. Это было в Ереване. В тот же день сыпал снежок и в Баку, где играли киевские динамовцы с футболистами общества «Трудовые резервы».

Так необычно начался сезон. В нем были все элементы весеннего футбола: неловкие движения, промахи, смешные падения, неправильно забитые и не засчитанные судьей голы, наконец, ставший уже обычным «аттракцион» — мяч, вбитый... в свои ворота. Это случилось на ереванском стадионе, когда игрок команды «Шахтер» А. Алпатов вначале забил гол в ворота «Торпедо», а затем в свои. Так и закончились состязания со счетом 1 : 1.

Кто-то на трибунах иронически заметил:

— Сегодня Алпатов — самый результативный игрок!

С таким же итогом закончилась борьба в Баку.

В первый день апреля ненастье сменилось теплым, солнечным днем. В Тбилиси десятки тысяч зрителей пришли на стадион посмотреть на игру своих земляков с московскими динамовцами.

Но и в этот день судья зафиксировал еще одну гроссмейстерскую ничью, и с тем же итогом — 1 : 1.

Таким образом, 6 команд забили всего 6 голов, получили 6 очков (по одному каждая), а значит, и потеряли 6 очков.

Так «ничейно» начался сезон.

Но не везде. В Кишиневе, например, молодая команда общества «Буревестник», которая играла свой первый матч в группе сильнейших коллективов страны, не только не уступила опытному московскому «Локомотиву», но не удовлетворилась и ничейным результатом. Кишиневцы победили со счетом 2 : 1.

Интересно протекала борьба старых соперников — команды Центрального Дома Советской Армии с ленинградским «Зенитом». Как и в прошлом сезоне, «Зенит» проиграл на сей раз со счетом 1 : 3.

Бурно стартовал московский «Спартак». В матче с командой Свердловского окружного Дома офицеров москвичи продемонстрировали свое заметное превосходство.

Ниже мы печатаем сообщения наших корреспондентов о воскресных соревнованиях в Тбилиси и Баку.

6:0

Московская команда «Спартак» в прошлых сезонах на старте турнира обычно выступала неудачно. Она теряла много очков, которые затем наверстывала лишь большим напряжением сил. На сей раз было иначе.

Соперником москвичей оказалась команда Свердловского окружного Дома офицеров, которая впервые выступает в классе «А». Она не сумела противостоять беспрерывным атакам слаженного спартаковского нападения. К тому же полузащитники И. Нетто и А. Парамонов отлично взаимодействовали с нападающими.

Капитан спартаковцев Н. Симонян уже в начале игры открыл счет. Пропустив мяч, армейцы оттянули назад не только полузащитников, но и двух нападающих. Но это лишь на время стабилизировало положение. К перерыву счет стал 2 : 0.

Вторая половина соревнования показала, что москвичи превосходят своих соперников не только в технике и согласованности действий, но и в скорости.

Уже на второй минуте А. Исаев головой послал в сетку мяч, полученный с углового удара, — 3 : 0.

Свердловские защитники явно не успевали за спартаковцами. Москвичи, красиво комбинируя, то и дело приближались к их воротам.

А. Парамонов, Н. Симонян и И. Мозер вбили по одному голу, и к финальному свистку судьи счет стал 6 : 0.

Так начал в этом году турнир московский «Спартак».

А. КИКНАДЗЕ

г. Баку.

Баку, 31 марта. Флаг футбольного чемпионата поднят.

ТАК ТЕРЯЕТСЯ ОЧКО

Две динамовские команды — Тбилиси и Москвы — встречались двадцать девять раз. В день открытия футбольного сезона, 1 апреля, они вышли на поле, чтобы в тридцатый раз померяться силами. Напомним, что двадцать раз побеждали москвичи, четыре раза — тбилисцы, и пять матчей закончились мирными ничьими.

На сей раз обе команды вышли на поле с решительными намерениями добиться победы. Это видно было хотя бы по тому, что оба вратаря, М. Пираев и Л. Яшин, играли с довольно большой нагрузкой. И все же к перерыву ни одной из команд не удалось забить мяч.

Интересно, что и тбилисцы и москвичи на этот раз вышли на поле в несколько измененном составе. Изменения произведены с целью усилить линии полузащиты. Она укреплена у тбилисцев нападающими А. Гогоберидзе и А. Котрикадзе, а у москвичей — Г. Федосовым.

Такая перестановка, несомненно, придала игре атакующий стиль. Особенно это было заметно во второй половине матча, когда хозяева поля непрерывно нападали и только отличная игра капитана московских динамовцев вратаря Л. Яшина спасла чемпионов от поражения. Команды обменялись мячами и мирно разошлись.

Так закончилась эта напряженная встреча.

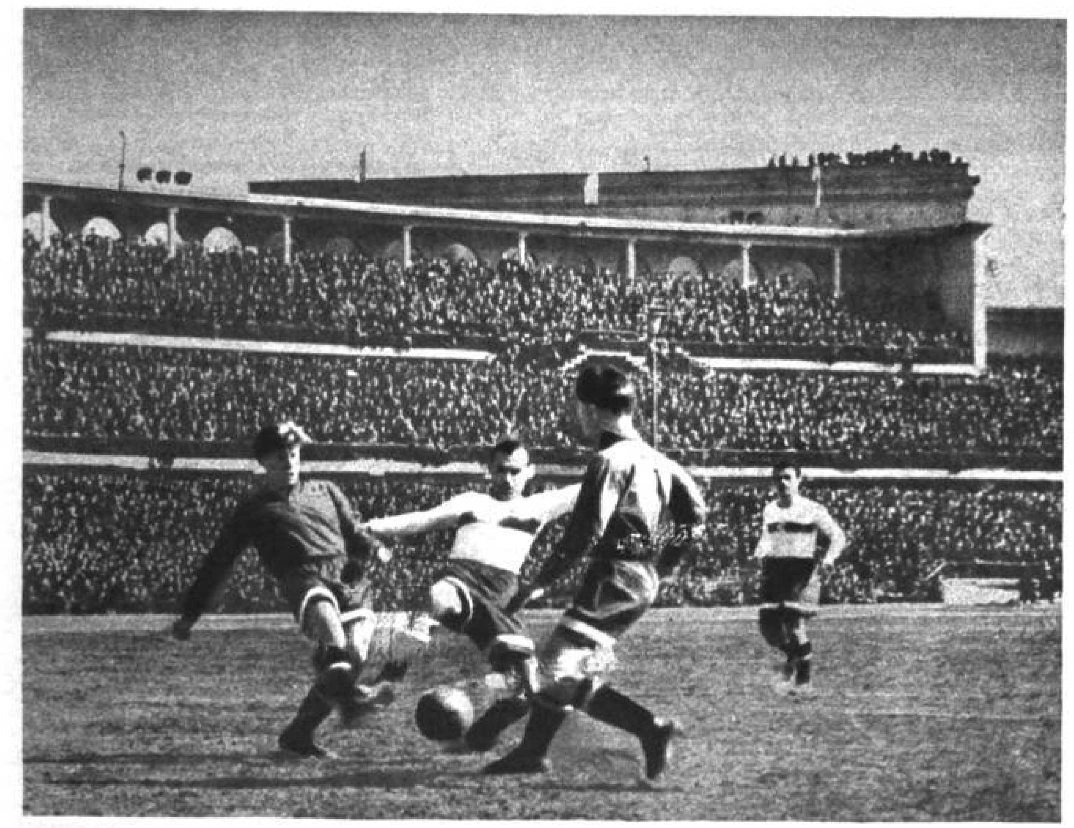
И. МЕСХИ

Тбилиси.

Момент игры: «Динамо» (Киев) — «Трудовые резервы» (Ленинград).

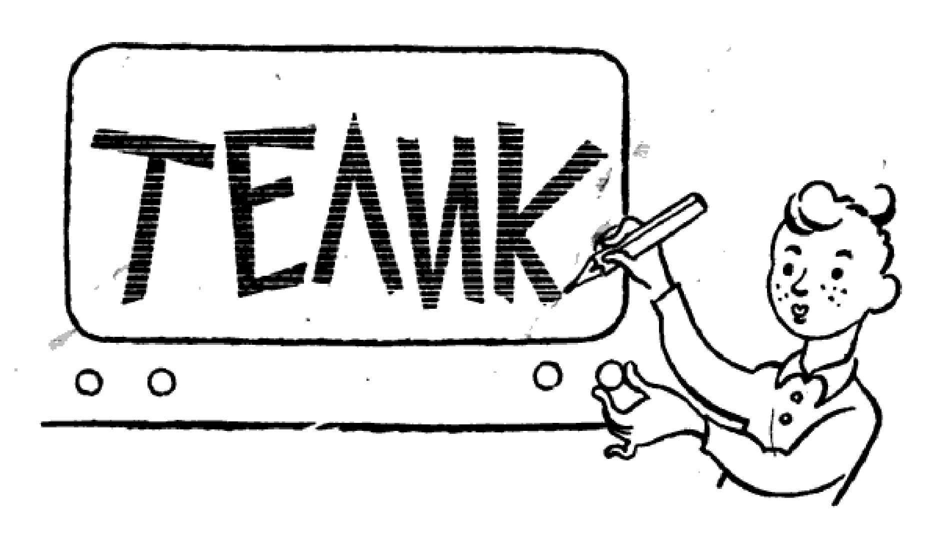
Фото С. Кулишова и В. Калинина.

На поле динамовцы Москвы и Тбилиси.

Фото В. Джейранова.

М. СЕМЕНОВ

Не подумайте, что телик — это имя собачки или какого-нибудь другого животного. Телик — предмет неодушевленный: это деревянный ящик с хитрым механизмом внутри. Если говорить строго, то велик — тоже предмет неодушевленный. Но, по совести, Вовка с этим не может согласиться. Вот папа — живой человек, значит, вполне одушевленный, а попробуй заставить его рассказать что-нибудь про войну — ни за что не допросишься. Телик же не только рассказывает, но и показывает. А про велик мама прямо говорит:

— Вова, оставь велосипед, дай ему отдохнуть!

Какой же это неодушевленный предмет, если он нуждается в отдыхе?

Телик тоже работает определенное время, в основном с семи часов. И это очень неудобно, потому что к этому времени Вовка часто не справляется с уроками. Тогда мама не разрешает Вовке заходить в комнату, где стоит телик. Но Вовка пробирается тайком, и из-за этого возникает очень жизненный конфликт, как выразился один дядя с большой лысиной, выступавший по телику с лекцией об искусстве театра.

То, что передачи по телику ведутся допоздна, тоже не совсем хорошо. Как только будильник покажет девять часов, мама говорит:

— Ребята, идите спать, сейчас выключу телевизор.

Но Вовка хорошо знает, что это предупреждение, собственно, относится только к нему. Так бы и надо говорить, нечего кривить душой! Ведь Наташке, поскольку она еще не ходит в школу, разрешают смотреть даже до десяти. У мамы получается довольно нелогично, когда она заявляет: «Ребята!».

И вообще теликом заведует мама, папа в это дело не вмешивается, тем более, что вечерами он всегда бывает на работе. Если чем-нибудь не угодишь маме, она говорит:

— Вовка, противный мальчишка, имей в виду, я не разрешу тебе смотреть телевизор!

И бывает, что не разрешает. Просто так, назло. Или скажет иногда:

— Вовка, сбегай в булочную, в воскресенье будешь смотреть телевизор, можешь даже Саханыча позвать.

Саханыч — это Сашка Агеев, он живет в пятьдесят четвертой квартире. С ним, конечно, смотреть интереснее, чем с Наташкой, по крайней мере, человек с понятием, у сашкиного папы есть заводной катер.

Одним словом, с помощью телика мама управляет Вовкой как хочет. И ему приходится подчиняться, тут уж ничего не поделаешь. Телик — такая вещь, что с ней шутить нельзя.

Настоящее раздолье бывает Вовке по воскресеньям. Особенно когда мама с папой уходят в гости — смотри сколько хочешь, никто не мешает. Вовка просмотрел все учебные передачи «Автомобиль», благодаря телику прекрасно разбирается в железобетоне и многих отраслях сельскохозяйственного производства.

Правда, по поводу передач для работников сельского хозяйства у Вовки вышел спор с тетей Симой, мамой Саханыча. Однажды шла передача «Ящур у крупных рогатых животных и борьба с ним». Тетя Сима сказала:

— Зачем москвичам такую чепуху показывают? Какие уж из нас работники сельского хозяйства!

И Вовка возразил, что это неверно: в Москве работников сельского хозяйства немало. Например, в одном нашем доме целых два: дядя Неходов, у которого на даче замечательная земляника, и потом дядя Кутько из второго подъезда. Его даже хотели послать на работу в деревню, но дядя Кутько заявил, что страдает хроническим гастритом, и от него отстали.

Вот насчет утренней гимнастики действительно зря передают. Ведь про гимнастику и по радио говорят и в «Советском спорте» печатают, а Вовка еще не видел ни одного человека, который бы по утрам гимнастикой занимался.

Мама как-то сказала папе:

— Ты бы, Сеня, гимнастикой занялся, полнеешь очень.

А папа ответил:

— Ну, знаешь, мне сон дороже. Потом я и на работе так намаюсь, что только бы до постели добраться.— И добавил, вероятно, специально для Вовки: — Хотя, конечно, гимнастика — дело полезное.

Вот и пойми взрослых: говорят одно, а делают другое.

И вообще мир устроен не очень справедливо. Взять хотя бы те же передачи по телику: для взрослых передают целых три часа, а для детей — пятнадцать минут. Только войдешь во вкус, как появляется тетя и объявляет:

— Детская передача окончена. Следующую передачу для детей смотрите завтра...

А чего смотреть, ведь почти каждый день одно и то же: «Валидуб», «Лесная быль», «Белоснежка и семь гномов», «Огни на реке»... Можно по пальцам пересчитать. «Огни на реке», например, Вовка уже наизусть знает.

И потом как только начнут по телику что-нибудь интересное показывать, то обязательно объявляют:

— Эту передачу детям до шестнадцати лет смотреть не рекомендуется.

Значит, взрослым рекомендуется, а детям нет. Тогда почему же взрослые смотрят детские передачи? Например, тетя Сима. Разве это по правде?

Вовка часто думает, что если бы он был министром, то приказал бы выпустить специальные телики для детей и чтобы взрослые к ним совсем не касались. Вот это была бы красота!

Теликом увлекается вся семья: и Вовка, и Наташка, и мама. И соседи увлекаются, они всегда по вечерам приходят. Особенно тетя Сима, она ни одного вечера не пропускает. То соль ей потребуется, то лавровый лист, то спички, то лук.

— Я только на минутку,— скажет тетя Сима. — Суп варю, а в доме ни одной луковицы.

Возьмет лук и сидит целый вечер. А вот когда в телике что-нибудь испортится, то у тети Симы всего оказывается вдоволь, и она не приходит.

Только когда встретит Наташку во дворе, обязательно спросит:

— Наташенька, приходил к вам мастер телевизор чинить? На тебе, милая, покушай.

И сунет Наташке конфету.

А папа вот телика не переносит. Правда, ему и смотреть-то не приходится. Даже по воскресеньям, когда он дома, гостей набивается полна комната. И все спрашивают папу:

— Семен Михайлович, вам видно?

А сами жмутся к телику, так что папе остается только на затылки смотреть.

Папа говорит маме:

— Меня ребята серьезно беспокоят. Они не гуляют совсем, уроки готовят наспех. Поверь моему слову, этот телевизор до добра не доведет.

Но мама только отмахивается. Между прочим, папа редко ошибается. И тут он сказал, как в воду глядел. Не довел-таки телик до добра.

Однажды в воскресенье мама послала Вовку в парикмахерскую.

— Иди постригись, а то на монаха похож стал. И смотри у меня, дальше парикмахерской ни шагу, сейчас же домой возвращайся.

Во дворе Вовка встретил Саханыча.

— На что хочешь спорю, не знаешь, что сегодня будет на Садовом кольце,— сказал Саханыч.

Вовка действительно не знал, но сдаваться сразу ему не хотелось.

— Эстафета «Вечерней Москвы»,— попробовал угадать Вовка.

Но Саханыч засвистел и торжествующим голосом сказал:

— Эстафета состоялась в позапрошлое воскресенье.

Делать было нечего, и Вовка признал свое поражение:

— Сдаюсь.

— То-то. На Садовом кольце велогонка. Айда смотреть!

Вовка не колебался ни минуты. Взявшись за руки, они пустились во всю прыть к Бородинскому мосту. На Садовом кольце было видимо-невидимо народу. Вовка с Саханычем быстро протиснулись вперед и стали напротив трибуны с огромным плакатом: «Финиш». Взад и вперед по улице проезжали машины с флажками, ходили какие-то дяди с красными повязками на рукавах, играла музыка,— словом, было очень весело. Вовка купил на выданные матерью деньги мороженого себе и Саханычу и старался ничего не пропустить.

Наконец показались велики. Сначала один, другой, потом целая стайка. Колеса их так быстро вращались, что блестящие спицы образовывали сплошной сияющий круг и больно было смотреть. Все хлопали в ладоши, а Вовка и Саханыч больше всех.

Дома же в это время происходило следующее. Мама возилась на кухне с пирогами, Наташка сидела у телевизора, смотрела передачу о велогонках. И вдруг закричала:

— Мама, Вовка наш! И Саханыч!

Прибежала мама и с ужасом увидела среди зрителей Вовку. А диктор в это время говорил:

— Теперь мы показываем вам любителей велосипедного спорта. Как видите, их собралось очень много. Посмотрите, например, на этих двух малышей. Они так увлеклись, что даже забыли о своем мороженом...

Но вряд ли мама слышала эти слова. Ее почему-то больше всего расстроило, что Вовка не подстрижен и действительно напоминает монаха и что в руке он держит эскимо.

— Ангина, верная ангина! — со стоном произнесла мама, и ей сделалось дурно.

Появился папа, выключил телевизор и дал маме капель. Наташка заревела во весь голос.

Надо ли перечислять все санкции, обрушившиеся после этого происшествия на голову Вовки? Во-первых, был поставлен на прикол велик. Во-вторых, немедленно отменена предполагавшаяся покупка электроконструктора. В-третьих, прогулки Вовки были строго ограничены пределами двора, теперь он не имел права и шагу шагнуть за ворота.

Ко всему этому Наташка дала Вовке презрительную кличку «зритель». А так как она еще не научилась выговаривать букву «р», то кличка эта звучит особенно обидно.

Что же касается телевизора, то теперь большую часть времени он находится под чехлом. Таково категорическое распоряжение папы. И теперь тетя Сима ходит за солью и спичками к Рыжкиным, тем паче, что у них недавно появился новенький «Темп».

Вовка стал учиться прилежнее. И когда ему случается зайти в комнату, где стоит сыгравший с ним такую злую шутку телик, Вовка глядит на него с опаской. Кто знает, какой еще номер может выкинуть этот, с позволения сказать, неодушевленный предмет!

Copyrighted material

Пусть пищит!

На книжных прилавках появилась книга Бор. Егорова, Яна Полищука и Бор. Привалова «Не проходите мимо». Авторы называют книгу романом-фельетоном. Произведения такого рода появлялись у нас довольно редко, поэтому и рецензировать их не то чтобы страшновато, а как-то непривычно!

О романе «Не проходите мимо» прежде всего можно сказать, что он с интересом читается. Это само по себе уже немаловажное достоинство литературного произведения. Роман написан живо, остроумно, весело и зло. В нем хорошо и к месту использованы профессиональные, так сказать, «диалекты», современный бытовой сатирический фольклор. Пожалуй, часть этого богатства авторы могли бы без всякого ущерба делу приберечь для следующего произведения: пересаливать так же вредно, как и пересахаринивать.

Сюжет романа прост и может быть пересказан в нескольких словах. Протарзанов, режиссер, этакий кинобог, он же «Витя в тигровом галстуке», отправляется снимать фильм о самозавивающихся овцах. Овцы эти выдуманы жуликом, но фильм делается в эпохальном стиле и является образцом подтасовки и лакировки. Почти по тому же адресу едут снимать фильм о матери-героине и ее семье два молодых оператора. Сценарий фильма написал литератор-дачник Бомаршов. Сценарий является откровенной штампованной халтурой. Молодые режиссеры отказываются от сценария и снимают фильм-хронику, попутно раскрывая и методы Протарзанова.

Вокруг основных персонажей располагается много второстепенных: подхалим Умудренский; рвущийся в председательское кресло Закусил-Удилов, головотяп и чинуша; его жена Вика, пустая модница; сын Бомаршова Альберт, бездельник и пустозвон, и т. п. Положительные персонажи, кроме двух молодых операторов, представлены в романе чрезвычайно симпатичной и многочисленной семьей Калинкиных, в которой только одна дочь, Вера, выросла уродом и держит равнение на Вику Закусил-Удилову...

В книге ведется кинжальный сатирический огонь по обывательщине, подхалимажу, очковтирательству, ротозейству и словолейству. Литературный этот удар хорошо поддерживается средствами иллюстрации — рисунками Е. Ведерникова.

Бор. Егоров, Ян Полищук, Бор. Привалов. Не проходите мимо. Роман-фельетон. Изд-во «Молодая гвардия». 1956. 285 стр.

Цель, поставленная авторами книги, реальная и достойная сатириков! Разве может, например, кто-нибудь из тех, кто в последние годы ходил в кино, сомневаться в жизненной достоверности Протарзановых? Разрозненные, подчас поодиночке существующие в жизни отрицательные типы в книге по законам сатиры собраны воедино. Их может быть больше или меньше, но это уже зависит от жанра произведения.

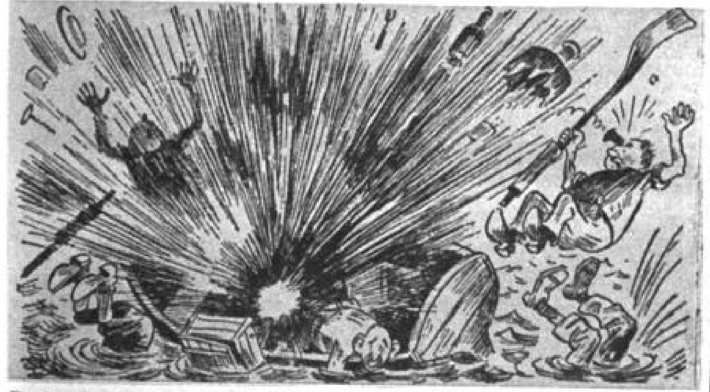
Однако можно и сказать, что авторы не использовали некоторых реальных возможностей для развития действия: например, до чего уместна была бы поездка подхалима Умудренского в соседний город, где исправно действует советская демократия и нормально течет общественная жизнь! Сколько неожиданных столкновений, сколько комических положений, сколько реальных возможностей посмеяться над подхалимом и подхалимажем! А заодно и сколько возможностей для показа положительного в сатирическом произведении. Такие возможности упускать не стоит — не в интересах баланса, а в интересах большей весомости общественного содержания.

Бор. Егоров, Ян Полищук и Бор. Привалов впервые выступают с произведениями такого рода, и они не прогадают, если учтут эти замечания на будущее. А книгу они написали, как уже было сказано выше, интересную: читатель от души посмеется над ее незадачливыми героями и сделает для себя кое-какие выводы. И пускай те, кто узнает себя в некоторых героях книги, поморщатся. Как говорят авторы, кто поросенка украл, у того в ушах пищит.

И пусть пищит!

Полезно

Н. ГРИБАЧЕВ

Рисунки художника Е. Ведерникова из книги «Не проходите мимо».

ТУРНИР ПРЕТЕНДЕНТОВ

Накануне открытия шахматного турнира претендентов на матч с чемпионом мира его участники встретились в Париже на торжественной церемонии открытия памятника первому русскому чемпиону мира Александру Александровичу Алехину.

Александр Алехин был шахматистом невероятной, сокрушительной силы. Даже побежденные им не могли не признаться, что получили эстетическое наслаждение, встретившись с богатейшей творческой фантазией выдающегося шахматиста-художника.

Алехин-шахматист был всегда объективен и самокритичен: он искал истину и не успокаивался до тех пор, пока не находил ее. Играл он темпераментно, всей душой. Его глаза сияли от радости, когда он находил красивую комбинацию.

Алехин был самым активным шахматистом в шахматной истории. Он сыграл около 50 тысяч партий, из них 3 тысячи — с мастерами. Он дал невероятно большое количество сеансов одновременной игры в разных странах мира. Он поставил мировой рекорд игры вслепую — на 32 досках! Среди этих партий были такие, которые показали, что Алехин, даже «слепой», иногда видел больше, чем простые смертные обоими глазами. Понятно, что подобная деятельность отразилась на здоровье Алехина, на его нервах.

Те, кто следил за бурной деятельностью Алехина, не очень удивились тому, что сердце неуемного гроссмейстера не выдержало более 53 лет. А ведь он мечтал сыграть в Москве, в Колонном зале!..

Шахматный король умер за шахматной доской. Но произведения шахматного искусства, созданные русским гением, останутся жить, пока люди будут играть в шахматы!

* * *

Мне вспомнились некоторые любопытные эпизоды из жизни Александра Александровича. Пользуюсь случаем, чтобы рассказать о них.

Впервые я увидел Алехина в Праге в 1924 году. Молодой гроссмейстер давал сеанс одновременной игры. Играя против него, я еще в дебюте зевнул качество, что тут же заметил. Обращаюсь к Алехину с просьбой вернуть мне ход. Гроссмейстер говорит, улыбаясь: «Что вы, что вы, молодой человек, на ошибках человек учится. Следующий раз вы отыграетесь!» В дальнейшем я сыграл с Алехиным много серьезных партий, но... отыграться так и не удалось!

Алехин был человеком огромной силы воли. Во время его труднейшего матча в 1927 году в Буэнос-Айресе с Капабланкой русский гроссмейстер сильно страдал от зубной боли. Болезнь, плохо помогающая творческой игре! Пришлось удалить шесть зубов, после чего Алехин продолжал успешно сражаться с «непобедимым» Капабланкой. Закончив матч, Алехин шутил: «Я отомстил Капабланке. За каждый вырванный зуб я выиграл у него партию!» (Алехин победил, выиграв 6 партий и проиграв 3.)

Забавен другой эпизод. В 1935 году состоялся матч Алехин — Эйве. Оргкомитету вручили счет из гостиницы «Карлтон» в Амстердаме, в которой жил Алехин. Казначей с удивлением смотрел на счет: «Ну и аппетит у чемпиона мира!» Выяснилось, что крупная цифра счета была вызвана тем обстоятельством, что Алехин чересчур увлекался... икрой. Обязаны ли голландцы уплатить за такое количество икры? Икра — не основной предмет питания. В Амстердаме тогда находился всеми уважаемый доктор Э. Ласкер. К нему обратился Оргкомитет: «Ваше мнение, доктор?» Э. Ласкер закурил сигару, подумал и ответил: «Видите ли, господа, формально Алехин у вас в гостях как француз. В душе же и по своему воспитанию Алехин русский. А как русский он, естественно, привык есть русскую икру». После этого разъяснения экс-чемпиона мира голландцы уплатили по счету.

А. Алехин, М. Эйве и С. Флор в Голландии в 1935 году.

В 1929 году в Карловых Варах проходил Международный шахматный турнир. В качестве корреспондента на нем присутствовал А. Алехин. В турнирном зале, на улицах курортники со всего мира охотились за автографом молодого чемпиона мира. Алехин терпел несколько дней, но затем объявил: «Больше никаких автографов!». Появился и некий весьма настойчивый американец. Алехин отказал в автографе и ему. Тогда этот американец обратился за помощью в судейскую коллегию: «Я согласен уплатить 1 000 крон за один автограф Алехина!» Это предложение передали чемпиону мира. «Ладно, подпишу». Деньги Алехин передал турнирному комитету с предложением премировать ими того участника турнира, который на следующий день первым выиграет свою партию. От участников это решение скрывалось. На другой день Тартаковер быстро победил Боголюбова. Велико было удивление Тартаковера, когда ему тут же, так сказать, «не отходя от кассы», главный судья турнира вручил конверт с 1 000 крон! «Это приз имени Алехина!» Любопытно, что победа Тартаковера (примерно в 12-м туре) была вообще первой победой Тартаковера в турнире!

* * *

После открытия памятника А. Алехину в Париже наша шахматная делегация и все участники турнира претендентов отправились в Голландию. Там, как известно, А. Алехин дважды встречался в матчах на первенство мира с голландским гроссмейстером М. Эйве. Теперь пятидесятилетний экс-чемпион мира уже не выдерживает натиска шахматной молодежи, и в нынешнем состязании сильнейших гроссмейстеров мира он не участник турнира, а его главный судья.

На «повестке дня» амстердамского турнира один вопрос: кто получит право в 1957 году помериться силами с гроссмейстером М. Ботвинником? Многие шахматисты, в том числе и главный судья турнира М. Эйве, а также шахматная печать отвечают на этот вопрос так: «Смыслов или Бронштейн, Бронштейн или Смыслов!»

Обозреватель «Огонька» также не собирается оригинальничать; он знает, что и Д. Бронштейн и В. Смыслов очень хотят вновь встретиться в матче с своим старым знакомым. Однако надо отметить, что среди других участников появились «новаторские идеи».

Острая спортивная борьба в этом интереснейшем состязании началась с первого хода, с первого тура. Так, например, Д. Бронштейн и П. Керес разыграли такой оригинальный дебют, который явился полнейшей неожиданностью не только для шахматных болельщиков, но, пожалуй, и для самих участников этой партии. После 7—8 ходов уже было о чем подумать. И действительно, вскоре и Д. Бронштейн и П. Керес, серьезно задумавшись, успели исчерпать почти все время, положенное им на 40 ходов! На 10-м ходу Д. Бронштейн отказался от ничьей вечным шахом и пошел на риск, не пугаясь худшей позиции. Бронштейн достойно отметил память А. А. Алехина! Острая дуэль все же закончилась вничью.

За храбрость в партии с П. Кересом Д. Бронштейн на другой день был щедро вознагражден Т. Петросяном. Один из лучших знатоков молниеносной игры, Петросян, оказавшись в цейтноте, подставил целого ферзя!

Борьба в турнире развивается настолько остро, что уже после четырех туров большинство участников успело познать горечь поражения. Немало волнующих моментов пережили на старте этого турнира равных и его фавориты — Д. Бронштейн и В. Смыслов.

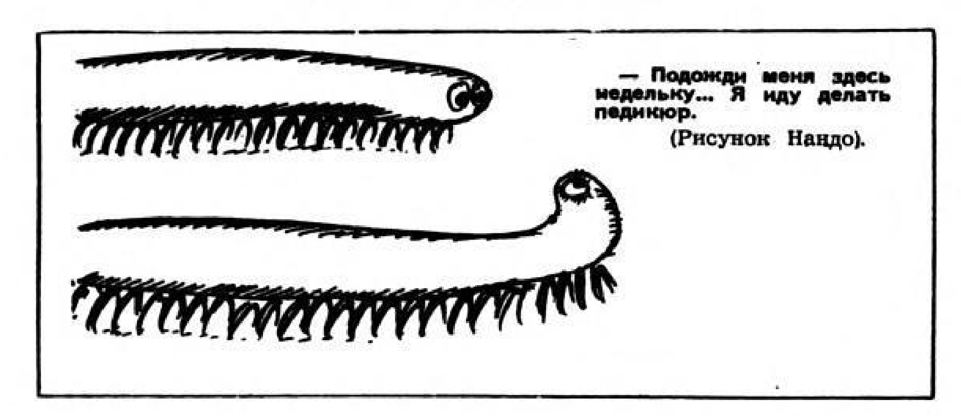
Впереди идет группа советских гроссмейстеров, обогнавшая иностранный квартет: О. Панно, Г. Пильника, Л. Сабо и М. Филипа. С уверенностью можно сказать, что предстоит на редкость увлекательная борьба. Победитель соревнования, а вместе с тем и будущий противник М. Ботвинника в матче на первенство мира определится к 1 мая.

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер.

Copyrighted material

Итальянский юмор

КАРИКАТУРЫ ИЗ «ВИЕ НУОВЕ»

— Подожди меня здесь недельку... Я иду делать педикюр.

(Рисунок Нандо).

— Вот увидишь, дядя Сэм сейчас скажет, что это водное пространство имеет жизненное значение для его торговли.

(Рисунок Скарпелли).

— А рыба свежая?

(Рисунок Нандо).

— Можешь идти домой, Карлетто... Сегодня мы даем урок правительству. (К забастовке учителей.)

(Рисунок Скарпелли).

НЕУДАЧА САМОУБИЙЦЫ

Водолаз:— Минутку! Я сейчас отрежу камень.

(Рисунок Виньи).

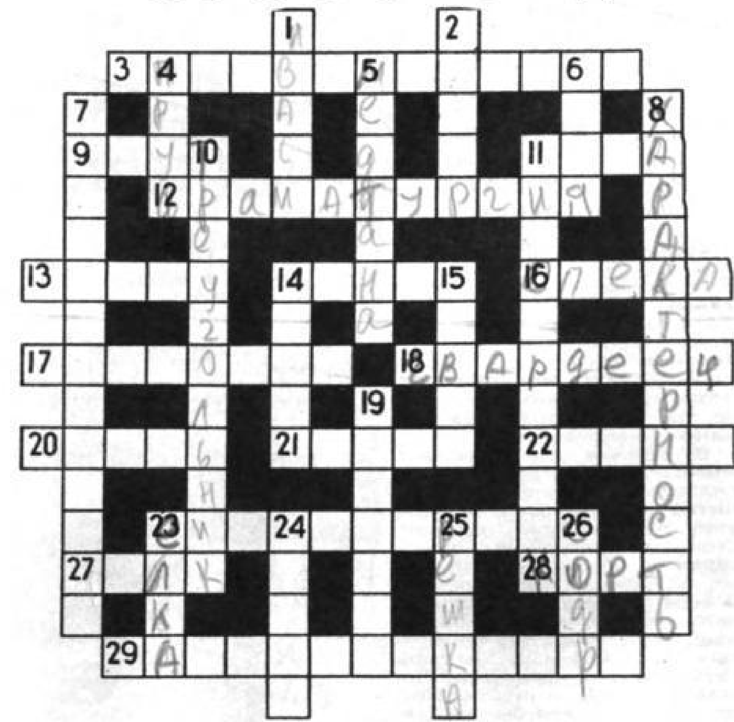
В РЕСТОРАНЕ

— Мне очень некогда! Принесите только счет!

(Рисунок Оски).

Перевод Р. Замковой.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Быстрота исполнения дела. 9. Водоворот. 11. Денежная единица Корейской Народно-Демократической Республики. 12. Теория построения одного из родов литературы. 13. Порт на Ботническом заливе. 14. Преддверие. 16. Забота, попечение. 17. Культурно-просветительное учреждение. 18. Военнослужащий части, отличившейся в боях. 20. Род вышивки. 21. Русский скульптор. 22. Река в Югославии. 23. Работник кинофикации. 27. Приток Урала. 28. Спортивная площадка. 29. Высококвалифицированный столяр.

По вертикали:

1. Волжская сельдь. 2. Крупный центр хлопчатобумажной промышленности в Индии. 4. Водоем. 5. Линии на географической карте. 6. Город в поэме «Илиада». 7. Подъем духа. 8. Ясно выраженная особенность. 10. Геометрическая фигура. 11. Участок, засаженный одним из видов плодового кустарника. 14. Разведочные работы. 15. Старинный французский танец. 19. Работник сельского хозяйства. 23. Хвойное дерево. 24. Жвачное животное. 25. Лицевая сторона медали, монеты. 26. Напиток.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

6. Просвещение. 9. Геолог. 10. Енисей. 11. Аллигатор. 14. Барма. 15. «Огонь». 16. Монолит. 17. Шайба. 19. Косяк. 21. Классификатор. 22. Наряд. 25. Дикий. 26. Мортира. 27. Синоп. 29. Прием. 31. Изыскание. 32. Чунцин. 33. Символ. 34. Цивилизация.

По вертикали:

1. Бригада. 2. Эскалатор. 3. Рентгенодефектоскопия. 4. Вегетация. 5. «Сиверко». 7. Делиб. 8. Нефть. 12. Прейскурант. 13. Конструкция. 17. Шубин. 18. Ананд. 19. Катод. 20. Калий. 23. Боярышник. 24. Краснодар. 27. Самум. 28. Принцип. 29. Престиж. 30. «Мирон».

Из почты «Огонька»

ЯЩЕРИЦА-КРУГЛОГОЛОВКА

Ящерица-круглоголовка, заметив опасность, принимает угрожающую позу: тело напряжено, хвост поднят, ноги судорожно топают по песку.

Мне удалось сфотографировать такой момент в зоне Кара-Кумского канала.

Инженер-почвовед Г. КАМЕНИР-БЫЧКОВ

Ташкент.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин Горьковского государственного художественного музея и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 00779. Подп. к печ. 4/IV 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 287. Заказ № 771. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

В ЗООПАРКЕ

МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ И ДВОРНИКИ СТЯНУЛИ С ЗЕМЛИ ХОЛОДНОЕ СНЕЖНОЕ ПОКРЫВАЛО. НА ЕЕ ВЛАЖНОЙ БУРОЙ ПОВЕРХНОСТИ КОЕ-ГДЕ УЖЕ ПРОБИВАЕТСЯ ИЗУМРУДНАЯ ТРАВКА. ВОЛНУЮЩИЕ ВЕСЕННИЕ ЗАПАХИ МАНЯТ ЗВЕРЯ И ПТИЦУ ИЗ СУМРАЧНОЙ ЗИМНЕЙ ВОЛЬЕРЫ, ИЗ ТЕСНОЙ КЛЕТКИ НА ЛОНО ПРОБУЖДАЮЩЕЙСЯ ПРИРОДЫ...

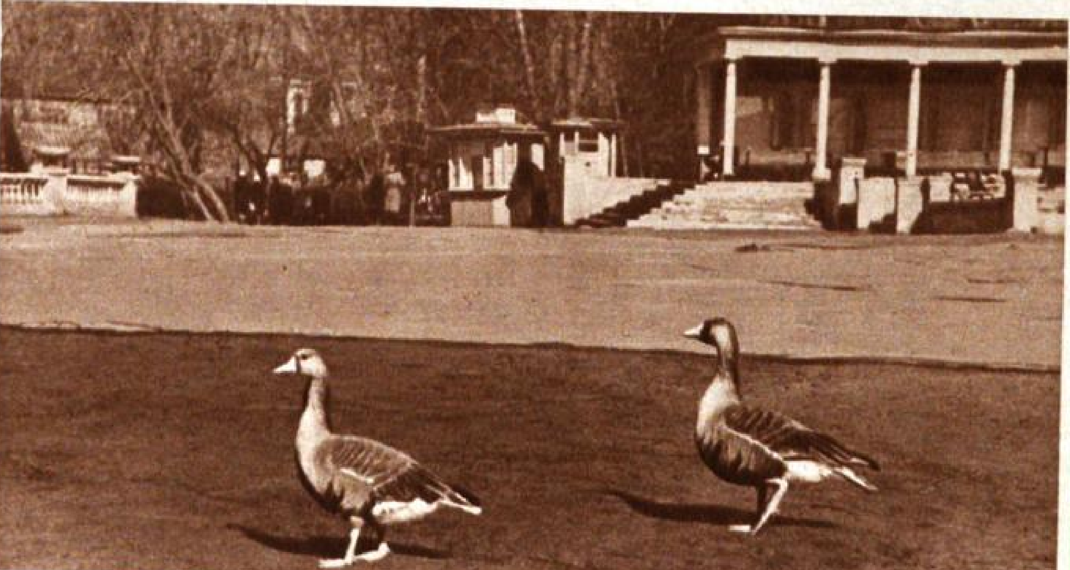
После долгого перерыва белый медведь не без удовольствия видит в воде бассейна отражение своей черноносой морды.
«Ничего не скажешь: хорош!»

Расправив свои метровые крылья, греется под живительными лучами весеннего солнышка старый хищник — гриф. →

Вновь можно порезвиться, поплавать, понырять, как дома, в Арктике.

Светает. Горожане еще спят, а кто и встал, тот, конечно, не торопится в зоопарк. Этим ранним часом пользуются домовитые птицы. Они обходят тихую, безлюдную территорию парка в поисках уютного уголка для устройства семейного гнезда.

А бурый мишка не спешит искупаться.
«Пусть вода нагреется, а пока я лучше позагораю».

Бедные обезьяны! Их не пускают на воздух: свежо — южные гости могут простудиться. Приходится пока любоваться приходом весны через толстую стеклянную стену.

Н. НИКОЛАЕВ
Фото Ан. АНЖАНОВА.

Copyrighted Material

Цена номера 3 руб.

Н. Д. Кузнецов. КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ.

Выставка произведений художников РСФСР

Copyrighted material